

T $\frac{29}{83}$

Бухарев.

29.
83
ПЕЧАЛЬ И РАДОСТЬ,

Т 29 ПО СЛОВУ БОЖІЮ.
83

ОЧЕРКИ СВЯЩЕННЫХЪ КНИГЪ

«ПЛАЧА ІЕРЕМІИ» И «ПѢСНИ ПѢСНЕЙ»,

СЪ ПРИКЛАДНЫМЪ СООБРАЖЕНІЕМЪ

ОБЪ АПОКАЛИПСИСѢ И 3 КНИГѢ ЕЗДРЫ.

Соч. Александра Бухарова.

МОСКВА.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА А. И. МАНУХИНА.

1865.

ПЕЧАЛЬ И РАДОСТЬ,

ПО СЛОВУ БОЖІЮ.

ОЧЕРКИ СВЯЩЕННЫХЪ КНИГЪ:

„ПЛАЧА ІЕРЕМІИ“ И „ПѢСНИ ПѢСНЕЙ“,

СЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ СООБРАЖЕНІЙ

ОБЪ АПОКАЛИПСИСЪ И 3 КНИГЪ ЕЗДРЫ.

Соч. Александра Бухарева.

*Воскресни Боже, суди земли: яко Ты
наслѣдиши во всѣхъ языкахъ. Псал.
LXXXI, 8.*

*„Не бойся, малое стадо! Ибо Отецъ вашъ
благоволилъ дать вамъ царство“. Лук.
XII, 32.*

М О С К В А.

Изданіе Книгопродавца А. И. Мапухина.

1865.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлено было въ Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Апрѣля 12-го дня 1865 года.

Цензоръ *Архимандритъ Макарій.*

Типографія В. Готье.

2007097180

«Печаль и радость, по слову Божію», раз-
мѣются и раскрываются здѣсь не вообще, не по
отношенію и къ разнымъ частнымъ печальнымъ
или радостнымъ предметамъ и обстоятельствамъ
жизни, но именно по отношенію къ современ-
ному состоянію міра и христіанства. Въ примѣ-
неніи къ этому и разсматриваются св. книги
«Плача Іереміи» и *«Пѣсни пѣсней»*. Нѣко-
торыя соображенія объ *Апокалипсисѣ* и 3
книгѣ Ездры прибавлены собственно въ пояс-
неніе и подтвержденіе главныхъ мыслей автора
о печальной и радостной сторонахъ нашей со-
временности.

Но зачѣмъ, скажетъ кто нибудь, взяты здѣсь
особенно-таинственныя книги?—Не изъ мечта-
тельнаго мистицизма. Напротивъ, любящихъ истину
авторъ предупреждаетъ, что въ первой статьѣ
здѣсь таинственное объясняется до точности

II

самою современностію, во второй раскрывается такая таинственная сила, отъ дѣйствія которой, даже слишкомъ отдаленнаго и непрямаго, не могутъ оборониться иногда самые отчаянные скептики или отрицатели всего таинственнаго, а въ третьей и четвертой статьяхъ тайна разрѣшается въ историческую истину.

I.

ОЧЕРКЪ СВ. КНИГИ

„ПЛАЧА ІЕРЕМІИ“.

„Печаль ради Бога, говоритъ Св. Апостолъ Павелъ, производитъ неизмѣнное покаяніе ко спасенію“ (2 Кор. VII, 10). И какъ необходима намъ эта покаянная, спасительная печаль для исправленія у насъ и въ насъ многого худого въ разныхъ отношеніяхъ! Извѣстны двѣ худыя особенности нашего времени, служащія источникомъ для многихъ бѣдъ и безпорядковъ, сначала духовныхъ, или умственныхъ и нравственныхъ, а потомъ неизбежно и вѣшнихъ. Съ одной стороны, наша современность отличается тѣмъ, что мысль и жизнь многихъ изъ насъ идутъ *почти*, или даже рѣшительно (*) безъ вниманія

(*) У насъ есть уже такіе доморощенные скептики, которые открыто предъ всѣми признають за „святыя и

къ Христовой истинѣ и благодати, къ св. церкви, къ дѣлу спасенія души; люди этого рода мечтаютъ дознать и благоустроить все въ мірѣ безъ Христа, Котораго они или забываютъ, или разумѣютъ ложно, или знать не хотятъ. Но въ Христа нѣтъ мѣста и для любви Отца небеснаго и для Духа жизни; слѣдовательно, есть мѣсто только отверженію и смерти, которыя сокровенно вѣдряются въ людяхъ, отступающихъ отъ Христа, но рано или поздно раскроются во всей силѣ своей. Съ другой стороны, и держась своею вѣрою Господа, мы не озабочиваемся, а иногда и упорно не хотимъ входить въ чело-вѣколюбивый духъ пришествія Его на землю ради именно грѣшныхъ, болѣющихъ, гибнущихъ во грѣхахъ и заблужденіяхъ (*). Отъ того, и ревнуя о св. церкви, какъ сокровищницѣ благодати и твердынѣ истины, не довольно поставляемъ себѣ на видъ, что она такова не иначе,

вѣчныя истины“ только потребности аппетита и подобн., а разъясненія слова *крестнаго* провозглашаютъ напрямикъ *юродствомъ* (См. „Русское Слово“ Мартъ. 1865 г. Библиографич. отд.).

(*) У насъ есть не только нехотящіе одушевляться и водиться любовію Господа къ заблуждающимъ грѣшникамъ, но и соблазниющіеся словомъ (а, пожалуй, и дѣломъ) такой любви.

какъ благодатное тѣло Христово, одушевляемое и живущее только Его человеколюбивымъ духомъ, а потому связующее всѣхъ своихъ членовъ именно любовію (Еф. IV, 15, 16). Стараясь соблюдать что либо церковное, недостаточно помнимъ или знаемъ, что истинная или православная церковь есть во всѣхъ своихъ правилахъ, учрежденіяхъ и принадлежностяхъ „полнота Христа, наполняющаго (у ней) всё во всемъ“ своею милующею и спасающею грѣшный міръ благодатію (Еф. I, 23), готоваго съ своей стороны „наполнить все“ отъ неба до преисподней (IV, 9, 10); только бы мы своею вѣрою воспринимали и проводили всюду, во всякія среды, живительный и святой свѣтъ Христовъ (*). Озабочиваясь спасеніемъ души въ себѣ и другихъ, мы не заботимся о необходимомъ для этого раскрытіи въ себѣ и другихъ свободного духа благодати, перазлучнаго съ возбужденіемъ ума и облагороженіемъ воли и сердца; а чрезъ это закоснѣваемъ сами и другихъ оставляемъ коснѣть въ низкомъ и невѣжественномъ рабскомъ духѣ, свойствен-

(*) Естественно, что худые пріемники Христова свѣта, открытаго въ православной церкви міру, невзвѣщающіе и непріемлющіе всеобъемлемости этого свѣта, остаются такими же худыми его и проводниками.

номъ развѣ іудейству, но никакъ не христіанству (Рим. VIII, 15), и тѣмъ еще даемъ поводъ разнузданному своеволію прикрываться подъ личиною нравственно-свободнаго духа. Чрезъ всё подобное обезсиливается въ насъ христіанство, даже православное, связывается прямое его направленіе, закрывается или извращается истинный смыслъ всего церковнаго, открывается просторъ, подъ личиною благочестія, невѣжественному мраколюбію, ложной или неразумно-жестокой ревности, лицемерной или не оживленной любовію къ людямъ набожности, безпощадному къ другимъ самовозношенію и проч. и проч. Коротко сказать: и съ этой стороны нѣтъ мѣста Христу въ живомъ Его духѣ и истинѣ, нѣтъ, значитъ, мѣста и для благоволенія Отца небеснаго и для Животворящаго Св. Духа. Такъ и новый Израиль становится плѣнникомъ губительнаго духовнаго Вавилона! Требуется отъ насъ ясное сознаніе этого и глубокая скорбь по Богу, или плачь именно слезами Іереміи, для освобожденія нашего отъ этихъ губительныхъ бѣдъ тяготящаго на многихъ изъ насъ духовно-вавилонскаго плѣна.

А тамъ на Востокѣ братья наши, по православію, томятся и во внѣшнемъ плѣненіи отъ властолюбиваго и вмѣстѣ звѣрскаго Ислама. А

другіе братья же наши по христіанству, на западѣ, связаны многовѣковыми узами неправославія и далеко, далеко отведены изъ обѣтованной земли вселенской православной церкви, то подъ гнѣтомъ духовнаго деспотизма, подавляющаго свободную вѣру во Христа и церковь плѣнническою вѣрою въ самозванное и высокомѣрное папское главенство надъ церковію и самымъ міромъ, то подъ отпадающимъ отъ Христа самочиніемъ и своеволіемъ самой вѣры, особенно мысли, знанія и жизни. II изъ нашихъ церковно-отечественныхъ оградъ сколько Христовыхъ овецъ расхищено и разсѣяно по разнымъ дебрямъ упорныхъ расколовъ, то подъ темнымъ рабствомъ мертвой буквы, внѣшности, испорченной старины, то подъ увлеченіемъ мнимой или мечтательной, своенравной и иногда прямо плотоугодной духовности! Велика должна быть печаль по Богу обо всѣхъ этихъ скорбяхъ, лишеніяхъ и опустошеніяхъ Іерусалима христіанской вѣры и церкви, чтобы произвести неизмѣнное покаяніе ко спасенію, къ собранію плѣнныхъ и разсѣянныхъ чадъ новаго Израиля въ единеніе и свободу вселенскаго православія. Или скажете, что эту печаль ради Бога должны питать въ себѣ уже сами они? Можетъ быть, они, или избранные изъ нихъ, во глубинѣ своего духа уже и носятъ эту спасительную печаль по Богу;

православнымъ Востока, и навѣрное, не чужда духовная скорбь о плѣнническомъ стѣсненіи и униженіи въ нихъ православія. Но Іеремія, при плѣненіи Израиля и опустошеніи земли обѣтованной, не смотрѣлъ уже на то, сколько несчастные плѣнники сами прошикались печалію по Богу. Онъ въ собственномъ Богодвижномъ сердцѣ, излившемся во вдохновенномъ Свыше «Плачь», сосредоточилъ силою Св. Духа всю скорбь тогдашней церкви о плѣненіи и озлобленіи ея дѣтей, передавъ въ этомъ вѣрующимъ урокъ Слова Божія не только личные свои грѣхи и бѣды оплакивать; но и принимать къ сердцу грѣхи и слѣдующія за ними бѣды своихъ собратій, какъ свои собственные. Обозримъ для этого книгу „Плача Іереміи“.

Предварительныя замѣчанія о происхожденіи книги, о плѣнѣ вавилонскомъ и объ отношеніи къ нему Прор. Іереміи.

Что эта книга принадлежитъ къ священнымъ книгамъ Слова Божія, объ этомъ не было сомнѣнія ни въ Ветхозавѣтной, ни въ Новозавѣтной церкви. Что она писана именно Пророкомъ Іереміею, оплакивавшимъ въ ней бѣдствія избраннаго народа, не возникало и объ этомъ никакого разногласія и недоразумѣнія въ самой западной

придирчивой критикѣ новѣйшаго времени. Только нѣкоторымъ (*) казалось, что Іеремія написалъ эту книгу по поводу не плѣна вавилонскаго, а смерти благочестиваго іудейскаго царя Іосіа; такъ какъ въ книгѣ „Плача“ сказаны о потерѣ царя такія слова, которыхъ не заслуживалъ ни одинъ изъ послѣднихъ, предъ плѣномъ, царей іудейскихъ. Вотъ эти слова: „и дыханіе поздрей нашихъ — помазанникъ Іеговы пойманъ въ ровъ ихъ, тотъ, о которомъ мы говорили: будемъ жить подъ сѣнію его среди народовъ“ (Плач. IV, 20). Но здѣсь рѣчь собственно не о той или другой личности царственной, а о званіи и достоинствѣ царскомъ, составлявшемъ необходимое условіе и средоточіе для гражданской самостоятельности Іудеевъ среди другихъ народовъ. Не говоримъ уже, что отъ начала до конца книги содержатся непрерывныя и самыя рѣзкія указанія на бѣдствія и ужасы всенароднаго плѣненія Іудеевъ, совершеннаго опустошенія Іерусалима и всей земли іудейской. Поэтому строгую историческую истину выражаетъ слѣдующее надписаніе книги „Плача Іереміа:“ *и бысть, по-*

(*) Ceillier, Michäelis, Dathe. См. у Глера въ историч. и критическ. введеніи въ книги В. и Н. Завѣта. Томъ IV. стр. 141.

внегда въ плънъ отведенъ бѣ Израиль, и Іерусалимъ опустошенъ бѣше, сяде Іеремія пророкъ плачуцѣ, и рыданіе рыданіемъ симъ надъ Израилемъ и глаголаше... Языкѣ, тонѣ, складѣ рѣчи и мыслей, духѣ живой, сострадательной и порывистой сердечности ясно обнаруживаютъ въ писателѣ книги „Плача“ тотъ именно органъ Св. Духа, которымъ провозглашены пророческія рѣчи главной книги Іереміи; особенности «Плача Іереміи» явно соотвѣтствуютъ тяжелымъ и плачевнымъ обстоятельствамъ происхожденія этой книги—плѣненію Іудеевъ и разрушенію всего священнаго для нихъ въ землѣ обѣтованной.

Для лучшаго пониманія содержанія и духа въ книгѣ «Плача Іереміи», обратимъ вниманіе на особенную важность времени и значенія для вѣры плѣна вавилонскаго и на особенное отношеніе къ этому событію Св. Пророка Іереміи.

Время, когда Халдеи разрушили Іерусалимъ съ храмомъ и отвели Іудеевъ въ Вавилонъ въ плѣнъ, было еще такимъ временемъ древности, когда и язычники еще живо ощущали Божественное, свѣтящееся во всемъ мірѣ, только продолжали относить это Божественное къ самымъ явленіямъ и существамъ видимаго міра (*).

(*) Бѣдствіа плѣна вавилонскаго начались около 600

Тѣмъ болѣе для народа Божія, какъ глубоко ни былъ растлѣваемъ тогда его духъ упадкомъ вѣры въ Іегову и умноженіемъ всякихъ пороковъ, еще не померкъ Божественный и благодатный отсвѣтъ на видимомъ и земномъ, свѣтившійся именно на есократической ихъ народности, на святой ихъ землѣ, на Сіонѣ и проч., въ силу завѣтовъ и обѣтованій Божіихъ. Отнятіе залоговъ и образовъ завѣтной Божіей любви, произведенное опустошеніемъ земли обѣтованной и разрушеніемъ Іерусалима и его святилища, сообщало этимъ залогамъ и образамъ тѣмъ болѣе выразительности и драгоцѣнности для вѣры. Такъ обыкновенно бываетъ, что и недорожащіе драгоцѣнностью, пока она въ ихъ рукахъ, начинаютъ понимать и чувствовать высокое и достолюбезное ея значеніе, когда ея лишаются. Этимъ объясняется, что плѣненіе народа Божія и опустошеніе всего священнаго для него и всего его достоянія было, по возрѣнію вѣры, «поверженіемъ съ небесъ на землю красы Израилевой», забвеніемъ Іеговою «подножія ногъ Своихъ» (Плач. II, 1). Униженіе и озлобленіе Іудеевъ значило для вѣры

л. до Р. Х. Это было время, когда едва начинала у Грековъ процвѣтать и у Римлянъ усиливаться гражданская жизнь, одушевляемая духомъ язычества.

то, что „священные камни разбросаны“ по улицамъ, что „драгоценные сыны Сіона, равновѣсные золоту отличному, считаются, увы, наравнѣ съ глиняною посудой» (IV, 1, 2). Обезсиленіе начальниковъ было почерпнѣмъ того, что было чище снѣга, бѣлѣе жемчуга, равнялось сапфиру (ст. 7, 8). Паденіе царскаго достоинства въ Іудеи было отнятіемъ того, чѣмъ организмъ Божія народа одушевлялся, какъ дыханіемъ изъ устъ Божіихъ, вдохнутымъ въ ноздри (*) первозданнаго человѣка (ст. 20). И вообще спасающая любовь Божія, съ лишеніемъ важнѣйшихъ ея залоговъ и образовъ, представляла вѣрующему губительную для чадъ церкви вражду: «Господь сдѣлался непріателемъ, раззорилъ Іакова» (II, 4, 5). На чемъ же вѣра послѣ этого будетъ опираться?! Гдѣ надежда спасенія?! Истинно Іерусалимъ могъ сказать о себѣ: „посмотрите, есть ли горе, подобное моему горю“? (I, 12). Справедливо было сказать о Іерусалимѣ „какъ море, велика рана твоя. Кто исцѣлитель“? (II, 13).

(*) Выраженіе о царѣ: „дыханіе ноздрей нашихъ — помазанникъ Іеговы“ и проч., очевидно, взято съ изображенія вдохновеннаго *въ ноздри* первозданнаго *дыханія* *жизней* (Быт. II, 7. Еврейс.).

Іеремія, какъ истинный и совершенный въ свое время вѣрующій, уже и по этому могъ сознать и чувствовать вполне такое мрачное значеніе плѣна вавилонскаго. Но кромѣ этого надо взять во вниманіе, что этотъ Пророкъ съ самой ранней юности своей провидѣлъ это роковое народное бѣдствіе и, какъ неутомимый ратоборецъ, велъ непрерывную духовную брань противъ народныхъ пороковъ, привлекавшихъ это страшное наказаніе къ Іудеи (*). Наконецъ завоевательные походы Навуходоносора грозили всему почти, извѣстному тогда, политическому міру порабощеніемъ. Однако и въ это время Іеремія (см. XXVII гл.) именемъ и словомъ самаго Бога увѣрялъ Іудеевъ, что только бы они изъявили покорность царю вавилонскому, избранному отъ Бога на смиренное владычество надъ народами, и Господь пощадитъ іудейское царство отъ разрушенія. Но знать ничего этого не хотѣли іудейскій ложный патріотизмъ и ложная надежда на независимость отъ Вавилона, возбуждаемая лжепророками. Теперь, когда рука Божія, тщетно отвращаемая Пророкомъ отъ пораженія невѣрныхъ чадъ церкви, опустилась на нихъ съ своею карою, — пламенѣющій Божіею къ нимъ

(*) См. очеркъ мой: „Св. Пророкъ Іеремія“.

любовію Пророкъ былъ въ положеніи такого человека, который, сколько ни боролся за свою драгоценность, видитъ ее наконецъ вырванною изъ своихъ рукъ и погибающею. И это испытаніе досталось сердцу нѣжнѣйшему, сочувственному скорбямъ даже язычниковъ наказываемыхъ. Можно потому понять, какимъ удободвижнымъ органомъ оказывался Іеремія для Св. Духа, воздыхающаго неизглаголашными воздыханіи объ отверженіи, хотя и временномъ, возлюбленныхъ Божіихъ. Въ такомъ Боговдохновенномъ состояніи Іеремія и написалъ свою книгу «Плача».

Составъ и существенный смыслъ книги «Плача»; обзоръ содержанія книги по отдѣламъ.

Скорбь Пророка о подавленіи тогдашней церкви страшнымъ ярмомъ плѣна вавилонскаго, эта скорбь, въ которой Св. Духомъ изливалась любовь Божія къ невѣрнымъ ей и отвергаемымъ отъ нея, но все же дорогимъ и незабвеннымъ для нея чадамъ церкви, была подобна морю безбрежному. Чтобы излить такую безмѣрную скорбь въ предѣлахъ и порядкѣ правильной и стройной рѣчи, Пророкъ нашелъ нужнымъ въ изложеніи своихъ Боговдохновенныхъ мыслей и чувствъ

держаться порядка буквъ еврейскаго алфавита. Это былъ извѣстный въ священной еврейской поэзіи родъ такого построенія рѣчи, въ которомъ первый стихъ начинается первою буквою еврейскаго алфавита, второй стихъ второю и такъ далѣе до послѣдней буквы алфавита; а мысли въ стихахъ раскрываются и излагаются большею частию *параллелизмами*, или нѣсколькими сходными представленіями и выраженіями. Въ книгѣ «Плача Іереміи» четыре такихъ отдѣла, въ которыхъ рѣчь построена по указанному сейчасъ алфавитному порядку; а въ пятомъ отдѣлѣ (см. V гл.) стихи идутъ уже не по порядку буквъ алфавита, а только *числомъ* столько же этихъ стиховъ, сколько буквъ въ еврейскомъ алфавитѣ. Въ такую искусственную мѣру вводитъ Пророкъ Іеремія свою плачевную рѣчь, очевидно, для того, чтобы имѣть удобство овладѣть чрезъ это безмѣрною своею скорбію для правильнаго и стройнаго ея выраженія!

Прослѣдимъ же теперь весь ходъ «Плача Іереміи» по его пяти отдѣламъ. Но при этомъ будемъ помнить, что существенное значеніе и древняго Израиля условливалось, какъ теперь значеніе новаго Израиля — христіанъ услови-

вается, именно, вѣрою во Христа и Его благодатию; только древній Израиль вѣровалъ еще въ грядущаго Христа и предусвоялъ или предощущалъ благодать еще только въ ея заботахъ и образахъ, въ обѣтованіяхъ и предначатіи, а новый Израиль вѣруетъ во Христа уже пришедшаго и усвояетъ себѣ благодать въ самой ея существенности и полнотѣ. Поэтому и обѣтованная земля съ священнымъ ея средоточіемъ — Іерусалимомъ и храмомъ образно представляла или давала ощущать въ себѣ вѣрующимъ область имѣвшей открыться Христовой благодати. И вотъ, по тому самому, опустошеніе земли обѣтованной, разрушеніе Іерусалима и храма, плѣненіе Іудеевъ Халдеями — все это было выраженіемъ для вѣры того, что для насъ христіанъ значитъ достопамятное наше удаленіе отъ началъ и духа Христовой благодати и плѣнническое увлеченіе противохристіанскими началами (какъ-то: неправомысленными идеями и злыми страстями), или противнымъ Христовой, человеколюбивой до самопожертвованія, правдѣ направленіемъ самой вѣры. Эти-то духовно-нравственные халдеи дѣлаютъ многихъ, многихъ изъ новаго Израиля, рабами лжи и грѣха или сообщаютъ и самому христіанству многихъ жесткій рабскій духъ, отнимаютъ у многихъ

необходимую для жизни умовъ и сердецъ пищу Христовой истины, раскрываемой въ истинной, живой ея силѣ, обезсиливаютъ во многихъ благодатную дѣйственность церковныхъ порядковъ, праздниковъ и проч., открываютъ входъ во внутреннее святилище многихъ духу растлѣннаго язычества или жестоковаго іудейства, такъ что въ однихъ совсѣмъ заустѣваетъ святиня вѣры, а въ другихъ совѣсть дѣлается какъ бы сожженою. Говорить ли снова о разныхъ видахъ неправославія и расколовъ, заставившихъ св. вселенскую церковь сиротѣть чадами ея, какими должны бы быть всѣ народы, какими, въ прежнія счастливыя времена, были и Римъ и Галлія и Британія и Испанія и проч.? Повторять ли, что православная церковь на Востокѣ подвержена и внѣшнему плѣненію? Такъ и внѣшній мечъ, а не одна духовная внутренняя смертоносность разить новаго Израїля. Все это есть тоже для Новозавѣтныхъ временъ, что, по своему значенію, былъ вавилонскій плѣнъ въ Вѣтхомъ завѣтѣ. Вотъ почему и о чемъ, въ существѣ дѣла, плакалъ Іеремія въ своемъ „Плачѣ“, начиная съ перваго его отдѣла, который въ этомъ отношеніи не требуетъ даже никакихъ новыхъ замѣчаній.

Въ этомъ первомъ отдѣлѣ Пророкъ оплаки-

ваетъ разнообразныя и безпримѣрныя бѣдствія плѣна вавилонскаго вообще, какъ послѣдствія грѣховъ Израиля, и умилоствуетъ Господа къ Его церкви, противъ ея враговъ, самою чрезмѣрностію ея скорбей (I глав.).

„Увы! Въ какомъ одиночествѣ сидитъ мать городовъ! Многолюдная осталась сиротою; знаменитая между городами, владычица областей сдѣлалась данницею. . . . Преселилась Іудея въ горести и великомъ рабствѣ. . . . Дорѣги Сіона горюютъ, не видя идущихъ на праздникъ. . . . Непріятели его сдѣлались (его) главою. . . . потому что Іегова унизилъ его за множество беззаконій его. . . . Отошла отъ дочери Сіона вся слава ея. . . . Вспоминаетъ Іерусалимъ во дни бѣдствія и страданія своего о всѣхъ удовольствіяхъ своихъ, какія были въ прежніе дни. . . . Согрешила столица Іерусалимская, за то и сдѣлалась отвратительною. . . . и нѣтъ у ней утѣшителя. Воззри, Іегова, на бѣдствіе мое. . . . Воззри, Іегова, и смотри, какъ я унижена. . . . Взгляните, посмотрите, есть ли гдѣ горе, подобное моему горю, какое причинено мнѣ, и какъ унижилъ меня Іегова. . . . Крѣпко затянуто ярмо грѣховъ моихъ рукою Его, они узлами завязаны лежатъ на шеѣ моей. . . . Отовсюду повелѣлъ Іегова идти противъ Іакова врагамъ его, Іеру-

салимъ сдѣлался посрамленіемъ среди ихъ. Праведенъ Іегова; ибо слову Его я невѣрна была. Послушайте, всѣ народы, и взгляните на горе мое. . . . Воззри Іегова, какъ я скорблю, какъ вопить внутренность моя, какъ волнуется сердце мое отъ того, что было оно упорно“. . . .

Между такими воплями, исторгаемыми печалію о бѣдствіяхъ Израиля и Іерусалима и выражаемыми большею частію отъ ихъ лица, Пророкъ указываетъ, какъ дѣти и князья, юноши и дѣвицы идутъ въ плѣнъ, какъ священники, старѣйшины и весь народъ томятся голодомъ, какъ язычники, которымъ запрещено входить въ общество Израиля, насильственно проникли въ его святилище, какъ мечъ свирѣпствуетъ на улицахъ, а моръ внутри по домамъ, какъ всѣ друзья и пріятели народа Божія измѣнили ему, а враги обрадовались его несчастію. Ощущая духомъ въ этихъ коварныхъ зложелателяхъ и злорадныхъ врагахъ Израиля самую, движущія ихъ, начала Боговраждебной лжи и злобы, Іеремія отъ лица всего Израиля умоляетъ Господа страданіями этой Его церкви привести ихъ въ подобное же страдальческое безсиліе:

„Да предстанетъ предъ Тебѣ все злодѣйство ихъ,
И сдѣлай съ ними тоже, что сдѣлалъ со мною за
всѣ грѣхи мои;

Поелику вздоховъ моихъ много
И сердце мое сильно болитъ.“

Во второмъ отдѣлѣ Пророкъ углубляется въ мрачное значеніе постигшихъ Божій народъ губительныхъ бѣдствій и съ безотрадною скорбію находитъ, что онѣ выражаютъ гнѣвную вражду, въ которую обратилась спасительная, преогорченная грѣхами, любовь Божія и которая наказываетъ ужасными страданіями невѣрныхъ Божию завѣту (II гл.).

„Увы, какъ омрачиль Господь во гнѣвъ Своемъ
дочь Сіона!

Повергъ съ небесъ на землю красу Израилеву
И не вспомнилъ о подножіи ногъ Своихъ въ день
гнѣва Своего.“

Замѣтимъ здѣсь, что изображаемое этими чертами отверженіе только предначинательно осуществлялось надъ Іудеями и чувственнообразно представлено вавилонскимъ плѣномъ, а существенно и во всей силѣ совершается именно въ судьбахъ новаго Израиля — христіанъ. „Жизнь ваша, говоритъ Апостолъ христіанамъ, сокрыта со Христомъ въ Богѣ“ (Колос. III, 3). И въ другомъ мѣстѣ: „наше жителство на небесахъ“ (Филип. III, 20). Но когда христіа-

не держатся, какъ своего главы и начала для всего, не самаго Господа Іисуса, а земнаго самозваннаго главы церкви или собственнаго, отступающаго отъ Христа, разума и произвола; то краса новаго Израиля, скажемъ словами «Іереміина Плача», истинно повергается съ небесъ на землю. И въ этомъ самомъ совершается надъ христіанами гнѣвный судъ Господа, омрачающаго во гнѣвѣ Своемъ дочь духовнаго Сіона неразуміемъ и нехотящаго имѣть въ невѣрныхъ Ему христіанахъ благодатнаго подножія для Своихъ ногъ. . . .

„Истребилъ Господь, продолжаетъ Іеремія, безъ пощады всѣ селенія Іакова.... Натянулъ лукъ свой, какъ непріятель, и поднялъ десницу свою какъ врагъ; убилъ все пріятное для глаза.... Господь сдѣлался непріателемъ, разорилъ Израиля.... разрушилъ святилище его, заставилъ Іегова забыть на Сіонѣ праздникъ и субботу, и отвергъ въ негодоваіи гнѣва своего царя и священника.... Царь его и князи его у язычниковъ (о духѣ многихъ христіанъ можно сказать тоже, коль скоро все, заправляющее ихъ мыслию и жизнью, находится подъ началами духовнаго язычества), не стало закона, и пророки не получаютъ откровенія отъ Іеговы.... Истощились отъ слезъ, продолжаетъ сер-

добольный Теремія, глаза мои, вопить сердце мое.... когда отрокъ и младенецъ толпятся на улицахъ города; матерямъ своимъ говорятъ они: гдѣ хлѣбъ и вино? И томятся.... и выпускаютъ дыханіе на лонѣ матерей своихъ. (Нельзя представить другаго болѣе трогательнаго образа для выраженія того, какъ и духовные младенцы, инстинктивно ощущая то или другое доброе и истинное, благородное и прекрасное, но находясь въ плѣну лживыхъ и мертвящихъ началъ и направленій, томятся только духовнымъ голодомъ и жаждою, безъ удовлетворенія ихъ или съ однимъ ложнымъ мечтательнымъ удовлетвореніемъ, пока наконецъ въ нихъ страдальчески замираетъ самое младенческое ощущеніе добраго и истиннаго, благороднаго и прекраснаго. И духовному ихъ страданію и смерти состраждетъ развѣ только материнская любовь Матери всего лучшаго — именно Матери Господа нашего, — и сообщнымъ материнскому ея расположенію душъ или духовъ небесныхъ). „Къ чему примѣнить тебя, вопіетъ Пророкъ плача и рыданій, что сравню съ тобою, Іерусалимъ? Какъ море велика рана твоя. Кто исцѣлитель?.... Разинули на тебя ротъ свой всѣ непріатели твои, свистятъ, скрежещутъ зубами, говоря: поглотили мы ее.... Сдѣлажь Іегова, что думалъ.... разру-

шилъ все безъ пощады.... Стѣна дочери Сіона! Пропливай ручьемъ слезыдень и ночь.... Изливай, какъ воду, сердце свое предъ лицомъ Господа.... Воззри, Іегова, съ кѣмъ ты такъ поступаешь? Не ужели женщинамъ можно ѣсть плодъ свой, дѣтей, или вскормленныхъ? (Въ подобныхъ явленіяхъ весьма поразителенъ образъ того извращеннаго направленія самой вѣры, или вѣрнѣе, женски-легкомысленнаго упрямства пѣкоторыхъ, чтобы питать и тѣшить свою ревность безпощадностію къ недоразумѣніямъ и увлеченіямъ многихъ по одному духовному ихъ младенчеству, требующему именно отъ вѣры материнской поддержки!) Не ужели можно убивать во святилищѣ Господнемъ священника и пророка? (Ужасно, когда и въ духовное святилище вѣры, въ ея воззрѣнія и практику или въ ея духъ и направленіе, проникаютъ начала, мертвящія дѣло вѣры, дѣлающія безжизненнымъ самое благочестіе или служеніе Божіей истинѣ!) Ты все ужасное для меня собралъ отовсюду, какъ на праздникъ.... Тѣхъ, которыхъ я возрастила и вскормила, врагъ мой истребилъ“.— Такъ Іеремія заключаетъ этотъ особенно тяжелый отдѣлъ своего «Плача», въ которомъ онъ занять весь сознаніемъ и ощущеніемъ безмѣрныхъ бѣдъ и скорбей Израиля, не упоминая уже и

о его грѣхахъ; онъ съ горестію указалъ только на льстивыхъ лжепророковъ, своими лжами обманывавшихъ народъ Божій, а не выяснявшихъ его пороковъ для заблаговременнаго отклоненія плѣса (ст. 14). Горе же учителямъ лжи, распространителямъ заблужденій! — Вотъ одинъ изъ пророковъ, ревнившій противъ упорства людей въ грѣхахъ и заблужденіяхъ, оплакивая всенародныя бѣдствія, привлеченныя грѣхами и заблужденіями всенародными же, уже не упрекаетъ въ этихъ послѣднихъ бѣдствующаго и страждущаго народа. Видно, и въ Божественно-духовномъ отношеніи наблюдается и оправдывается это, простое и у насъ такъ просто выражаемое, правило человеколюбія: „лежащаго не бьютъ“. Но и тутъ лжепророки, эти наставники неправды, служители обольщенія людей ложью и заблужденіями, все же съ горестію обличаются или поставляются на видъ, какъ виновники общественнаго бѣдствія „великаго, какъ море“! Само собою разумѣется, что этимъ не оправдываются увлекавшіеся этими учителями заблужденій, ласкателями страстей и своеволія, но достаточнымъ обличеніемъ для этихъ обольщенныхъ душъ служатъ уже не слова, а злополучное и плачевное ихъ состояніе, которое Іеремія и раскрываетъ съ плачемъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ Іеремія, изстрадавшійся сердцемъ за свой народъ въ продолженіи всей своей жизни — начиная съ самой ранней юности (когда онъ призванъ былъ къ пророческому служенію), страдавшій прежде отъ усиленія беззаконій народа, а теперь отъ страшныхъ его бѣдствій, склоняетъ плачевную рѣчь свою на себя самого. Онъ находитъ себя несчастнымъ изъ несчастныхъ, разнымъ отъ самого Бога стрѣлами бѣдствій. Но, обратясь молитвенно къ Господу Богу, сейчасъ же въ Немъ милосердомъ „не отъ сердца посылающемъ страданіе и горести на сыновъ человѣческихъ“, Пророкъ почерпаетъ надежду для себя и для своего народа, отъ страданій котораго онъ не отдѣляетъ своихъ скорбей и съ которыми вмѣстѣ желалъ бы нести и скорбь покаянія предъ Богомъ. Впрочемъ отъ мысли о гнѣвѣ Божіемъ на Израиля, онъ снова повергается въ безотрадную объ этомъ скорбь и въ ощущеніе своихъ личныхъ бѣдствій, особенно—отъ ругателей и враговъ, на которыхъ, чувствуя въ нихъ собственно враждебность самыхъ началъ или духовъ злобы, призываетъ проклятіе и пагубу (гл. III).

„Я — тотъ человѣкъ, такъ Іеремія съ дерзновеніемъ любви начинаетъ плакаться на Господа о себѣ самомъ, я тотъ человѣкъ, который

видитъ горе отъ жезла ярости Его. Меня повелъ Онъ и ведетъ тьмою, а не свѣтомъ. На меня обращаетъ, налагаетъ руку свою всякой день. Избилъ тѣло мое.... изломалъ кости мои.... въ темное мѣсто посадилъ меня, какъ давно умершихъ.... И когда взываю и вопію, не допускаетъ къ Себѣ молитвы моей.... Какъ медвѣдь подсматриваетъ за мною, какъ левъ изъ логовищъ.... Натянулъ лукъ свой и поставилъ меня цѣлю для стрѣлъ.... Я сдѣлался посмѣшищемъ для всего народа Его, ежедневною пѣснью ихъ». (Какое, въ самомъ дѣлѣ, страданіе для любви—страдать и мучиться бѣдствіями народа, какъ личными своими, и однако быть посмѣшищемъ для всего этого народа!)... «Отказалась жена моя отъ благоденствія, забылъ я счастье и сказалъ: погибло благосостояніе мое и чего ожидалъ я отъ Іеговы. Обрати вниманіе, вопіетъ къ Богу Пророкъ-страдалецъ, на горе мое и страданіе мое... Обрати вниманіе, какъ стѣснена во мнѣ душа моя»!—И вотъ сейчасъ у него въ Богодвижной душѣ идутъ уже другія мысли и чувства, поднимающіяся отъ безотрад-наго мрака къ свѣтлому упованію. «Вотъ что привожу я себѣ на мысль и отъ того получаю надежду,—милость Іеговы, что мы не вовсе погибли.... Іегова есть часть моя, говоритъ душа

моя, и потому я надѣюсь на Него. Благъ Іегова къ надѣющимся на Него.... Счастливъ, кто молча ожидаетъ спасенія отъ Іеговы. Счастливъ чловѣкъ, если онъ въ юности своей несетъ ярмо... приклоняетъ къ землѣ лице свое и думаетъ: авось есть надежда! Подставляетъ щеку бьющему его, пресыщается бѣдствіями (Самъ Св. Іеремія именно отъ юности несъ такое ярмо)... Не оставляетъ Господь на вѣкъ, но, пославъ горесть, и милуетъ по великой благодати Своей: потому что Онъ не отъ сердца посылаетъ страданіе и горести на сыновъ чловѣческихъ».—Глубина этой пророческой мысли раскрывается изъ того, что смерть—это средоточіе всѣхъ страданій и горестей, посылаемыхъ на сыновъ чловѣческихъ,—представляется въ Новомъ Завѣтѣ врагомъ самаго Господа (1 Кор. XV, 25, 26. слч. Псал. 101, 1): такъ Его сердцу или любви всеблагодостной противно или, такъ сказать, больно поражать людей страданіями и горестями. Но потому и есть для насъ въ самыхъ страданіяхъ и горестяхъ несомнѣнная надежда и отрада, что такой всеблагодостный къ намъ Отецъ небесный самъ посылаетъ ихъ на сыновъ чловѣческихъ: ужъ навѣрное дѣлается это по самому настоящему и непреложному требованію нашего же блага и

пользы, пока не поверглись мы въ состояніе нечувствія или совершеннаго ожесточенія. Поэтому Пророкъ въ утѣшеніе своей скорби и останавливается на раскрытіи того, что, дѣйствительно, не одно благополучіе, но и злостраданіе, даже самое неповищенное, происходящее отъ людской безчеловѣчной жестокости къ человѣку, идетъ къ намъ никакъ не помимо воли Господней.

„Когда давятъ ногами своими всѣхъ узниковъ,
Когда превратно судятъ человѣка предъ лицемъ
Всевышняго,

Когда кривятъ дѣломъ человѣка на судъ;
Ужели не видятъ Господь?

Кто повелитъ чему либо быть,
Когда Господь не повелѣлъ?

Не изъ устъ ли Всевышняго

Исходитъ худое и доброе (т. е. человѣческое благополучіе и злостраданіе)?

Слѣдовательно, и злостраданія самаго Пророка и губительное народное бѣдствіе плѣна вавилонскаго *исходятъ* отъ самаго же Господа, пославшаго ихъ вовсе не отъ сердца Своего, а напротивъ вмѣняющаго даже во врага самому Себѣ смертоносное губительство бѣдствій и злостраданій человѣческихъ. Изъ этой, необходимо

подразумѣвающейся у Пророка, мысли само собою слѣдуетъ это убѣдительно и трогательное внушеніе Пророка всему Израилю и себѣ самому держаться крѣпко Господа съ осмотрительною разумностію, обращающейся къ нему любви:

„Осмотримъ пути свои и послѣдуемъ,
И обратимся къ Іеговѣ;
Возвысимъ сердце наше
И руки къ Богу небесному“ (столько т. е. любя-
щему насъ).

Но при этомъ, видно, прозирая, что духовное ожестѣлое безчувствіе народа не вдругъ смягчится самыми бѣдствіями настоящаго плѣна, Іеремія снова погружается въ глубоко-скорбное сознаніе и ощущеніе того, что любовь Божія не успокоивается уже въ своемъ народѣ, а преогорченная его грѣхами превратилась въ отвращеніе гнѣвное:

„Мы согрѣшили и преступили законъ,
Ты не простишь.
Сокрылся отъ насъ во гнѣвъ и преслѣдуешь насъ,
Убиваешь, не щадящъ;
Закрывъ себя облакомъ,
Чтобы не пришли молитвы.
Грязью и мерзостію сдѣлалъ Ты насъ среди народовъ.
Разинули на насъ пасть свою
Всѣ непріатели наши.....

Потоки водъ проливаетъ око мое
 О паденіи дочери народа моего...
 Доколѣ не проглянетъ
 И не воззритъ Іегова съ небесъ?....

И за тѣмъ отъ скорби о всемъ Божіемъ народѣ переходитъ Пророкъ опять къ личнымъ своимъ злостраданіямъ, особенно отъ враговъ и ругателей, прибѣгая къ Богу—защитнику и отмстителю правыхъ:

„Ловятъ меня какъ птичку
 Непріятелѣ мои безвинно...
 И я сказалъ: отлученъ я отъ людей.
 Имя Твое призываю, о Іегова...
 Будь близокъ, когда я призываю Тебя.
 Скажи: „не бойся“!

Защити, Господи, душу мою... Воззри, Іегова, на страданіе мое... Выслушай ругательства ихъ... Посмотри, сидятъ ли они, стоятъ ли, я всегда ихъ пѣснь. Отплати имъ, Іегова, подѣламъ рукъ ихъ. Пошли затмѣніе сердца и проклятіе Твое на нихъ... И истреби ихъ изъ подъ небесъ, Іегова».

То несомнѣнно, что такое страшное отмщеніе призывается Іереміею на самыхъ коренныхъ и существенныхъ его враговъ, враговъ самой правды и добра, духовъ зла и лжи, ощущаемыхъ Пророкомъ—какъ истинныхъ двигателей вражды и

ругательствъ въ личныхъ его недоброжелателяхъ (*). Ибо у Духа Божія и въ Ветхомъ Заветѣ «брань не противъ крови и плоти, но противъ началъ, властей и міродержителей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ» (Ефес. VI, 12), которые въ Ветхомъ Заветѣ только не вполне рѣзко и точно отдѣляются отъ враждебныхъ и злыхъ людей, по причинѣ еще слишкомъ оцутительныхъ въ то время отображеній духовнаго въ чувственномъ и наглядномъ. Но, тѣмъ не менѣе, враги и ругатели духа Іереміина или, по его существу и источнику точнѣе сказать, духа Христова, обидѣвавшего и носившаго въ Іереміи современныя ему обще-церковныя скорби, въ образъ того, какъ Христомъ Агнецъ Божій подъяты и понесены вселенски-церковныя скорби всѣхъ временъ съ породившими ихъ грѣхами всего міра,—враги и ругатели духа и креста Христова, если будутъ упорствовать въ такомъ направленіи чловѣконенавистныхъ міродержителей тьмы, подвергнутся наконецъ съ ними карательной силѣ этихъ страшныхъ словъ:

„Пошли затмѣніе сердца
И проклятiе Твое на нихъ,

(*) Сколько Іеремія терпѣлъ отъ своихъ враговъ, объ этомъ см. въ моей печатной монографіи: „Св. Пророкъ Іеремія“.

молотятъ, или въ клувю (ригу), у кого она устроена.

Самыя богатые села и деревни Малороссіи лежатъ при Днѣпрѣ: они принадлежатъ чумакамъ, особенному сословію, свойственному только Малороссіи и занимающемуся перевозкой товаровъ.

Съ дѣтства чумаки привыкаютъ къ степной жизни, и его вездѣ узнаешь по длиннымъ чупринамъ, широчайшимъ шароварамъ и по пропитанной дегтемъ рубахѣ, чтобы не завелась «нужда». Чумаки Курской и Воронежской губерній отправляются на Донъ и на сѣверъ; чумаки остальной части Малороссіи ѣздятъ только на югъ: къ Дону, Черному и Азовскому морямъ. Они ѣздятъ партіями, и каждая партія (валка) выбираетъ своего атамана, завѣдывающаго хозяйствомъ и указывающаго путь-дорогу, мѣста ночлеговъ и попасовъ въ степи. Къ портамъ Чернаго и Азовскаго морей чумаки везутъ пшеницу, сало, кожи и другія сельскія произведенія малороссійскаго края, который по Днѣпру, перерѣзанному порогами, не можетъ сплавлять къ морю избытокъ своихъ произведеній. Чтобы обратно не ѣхать безъ клади, чумаки, на вырученные перевозкою деньги, закупаютъ въ Крыму соль, въ портовыхъ городахъ рыбу, и все это сбываютъ потомъ на базарахъ Малороссіи, Польши и Литвы. На земледѣліе чумаки смотрятъ какъ на занятіе второстепенное, и весь предается «чумакованію», хотя гдѣ нибудь въ степи, быть можетъ, сложить свою голову.

глиняною посудю, сдѣланною руками горшечника».—Въ какомъ отношеніи «сыны Сіона», чада церкви даже ветхозавѣтной, достойны названія «золота» и притомъ «золота отличнаго», наилучшаго, названія «драгоцѣнныхъ», это объясняется вполне словами А. Павла, что имъ принадлежали и *всыновленіе* Богу, и *слава* чествованія Бога истиннаго, имъ вѣдомаго и въ нихъ образно и предначинательно вселявшагося благодатию, и *завѣты*, и *законоположеніе*, и *Богослуженіе* истинное, и *обѣтованія*, и *отцы* праведные, которыхъ не стѣнѣ весь міръ, и Самъ, имѣвшій отъ нихъ произойти по плоти и ими предусвояемый, *Христосъ Богъ* (Рим. IX, 4, 5). Такіе дары Божіи, въ самомъ существѣ и силѣ благодати, раскрылись потомъ въ чадахъ Новозавѣтнаго Сіона, принявшихъ и усвояющихъ себѣ Христа въ самомъ духѣ и истинѣ. Все это—такая неоцѣнимая драгоцѣнность, что золото или вообще все, драгоцѣнное въ природѣ, духовно вполне примѣнимо къ «драгоцѣннымъ сынамъ Сіона», и Ветхозавѣтной и особенно Новозавѣтной церкви. Но когда чада Θεократіи Ветхозавѣтной увлечены въ плѣнь языческаго Вавилона, подобно какъ и христіане многіе увлекаются отъ Христа къ чуждымъ Его началамъ: то это истинно есть упадокъ наилучшаго золота

до низости простыхъ глиняныхъ горшковъ. «Священные камни разбросаны»: это совершилось и буквально чрезъ раззореніе святаго, единственнаго тогда во всемъ мірѣ, Іерусалимскаго храма истиннаго Бога. Но связь рѣчи Іереміиной показываетъ, что, говоря о священныхъ камняхъ, Пророкъ имѣлъ въ виду особенно самихъ сыновъ Сіона.—Смыслъ этого объясняется вполне уже изъ Новаго Завѣта, въ которомъ вѣрующіе представляются *и сами живыми камнями, зиждимыми въ храмъ духовенъ* (1 Петр. II, 5). Да! Отпадающіе въ какомъ либо отношеніи отъ Христа къ другому началу христіане, какъ и потерявшіе свободу гражданъ Божіихъ плѣнники вавилонскіе, справедливо приравниваются къ разбросаннымъ по улицамъ и попираемымъ прохожими священнымъ камнямъ.—Объ этомъ самомъ и плачетъ Іеремія. Но Пророкъ, при этомъ, еще видитъ къ большему терзанію своего духа, что послѣдники царственнаго священства (каковы образно — Іудеи и существенно — христіане) вмѣсто прежняго наслажденія и пресыщенія за обильнымъ (духовно-царственнымъ) столомъ, валяются въ грязи, томимые голодомъ и отчаяніемъ, а представляющіе мать ихъ, или обязанные быть для нихъ матерью, отдаются духу жестокосердому къ этимъ гиб-

пущимъ дѣтямъ Сіона, разумѣется по крайнему собственному обнищанію:

И шакалы обнажаютъ грудь,
Кормятъ щелятъ своихъ;
А дочь народа моего жестокосерда,
Какъ строусы въ пустынь *).

Языкъ младенца приросъ ко рту отъ жажды, дѣти просятъ хлѣба и никто не подаетъ имъ. Бывшіе сладкія яства лежатъ въ отчаяніи на улицахъ, воспитанные на червляницѣ валяются въ грязи“. — Что Іеремія разумѣлъ это не просто только въ плотскомъ отношеніи, но имѣлъ въ виду особенно духовныя бѣдствія, постигающія по преимуществу уже новаго Израиля, это видно изъ дальнѣйшихъ его словъ, что даже гибель беззаконнаго Содома уступаетъ губительству Божія народа за его беззаконія (ст. 6). Этого послѣдняго буквально никакъ нельзя допустить: плѣнь вавилонскій далеко, далеко уступаетъ истребленію Содома небеснымъ огнемъ и вмѣстѣ поглощеніемъ отъ разверзшейся бездны. Но духовный плѣнь, соединяемый съ па-

*) Строусъ, по выходѣ дѣтей, оставляетъ ихъ сейчасъ же самцмъ себѣ, и притомъ обыкновенно въ мѣстахъ пустынныхъ.

губою, извращеніемъ и терзаніями самыхъ душъ и притомъ сопровождаемый жестокосердымъ къ этому направленіемъ многихъ между самыми вѣрующими, — это превышаетъ, по своему значенію и слѣдствіямъ, всякія видимыя казни. — Небесный огонь ярости Божіей противъ упорнаго печувствія ко благу истины и духовная бездна пагубныхъ заблужденій и пороковъ открываются въ духовномъ вавилонскомъ плѣнѣ....

Пророкъ продолжаетъ скорбно сравнивать прежнее благодатно-счастливое состояніе Израиля Божія, и именно въ его вождяхъ или передовыхъ, съ настоящимъ ихъ омраченіемъ.

„Князья твои, говоритъ онъ дочери народа своего, были чище снѣга... костью бѣлѣе жемчуга, тѣло ихъ было какъ сафиръ. А нынѣ потемнѣлъ отъ черноты видъ ихъ“ и проч. Указавъ далѣе, что убитые мечемъ счастливѣе убиваемыхъ голодомъ, доводящимъ матерей до дѣтоубійства и употребленія въ пищу собственныхъ дѣтей, пророкъ плача съ такимъ изліяніемъ ярости Божіей опять сравниваетъ прежнее состояніе Израиля или церкви, когда

Не вѣрили цари земные
И всѣ живущіе во вселенной,
Чтобы вошелъ врагъ и непріятель
Во врата Іерусалима.

Слова эти имѣютъ особенно точное приложене не столько къ Іерусалиму іудейскому, который и прежде плѣна вавилонскаго не могъ казаться и не былъ недоступнымъ для враговъ, сколько къ *вышнему Іерусалиму* (Гал. IV, 26) христіанской православной церкви. Она простиралась на востокъ до Вавилона и Индіи и на западъ до Испаніи и Британніи, свѣтя всему міру истиною и благодатію Христовою, живя явно Христовою же жизнью. Но вотъ на востокъ, гдѣ она царствовала, теперь она опустошена и плѣнена магометанскимъ міромъ; на западъ увлечена и плѣнена неправомысліемъ, доходящимъ у многихъ до совершеннаго отступничества. А помилуемые отъ Господа неоцѣненнымъ даромъ православія и вмѣстѣ свободою и могуществомъ, мы русскіе то предаемся или совершенному индифферентизму или жестокосердой до безпощадности ревности по православію, то сами увлекаемся всякими началами не Христовыми и противохристіанскими, и бѣльшею частію остаемся совсѣмъ почти безчувственными и равнодушными къ востоку и западу, по дѣлу спасительной для міра вѣры. Какъ было подумать даже о возможности всего этого въ прежнія лучшія времена?

„А это все, продолжаетъ Іеремія, за грѣхи пророковъ его (очевидно, пророковъ ложныхъ,

или провозвѣстниковъ не истины и правды истинно-Христовой, а лжи и обольщенія), за беззаконіе священниковъ его. . . Такъ и въ Новомъ Завѣтѣ (см. Апок. II и III гл.) Ангелы или пастыри церквей судятся за недостатки и пороки послѣднихъ, какъ за собственную свою вину.

Представляя, далѣе, вавилонскихъ плѣнниковъ скитальцами-слѣпцами и нечистыми для прикасающихся къ нимъ прокаженными, которыхъ „разсѣяло гнѣвное лице Іеговы“, пославъ презрѣніе къ самому ихъ священству и безжалостность къ старости, и видя, при совершенной безпомощности Израиля, сѣти для него по улицамъ, преслѣдованіе по горамъ, ковы въ пустынь, Іеремія чувствуетъ неизбежность и наступленіе какъ бы смерти народной, прекращеніе всѣхъ отправленій самостоятельной общественной жизни до самаго дыханія теократической державы. „Пришелъ конецъ нашъ, — такой стоишь умирающаго издаетъ Іеремія, переживая въ своемъ Богодвижномъ сердцѣ современное губительство для свободной теократической жизни, — исполнились дни наши, ибо пришелъ конецъ нашъ.... И дыханіе поздрей нашихъ — Помазанникъ Іеговы пойманъ въ ровъ ихъ, Тотъ, о которомъ мы говорили (опять напоминаетъ Іеремія бывшее лучшее): будемъ жить подъ сѣнію Его среди народовъ“! — Очевидно

здѣсь рѣчь о паденіи самаго Царя Іудейскаго и о соединенномъ съ этимъ совершенномъ паденіи царской власти въ іудейской теократіи. Новый Израиль, даже и во внѣшней сторонѣ такого бѣдствія, испыталъ его на востокѣ, съ паденіемъ греческой имперіи. Но чрезъ внѣшность, отображающую духовное и благодатное, доходить болѣе или менѣе и до самаго этого духовнаго свойственно было ветхозавѣтной вѣрѣ; а мы новозавѣтные должны входить прямо въ благодатное и духовное и сами уже свѣтомъ этого духовнаго освѣщать внѣшне-мірское. Владычественнымъ въ отношеніи къ благодатному жителству духа нашего св. отцы признавали именно *умъ*, управляющій всею духовною жизнью и въ этомъ своемъ, такъ сказать, самодержавіи самъ управляемый Христомъ. Теперь, если этотъ владычественный умъ у тѣхъ или другихъ христіанъ или развивается и судить обо всемъ совершенно не по Христу, съ самочиннымъ пренебреженіемъ Его церкви, или засыпаетъ въ бездѣйствіи и косности подъ предлогомъ и личною простоты вѣры, или связывается въ своихъ дѣйствіяхъ неразумною ревностію по вѣрѣ и плѣняется извѣстнымъ, работительнымъ для ума, духомъ папистическаго деспотизма, — а то и другое и третье преобла-

даетъ въ большинствѣ христіанскаго міра надъ нормальнымъ или должнымъ состояніемъ и дѣятельностію ума: то ясно, что этотъ царь внутренняго нашего во Христѣ самоуправленія, или умъ многихъ, многихъ изъ насъ, врагами и поработителями нашего духа истинно „пойманъ въ ровъ ихъ,“ какъ съ плачемъ говоритъ Іеремія....

Какая радость и торжество во всемъ этомъ для враговъ и зложелателей христіанства, для этого непріязненнаго Израилю Едома! Но не навсегда вамъ, духовные Идумеи, такая радость и торжество. Если умъ человѣческій взятъ Господомъ въ вѣчную собственность Его Богочеловѣческаго лица и самыя грѣхи вѣденія и невѣденія умственного понесены Имъ съ грѣхами всего міра: то благодать Господня, по вѣрѣ въ нее, рано или поздно подниметъ нашъ умъ въ должное владычественное его значеніе и силу. И тогда всѣ многовѣковыя умственные пріобрѣтенія, всякое уясненіе истины въ исторіи, въ природѣ внѣшней, въ духѣ человѣческомъ, всякія даже инстинктивныя предчувствія истины *),

(*) Положимъ, что большая часть всего этого составляетъ собственность не Израиля Божія или вѣрующихъ во Христа, но какихъ нибудь Египтянъ, идолопоклон-

выяснясь и освободясь отъ своихъ примрачныхъ односторонностей или лживыхъ примѣсей во всевозможныхъ воззрѣніяхъ философскихъ и религиозныхъ, войдутъ въ область всеобъемлющей Христовой истины. И раскроются во Христѣ всѣ сокровища премудрости и разума (Кол. II, 3), къ блистательному проявленію и вообще благодатной жизненности православнаго христіанства. И вражда къ этому христіанству, состоитъ ли она въ прямомъ упорствѣ неправомыслия и невѣрія или въ подавленіи живаго человеколюбиваго духа нашей вѣры, изобличится въ своей нелѣпости, неразуміи и преступности. Такъ —

Радуйся и веселися, дочь Едома....

И до тебя дойдетъ чаша....

Кончилися преступленія твои, дочь Сіона!

Онъ ужъ не будетъ обнажать тебя.

А на твои преступленія, дочь Едома,

Онъ еще взглянетъ

И обнажитъ грѣхи твои.

Этими утѣшительными для Сіона словами Іеремія заканчиваетъ настоящій отдѣлъ своего „Плача“. Имѣя въ ближайшемъ виду, конечно, возстанов-

никовъ, началъ ложныхъ. Но извѣстно, что Израиль, при выходѣ изъ Египта, обобразъ Египтянъ; тоже долженъ совершить духовно и новый Израиль.

леніе собственно ветхозавѣтной ееоократіи, но разумѣя эту ееоократію, безъ всякаго сомнѣнія, не въ одной виѣшности, а въ самомъ ея существѣ и силѣ — въ спасительной Божіей любви, воспринимаемой вѣрою. А такая сущность ееоократіи открыта вполнѣ именно уже Христомъ въ новозавѣтной Его церкви, къ судьбамъ которой, слѣдовательно, существенное примѣненіе, а не произвольное приравненіе, имѣютъ и провидѣнныя Іеремію обстоятельства возстановленія ееоократіи.

Въ пятомъ и послѣднемъ отдѣлѣ „Плача“ содержится молитва Пророка, въ которой онъ, въ лицѣ всего Израиля, представляетъ Божію воззрѣнію всенародныя бѣдствія и умоляетъ Господа, для возвращенія избранному народу лучшихъ дней, самому обратитъ его къ Себѣ (гл. V).

„Вспомни, Іегова, что съ нами дѣлается;
Воззри и посмотри на посрамленіе наше!“

Такъ начинаетъ Іеремія и, изобразивъ далѣе чужеземное завладѣніе наслѣдствомъ и домами Божія народа, спротство и вдовство вѣрующихъ, необходимость для нихъ пріобрѣтать куплею самую даже воду, угнѣтеніе и трудъ безъ отдыха,

испрашиваніе насущнаго хлѣба у непріязненныхъ издревле язычниковъ, продолжаетъ:

„Отцы наши согрѣшили и лѣтъ ихъ,
А мы несемъ на себѣ преступленія ихъ“....

Эти слова выражаютъ, повидимому, такую же жалобу, противъ которой Пр. Іезекіиль вооружался съ особенною силою слова Божія: *отцы ядоша терпкое, а зуболзъ чадъ ихъ оскомина быша* (Іезек. XVIII гл.). Но, въ существѣ дѣла, совсѣмъ иное, когда закоснѣвающіе въ порожденномъ и развитомъ прежними поколѣніями нравственномъ растлѣніи и за то наказуемые жалуются, что они терпятъ оскомину отъ ѣды отцевъ. И совсѣмъ иное, когда бѣдствующіе внѣшно и нравственно, при этомъ, сознаютъ отчетливо, что эти бѣдствія готовились и копились еще предшествующими *) временами и поколѣніями. Сознаніе этихъ послѣднихъ разумно и справедливо, — оно и выражается въ молитвѣ Іереміи; тогда какъ ропотливая и пераскайная жалоба первыхъ осуждается чрезъ Іезекііля удостовѣ-

(*) Образецъ подобнаго сознанія, не осудительнаго для отцевъ или предковъ, но покаяннаго за нихъ и за себя, представляется въ молитвѣ *трехъ отроковъ*, ввергнутыхъ въ вавилонскую печь (Дан. III, 26 и сл.).

решіемъ слова Божія, что дѣти, не соучаствуя и не сочувствуя худому, перешедшему къ нимъ отъ отцевъ, не потерпятъ за вѣны послѣднихъ никакого зла. Такъ-то нечего намъ въ свое самооправданіе ссылаться на прежнія поколѣнія, укоренившія и развившія въ мірѣ тѣ или другія заблужденія и пороки; но надо намъ исправлять эти заблужденія и пороки, сознавая впрочемъ, что они — вѣковые и требуютъ потому особеннаго напряженія духовныхъ силъ.

Изображая далѣе народныя бѣдствія, Іеремія говоритъ: „рабы господствуютъ надъ нами....

Женъ на Сіонѣ безчестятъ
И дѣвицъ въ городахъ іудейскихъ;
Князья повѣшаны....
Лице стариковъ не уважено,
Юноши жернова на себѣ носятъ
И отроки съ дровами спотыкаются“.

Такія явленія, какъ — оставленіе незрѣлости дѣтской безъ поддержки подъ разными умственными и нравственными тяжестями, озлобленность юности, неуваженіе старости, отверженіе властей, изнасилованіе ложными противохристіанскими началами душъ христіанскихъ — начиная иногда съ самаго ранняго и свѣжаго возраста, — все подобное совершается и у новаго Израіля

въ христіанскомъ мірѣ, подлежа рыданію Іереміина духа.

*Пророкъ продолжаетъ: „Старые оставили ворота *).*

Молодые — свою музыку.

Утихло веселіе....

*Обратились въ сѣтованіе хороводы
наши.*

Упалъ вѣнокъ съ головы нашей“.

Итакъ сердобольный Іеремія оплакиваетъ даже и утрату Іудеями мирныхъ общественныхъ удовольствій. То несомнѣнно, что, по отличительному свойству Ветхаго Завѣта—чрезъ чувственно-образное возводитъ къ духовному, общественныя удовольствія для ветхозавѣтной вѣры служили зеркаломъ любви Божіей къ избранному народу, услаждавшей судьбу его своими дарами. Но и то вѣрно, что духовный свѣтъ любви Божіей, вполне раскрытый во Христѣ, должна новозавѣтная вѣра проводить отъ области духа также до виѣшне-чувственной среды, направляя и послѣднюю къ разумному служенію благодати (Рим. XII, 1). Поэтому, относятся ли

(*) На древнемъ Востокѣ у воротъ городскихъ обыкновенно возсѣдали старцы и особенно начальники — старѣйшины народа, разбирая законъ и разные дѣла и затрудненія своихъ согражданъ.

одни изъ насъ къ удовольствіямъ и увеселеніямъ общественнымъ только съ осужденіемъ и отвращеніемъ, считая за кощунство самую мысль освѣтить или очистить *) — и ихъ свѣтомъ Христовымъ для спасенія человѣка и въ этой средѣ, — или другіе въ удовольствіяхъ и увеселеніяхъ только и служатъ одной грѣховной суетѣ, не думая и не умѣя видѣть въ нихъ дара всеблагостнаго Отца *дающаго намъ вся обильно въ наслажденіе* ради Своего Сына, ставшаго для насъ человѣкомъ: то и другое равно принадлежитъ къ бѣдамъ вавилонскаго плѣна, какія оплакиваетъ Іеремія.

„Горе намъ, *взываетъ онъ далѣе*, что мы согрѣшили!
Вотъ о чемъ болятъ сердце наше,
Вотъ отъ чего померкли глаза наши, —
О горѣ Сіонѣ, что она опустѣла,
Что шакалы ходятъ по ней.

Но, вѣдь такое запустѣніе Сіона для ветхозавѣтной вѣры, которая не отрѣшала еще отъ видимыхъ образовъ представляемой въ нихъ благодати, значило тоже, что оставленіе Божіею

(*) Подобно прав. Іову, не возбранявшему, но вмѣнявшему себѣ въ долгъ очищать жертвами — každонедѣльные увеселенія своихъ дѣтей.

благодатию, безъ которой и спастись нельзя. Это молитвенно и выражаетъ Іеремія:

Ты, о Іегова, живешь вѣчно,
Престолъ Твой въ роды и роды!
Почто забываешь насъ навсегда, —
Оставилъ насъ на долгое время?

Но безъ благодати людямъ ужъ не подняться къ благодати. Надо, чтобы она сама сошла къ нимъ для возвращенія имъ своихъ благодатныхъ дней. Объ этомъ Пророкъ, въ заключеніе всего своего „Плача“, и умоляетъ Господа:

„Обрати насъ къ Себѣ, о Іегова, и обратимся;
Возобнови по прежнему дни наши,
Хотя Ты и призрѣлъ насъ
И прогнѣвался на насъ сильно“.

Что же скажемъ теперь вообще о книгѣ „Плача Іереміина“, которую мы прослѣдили по всѣмъ ея пяти отдѣламъ? — Едвали другая св. книга столько, сколько эта, можетъ возбуждать насъ отъ духовнаго индефферентизма или равнодушія къ дѣлу вѣры и церкви, а вмѣстѣ и предостерегать самую ревность по вѣрѣ отъ вредныхъ крайностей. Казалось бы, что Св. Пророку Іереміи, отъ юности своей боровшемуся съ невѣр-

ностями Іудеевъ своему Богу и терпѣвшему въ этой борьбѣ непрерывныя озлобленія, при разразившейся, по его пророчествамъ, грозѣ вавилонскаго плѣна, оставалось спокойно смотрѣть на судъ правды надъ упорными и за то наказанными грѣшниками. Или, если и въ такое время нужно было ему еще разъ обратиться ко всему народу съ словомъ Божиимъ, по видимому требовалось бы съ самыми сильными и горькими упреками поставить Іудеямъ на видъ, что вотъ до чего довела ихъ невнимательность и противоборство Пророку, пусть же достойно страдаютъ, пусть казнями научатся не отвергать провозвѣстника слова Божія. Казалось бы, что именно къ этому обличительному и горькому разумленію Божія народа былъ готовъ и открыть такой органъ Св. Духа, каковъ Іеремія, по своему настроенію порывистый и чувствительный до нетерпѣливой противъ зла горячности *). Но не то видимъ въ Св. Пророкѣ. Онъ не остался и спокойнымъ созерцателемъ совершившагося надъ Іудеемъ Божія суда, имже провидѣннаго и предреченнаго съ обстоятельностью, и далекъ былъ отъ обличеній и упрековъ подавленному общественными бѣдствіями народу. Онъ открылъ

(*) См. книжку: „Св. Пророкъ Іеремія“.

свою душу для такихъ вліяній и движеній Духа Святаго, чтобы въ себѣ, въ собственномъ сердцѣ, сосредоточить скорби и страданія церкви подъ этимъ страшно-тяжолымъ крестомъ вавилонскаго плѣна. Въ такомъ своемъ состояніи, вдохновенномъ отъ воздыхающаго о церкви Божіей неизглаголаемыми воздыханіями Духа Божія, Пророкъ глубоко сознавалъ и чувствовалъ, что бѣдствія плѣна привлечены были именно грѣхами; но въ этихъ грѣхахъ народныхъ онъ съ плачемъ каялся предъ Богомъ, какъ въ собственныхъ своихъ грѣхахъ, а въ плѣненной дочери Сіонской онъ видѣлъ и указывалъ ужъ не столько грѣхи, сколько ужасныя ея страданія и скорби, которыми, притомъ, онъ самъ болѣлъ и страдалъ. Само собою разумѣется, что Іеремія, при этой Христовой любви своего сердца къ церкви Божіей, не могъ не вопіять противъ враговъ церкви, ощущая въ нихъ истинныхъ враговъ добра по свойству ветхозавѣтнаго воззрѣнія — въ чувственномъ и видимомъ живо ощущать невидимое и духовное. Но въ особенно сильное негодованіе, и даже нетерпѣніе приводили Пророка только такіе люди изъ среды самаго Израиля, которые, и при всѣхъ бѣдствіяхъ и страданіяхъ народныхъ, какія Іеремія по предусвоенію духа Христова выносилъ въ себѣ, еще не пе-

реставали преслѣдовать его своей враждою, клеветами и ругательствами, или издѣваніями предъ всѣмъ народомъ. На этихъ несчастныхъ противниковъ предъявлявшагося въ Іереміи духа Агнца Божія, явно предававшихся человекоубійственному духу злобы и лжи, Пророкъ призывалъ уже небесное проклятiе; чрезъ это онъ внушалъ, что, дѣйствительно, проклятiе составляетъ неизбѣжную долю отвергающихъ въ Агнчемъ человеколюбивомъ духѣ единственное избавленіе отъ тяготѣющаго на всемъ мiрѣ нашемъ проклятiя....

Чтобы намъ христіанамъ войти въ настроеніе Іереміино, выразившееся въ его „Плачѣ“, возвышаясь и надъ равнодушнымъ индефферентизмомъ къ дѣлу вѣры и церкви, а вмѣстѣ и надъ крайностями неразумной ревности, — надо намъ чаще думать съ сердечнымъ участіемъ вотъ о чемъ. Когда обращается въ православіе, или ко Христу въ Его живомъ духѣ и силѣ, нашъ раскольникъ, или римскій католикъ, или лютеранинъ, или увлеченный противохристіанской какой-либо идеей, страстью, порокомъ; то вѣдь такого христіанина у насъ не крестятъ снова. Видно, благодать крещенія, облакающая человека во Христа, дѣлающая вѣрующихъ благодатными Христовыми членами, не оставляетъ вовсе и плѣнен-

ныхъ заблужденіями и грѣхами христіанъ. Въ нихъ благодатная Христова жизнь замерла или обмерла въ разныхъ отношеніяхъ, но начало ея еще таятся, хотя и глубоко иногда погребенное; и слѣдовательно Христосъ еще благодатию Своею держитъ ихъ, какъ (въ отношеніи по крайней мѣрѣ къ благодати крещенія) *свои*, хотя и омертвѣлые или даже иногда совсѣмъ мертвые, члены. Самое отсѣченіе многихъ отъ православной церкви еще не есть исполненіе этого отверженія: *идите отъ Мене проклятіи*. Подумасмъ же и возчувствуемъ (сколько можемъ), каково Живому быть съ мертвыми членами.... И не ужели мы останемся спокойными и равнодушными къ такому состоянію самаго Господа нашего? Въ такомъ случаѣ наша вѣра въ Него—совсѣмъ мертвая; мы—лицемѣрные христіане при всемъ нашемъ православіи. Живому члену Христа нельзя не сочувствовать Ему, еще посящему своею любовію, а не отвергающему окончательно и безвозвратно члены омертвѣлые и мертвые. Итакъ когда, напримѣръ, римскій папа, возглашая предъ христіанскимъ міромъ обличеніе всяческихъ его невѣрностей Христу, тутъ же и въ этомъ самомъ отстаиваетъ и свой противохристіанскій духовный деспотизмъ, возглавляющій христіанъ подъ свое главенство, а не въ

Самомъ и единомъ Христѣ *), возстающіе же противъ такого противохристіанскаго деспотизма, въ тоже время и въ этомъ самомъ, идутъ и противъ вѣры во Христа, какъ уже будто бы несовмѣсной съ потребностями нынѣшней жизни и развитія человѣка: то эта сугубая бѣда запада, поддерживаемая взаимно обѣими борющимися сторонами, есть не совсѣмъ чужая для насъ православныхъ. Отъ нея духовно терпятъ самъ Господь нашъ, еще не отвергшій христіанъ запада отъ Своей благодати. Какъ же намъ быть индефферентными или равнодушными къ такому (скажу такъ) озлобленію и страданію, въ западномъ христіанствѣ, самаго Христова Духа, насколько онъ еще не оставилъ этого христіанства? Напротивъ, истинно съ Іереміиными слезами, мы должны изучить и, по возможности, своимъ словомъ и соучастіемъ распутывать эти бѣдственныя запутанности и затрудненія христіанскаго запада. А бѣдствія и страданія православнаго Востока, тервимыя подъ гнетомъ магометанства, для насъ, живыхъ сочленовъ этимъ православнымъ христіанамъ, какъ должны быть чувствительны и тяжелы! Особенно мы въ себѣ

(*) Имѣемъ въ виду извѣстное „окружное посланіе“ папы отъ 8 декабря 1864 года.

должны бы сердцемъ переживать всякую скорбь и духовную бѣду матери нашей — церкви Греческой, въ родѣ на примѣръ такой бѣды, что, и въ ея области, самое ученіе слова Божія о безразличіи во Христѣ разныхъ національностей, направленное именно къ тому, чтобы каждая національность, безъ стѣсненія и подавленія другою, держалась Христа и въ Немъ свободно возрастала, — это самое ученіе употребляется уже къ стѣсненію и подавленію духовной свободы и національности многихъ православныхъ *), на соблазнъ ихъ къ совращенію въ неправославіе.... Но съ другой стороны, и ревность противъ всякихъ злоупотребленій и заблужденій въ христіанскомъ мірѣ, обличая и испровергая ихъ, должна остерегаться слишкомъ бить своимъ словомъ самихъ заблуждающихъ, чтобы эти удары не коснулись какъ и самаго Господа, оконча-

(*) Разумѣемъ несчастный „Болгарскій вопросъ“, который и разъяснять слишкомъ больно. О немъ можно читать въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“, въ NN 1864 года, и въ газетѣ „День“. Сущность „Болгарскаго вопроса“, состоитъ въ томъ, что православнымъ Болгарамъ, вопреки ихъ желанію, навязываютъ греческихъ епископовъ и вообще греческое духовное преобладаніе подъ тѣмъ предлогомъ, что въ христіанствѣ безразличны національности...

тельно еще не отсѣкшаго ихъ отъ Себя. Носить ихъ и безъ того тяжело Ему, хотя Онъ и безъ всякаго труда *носитъ всяческая славою Своя*. Чтожъ, если еще и мы, съ своею ревностію истинно не по разуму, будемъ наносить Ему удары и съ своей стороны, если и мы преогорчаемый заблуждающими, но не совсѣмъ еще оставляющій ихъ Духъ Господа будемъ также оскорблять своею невнимательностію и даже жестокостію къ тому или другому добродушному и живому, затаенному (*) и дѣйствующему иногда и въ заблуждающихъ?! Сохрани насъ, Господи, отъ такого несчастія, а дай каждому изъ ревнующихъ о благочестіи послѣдовать Твоему Пророку Іереміи, съ плачемъ взывающему къ Тебѣ отъ лица удаляющихся и зато отвергаемыхъ отъ Тебя грѣшниковъ заблуждающихъ:

„Обрати насъ къ Себѣ, о Іегова, и мы обратимся“.

Въ заключеніе же всего, сказаннаго о книгѣ „Плача Іереміи“, не забудемъ, что этотъ „Плачъ“ изишлся изъ Боговдохновенной души

(*) Чѣмъ труднѣе дознавать затаенное живое добро въ другихъ, тѣмъ болѣе нужно имѣть человеколюбивой осторожности въ отношеніи къ другимъ.

Пророка по поводу вавилонскаго плѣна Іудеевъ, который былъ разгромомъ земнаго теократически-гражданскаго ихъ быта. Но ветхозавѣтное земное до Христа такъ же точно служило вѣрѣ къ гадательному предощущенію и образному предусвоенію небеснаго, духовно-благодатнаго, какъ, послѣ пришествія Христа на землю, это небесное открыто вѣрѣ въ самомъ существѣ новозавѣтной благодати и истины для живительнаго освѣщенія и освященія ими всего земнаго, для разогнанія всюду въ послѣднемъ мрака лжи и грѣха. Отсюда сами собою вытекаютъ два слѣдствія. Во 1-хъ, Пророкъ оплакивалъ въ разгромѣ земнаго теократическаго быта Іудеевъ собственно отнятіе у нихъ небеснаго, какъ онъ это, — мы видѣли, — и довольно прямо выражаетъ: „Увы... Господь... повергъ съ небесъ на землю красу Израилеву“ (II, 1). Во 2-хъ, чтобы перевести этотъ духъ „Плача Іереміи“ съ ветхозавѣтной на новозавѣтную почву, довольно сказать, что христіанамъ разумѣть, устроить и развивать что бы то ни было земное не по началамъ и духу небеснаго, духовно-благодатнаго, словомъ—Христова, значитъ закрѣплять себя въ этомъ за Вавилономъ, а держаться такого направленія къ небесному, чтобы только отвергать и осуждать земное и

жигаетъ всю растительность. Въ сентябрѣ начинаются туманы, а въ ноябрѣ наступаетъ зима, сопровождающаяся мятелями и выюгами. — Конка течетъ очень странно: то она вливается въ Днѣпръ, то опять вытекаетъ изъ него, однимъ словомъ сопровождаетъ главную рѣку свою вплоть до ея лимана. Самъ Днѣпръ проходитъ здѣсь «по плавнямъ» — степямъ, заросшимъ осокою, камышомъ, вербою и лозою, и на всемъ протяженіи отъ Никополя до Чернаго моря принимаетъ въ себя только два значительные притока, степныя рѣки: Бузулукъ и Ингулецъ. Между Никополемъ и началомъ лимана, на Днѣпрѣ стоятъ два замѣчательные пункта: Бериславъ и Херсонъ.

Г. *Бериславъ* (6,811 ч. жит.), въ концѣ прошлаго столѣтія, назывался Кызыкермень, т. е. дѣвичье укрѣпленіе, и принадлежалъ туркамъ. Бериславомъ онъ называется только съ 1784 г. Это одно изъ оживленныхъ мѣстъ въ низовьяхъ Днѣпра: здѣсь постоянно стоятъ тысячи обозовъ и чумаковъ, ожидающихъ переправы черезъ Днѣпръ. Противъ Берислава лежитъ с. Каховка, которое предполагено соединить желѣзною дорогою съ Перекопомъ, главнымъ рынкомъ соли.

Херсонъ ¹⁹⁾ лежитъ при началѣ днѣпровскаго лимана, ширина котораго здѣсь доходить до 7 верстъ.

¹⁹⁾ Названъ отъ древней греческой колоніи Херсонеса, находившагося близъ нынѣшняго Севастополя. При Екатеринѣ II всѣмъ городамъ Новой Россіи давались пышныя названія, напр. Овидіополь, Севастополь, Симферополь, Одесса, Евпаторія, Никополь, Херсонъ и пр.

II.

ОЧЕРКЪ СВ. КНИГИ „ПѢСНИ ПѢСНЕЙ“.

Съ внушеніемъ намъ, въ словѣ Божіемъ, *печали по Богу* относительно современныхъ затрудненій и бѣдствій духовныхъ надо намъ помнить и это святое и спасительное слово: *радость Господня, сія есть сила наша* (Неем. VIII, 10). Это ободрительное и утѣшительное слово сказано было чадамъ ветхозавѣтнаго Израиля, когда они, послѣ своего плѣна въ Вавилонѣ, уже снова увидали и начали населять святую землю и трудились надъ созиданіемъ Иерусалима, который былъ врагами раззоренъ, и съ храмомъ, до основанія. Услышавъ во всепародномъ праздничномъ собраніи чтеніе изъ книги закона Божія, они горько заплакали, конечно отъ скорби о проишедшей надъ ними губительной бурѣ плѣна, когда у нихъ не было ни жертвъ, ни праздничныхъ собраній, ни свободнаго, съ пестѣсненнымъ сердцемъ, поученія въ Божіемъ законѣ. Тогда-то именно и было внушаемо народу Божію:

не рыдайте, и не плачьте. . . . и не печалитесь, ибо радость Господня, сія есть сила наша (ст. 9 и 10). Такъ инымъ и изъ поваго Израиля, можетъ быть, надо строиться съ самаго основанія, до котораго все у нихъ или раззорено, или потрясено и осквернено халдеями ложныхъ идей и направленій, неправомыслия и одушевляющихъ его страстей. Пропикнетъ ли въ сердце самихъ этихъ людей живое слово благодати и истины и сокрушитъ ихъ скорбію о потерпѣнномъ ими духовномъ губительствѣ и плѣнѣ, или кто другой въ духѣ Іереміиномъ (точнѣе же, Христовомъ) войдетъ живымъ участіемъ своей вѣры и любви въ несчастное ихъ положеніе, какъ будто бы оно было собственнымъ его удѣломъ (*): въ томъ и другомъ случаѣ для поддержанія, ободренія и поощренія къ тому, чтобы неотступно трудиться надъ возстановленіемъ въ себѣ или въ другихъ духовнаго зданія благодати и истинной

(*) Не зримо для насъ, а всего вѣроятнѣе не провѣрено болѣею частію изъ насъ въ опытахъ жизни, какъ благомошно дѣйствуетъ живое по Христу участіе однихъ христіанъ въ положеніи другихъ. А много, сказано въ Писаніи, много можетъ молитва праведнаго посты-
шествуема.

вѣры, необходима именно сила *радости Господней*. Эта только радость любви къ Господу, стремящейся жить Имъ однимъ и Его любовію къ людямъ, можетъ дать рѣшимость и крѣпость на то, чтобы, и послѣ продолжительнаго духовнаго плѣненія и совершеннаго опустошенія души, все доброе и прекрасное въ ней возобновить, утвердить и возвысить благодатію. Есть въ составѣ слова Божія цѣлая книга, раскрывающая эту мощную силу нашу—радость любви къ Господу, именно книга „Пѣсни пѣсней“. Предложимъ здѣсь очеркъ этой книги „Пѣсни пѣсней“, для надлежащаго, по слову Божію, настроенія въ насъ радости по Господѣ, потребной для бодрого и энергическаго прохожденія духовнаго пути въ нашей современности.

Предварительныя замѣчанія о названіи и писателѣ книги „Пѣсни пѣсней“; изслѣдованіе о ея составѣ и таинственномъ смыслѣ.

Книга *Пѣсни пѣсней* или превосходная пѣснь (*), такъ названа, конечно, по особенной вы-

(*) Удвоеніе имени у Евреевъ обыкновенно означаетъ превосходную степень.

сотъ своего содержанія и священному изяществу образа рѣчи.—Излишне было бы распространяться о томъ, какъ это выразительное названіе прилично такой книгѣ слова Божія, въ которой блистательнымъ образомъ раскрывается радость Господня, радость любви къ Господу и единенія съ нимъ.

Св. писатель *Пѣсни пѣсней*, по надписанію ея и въ еврейскомъ текстѣ и во всѣхъ переводахъ, есть Соломонъ, имя котораго по великой его мудрости, испрошенной имъ у Бога, стало какъ будто именемъ самой мудрости. Согласно съ своимъ надписаніемъ книга „Пѣсни пѣсней“ и въ іудейской церкви была извѣстна какъ Соломонова, и христіанскою древностію издревле приписывалась Соломону, по свидѣтельству Евсевія (Ист. Ц. VI, 25). Правилами православной церкви она навсегда признана одною изъ ветхозавѣтныхъ книгъ слова Божія, написанною Боговдохновеннымъ Соломономъ (*). Внутренніе въ самой книгѣ признаки подтверждаютъ происхожденіе ея отъ Соломона. Изъ исторіи извѣстно о Соломонѣ, что

(*) См. катологи св. книгъ — въ Апостольск. правилахъ, въ правилахъ Лаодиц. Собора, у святыхъ Аѳанасія вел., Григорія Богос., Амфилохія.

онъ написалъ множество притчей и пѣсней, былъ великій Богопросвѣщенный знатокъ природы и духа человѣческаго (3 Цар. III, 12. IV, 32, 33) и блисталъ великолѣпіемъ необыкновеннымъ. Потому содержащаяся въ „Пѣсни пѣсней“ картины царственнаго великолѣпія, духовно-знаменательныя описанія природы и любви, наполняющія всю эту книгу, никому изъ священныхъ писателей столько не приличествуютъ, какъ именно Соломону; пышность и богатство царское, изображенныя въ книгѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея, прямо приписываются Соломону,—его имя видятъ и въ названіи возлюбленной, воспѣваемой въ пѣсни (Суламиты). По языку замѣчается сродство „Пѣсни пѣсней“ какъ и Екклесіаста, съ несомнѣнною Соломоновою книгою—Притчей, сколько такое сродство возможно при различіи содержанія этихъ книгъ.

Противъ происхожденія „Пѣсни пѣсней“ отъ Соломона, повидимому, говоритъ то обстоятельство, что находятся въ образѣ ея рѣчи нѣкоторые арамензмы, или слѣды позднѣйшаго иноземнаго вліянія на еврейскій языкъ. Но тоже видно и въ Екклесіастѣ; иноземное вліяніе на языкъ еврейскій, въ Соломоново время, удобно изъясняется изъ постоянныхъ сношеній Соломона съ чужеземными народами и царями. —

Впрочемъ примѣры арамейскаго словосочиненія встрѣчаются и въ другихъ, притомъ самыхъ древнихъ, свящ. книгахъ; видно, что кажушіеся арамензмы не исключались и изъ свойствъ еврейскаго языка. Другое затрудненіе относительно подлинности »Пѣсни пѣсней«: городъ Тирса въ ней поставляется наряду съ Іерусалимомъ, какъ будто онъ былъ тоже столичнымъ городомъ (VI, 4), а между тѣмъ Тирса является мѣстопробываніемъ собственно уже израильскихъ царей (3 Цар. XV, 21. XVI, 6), и слѣдовательно по раздѣленіи царствъ—послѣ Соломона. Но Тирса сопоставляется въ книгѣ съ Іерусалимомъ по отношенію къ красотѣ своей, а не по значенію царственнаго или столичнаго города. Въ подлинномъ текстѣ „Пѣсни пѣсней“ такъ читается объ этомъ городѣ: „прекрасна ты подруга моя, какъ Тирса; величественна, какъ Іерусалимъ; страшна, какъ полки съ знаменами“. Изъ такого сраженія видно только то, что городъ Тирса, во время написанія „Пѣсни пѣсней“, отличался красотой устройства или мѣстоположенія, а это могло быть еще до раздѣленія царствъ—при Соломонѣ.—Наконецъ, если Талмудисты и приписываютъ эту книгу Езекии, то это противъ свидѣтельствъ іудейской же древности и противъ признаковъ въ самой книгѣ.

Есть мнѣніе, что книга „Пѣсни пѣсней“ написана не однимъ писателемъ. Но это предположеніе въ основаніи своемъ имѣетъ тотъ ложный взглядъ на эту книгу, будто она состоитъ изъ разныхъ отдѣльныхъ пѣсней. Остановимся нѣсколько на разслѣдованіи этого произвольнаго мнѣнія.

На составъ »Пѣсни пѣсней« есть, дѣйствительно, такой взглядъ нѣкоторыхъ (Гердера и послѣдовавшихъ ему), будто она есть не что иное, какъ антологія еврейской древности, содержащая отдѣльныя одна отъ другой пѣсни любви, подобно какъ книга Притчей есть собраніе разныхъ изрѣченій, присловій, или псалтирь есть собраніе священныхъ лирическихъ твореній. Въ доказательство такого мнѣнія представляютъ слѣдующее: нѣкоторыя отдѣленія »Пѣсни пѣсней« (именно: I, 2, II, 7. — II, 8 — 17, III, 1—5. III, 6 — 5, 1.—V, 2. VI, 10. VI, 11.—VIII, 5—14) и самые предметы этихъ отдѣленій, по видимому, стоятъ въ такой слабой связи между собою, что это не похоже на связь разныхъ частей одного и того же сочиненія (VIII, 8, слич. 7; VIII, 11, слич. 10); тонъ и образъ рѣчи такъ различенъ въ разныхъ частяхъ книги, что въ языкѣ и образахъ видѣнъ то характеръ сельской, пастушеской жизни, то рѣз-

кая печать восточной придворной жизни, и любящій представляется въ книгѣ то царемъ, то виноградаремъ, то пастыремъ стада, равно и возлюбленная то царицею, то хранительницею винограда, то пастушкою (IV, 1—6, VI, 4—8. VII, 12. VIII, 10—13, I, 9—11, I, 16, 17, V, 11 VI, 1); частыя повторенія мыслей, образовъ, выраженій кажутся неумѣстными въ одномъ и томъ же твореніи (II, 6 слѣд. VIII, 3; II, 7, слѣд. III, 5; V, 8, слѣд. VIII, 4; II, 16, слѣд. VI, 3). Всѣ эти доказательства, при всей ихъ благовидности, не имѣютъ силы. Съ Псалтирью и съ книгою Притчей книга „Пѣсни пѣсней“ не можетъ быть сравниваема, такъ какъ части въ ней не отдѣлены одна отъ другой ни надписями, ни содержаніемъ, какъ въ тѣхъ книгахъ. Отрывочность, быстрые переходы отъ предмета къ предмету, не довольно рѣзкая связь отдѣленій книги, повторенія, измѣненія образа рѣчи въ „Пѣсни пѣсней“ общи съ большею частию пѣсней и рѣчей въ свящ. канонѣ: въ доказательство этого намъ довольно вспомнить особенно пророческіе псалмы. И сверхъ того быстрота, съ какою священный пѣвецъ „Пѣсни пѣсней“ переходитъ иногда отъ предмета къ предмету, и кажущаяся несвязность изображаемыхъ дѣйствій соотвѣтствуютъ таинственному содержа-

нію книги. Такъ, напр., возлюбленная сѣтуетъ, что не находитъ своего друга, и сейчасъ же съ восторгомъ выражаетъ, что она принадлежитъ ему и начинаетъ собесѣдованіе съ нимъ (VI, 1): это совершенно соотвѣтствуетъ переменамъ состояній души, ищущей благодати, и внезапности дѣйствій благодати. Также, повторенія очень естественны при повтореніи однихъ и тѣхже движеній и дѣйствій. Таковы, наприм., многократныя повторенія: *се еси добра близняя моя, искренняя моя*, или: *азъ другу моему и другу мой лишь*, или: „заклинаю васъ дѣвицы Іерусалима серпами и полевыми лапями, не будите и не тревожьте мою возлюбленную; пусть почиваетъ сколько ей угодно“ и под. Подобнымъ образомъ измѣненіе тона и образа рѣчи въ „Пѣсни пѣсней“ бываетъ совершенно сообразно съ измѣненіемъ положенія дѣйствующихъ лицъ или съ разностію предметовъ. Такъ напр., — когда любящій призываетъ подругу свою подъ открытое небо насладиться красотами природы, то рѣчь его естественно принимаетъ характеръ и тонъ, такъ сказать, идилическій: „встань, подруга моя, прекрасная моя; иди сюда. Ибо зима уже прошла . . . на землѣ показались цвѣты, наступило время пѣсней и голосъ горлицъ слышенъ уже въ землѣ нашей; смоковница напол-

ниа сокомъ свои ягоды, и виноградныя лозы, разцвѣтая, издають благовоніе. Встань, подруга моя... голубка моя, сидящая въ ущелии скалы подъ кровомъ утеса“. Но когда изображаетъ царственно-великолѣпное ложе, то рѣчь, опять естественно, становится блестящею и вмѣстѣ важною: „это одръ Соломоновъ, вокругъ его шестьдесятъ ратниковъ, сильныхъ ратниковъ израилевыхъ. Всѣ они держать по мечу, опытны въ битвѣ“ и проч. А что подъ разными именами или образами царя, виноградаря и пастыря представляется одно и тоже лице любящаго, это хорошо видно. Такъ въ 1-й главѣ любящій сперва представляется царемъ (ст. 3), чрезъ два стиха тоже лице представляется пасущимъ стада (ст. 6): *оведина царь*, говоритъ любящая, *въ ложницу свою*, — потомъ она же и въ той же своей рѣчи говоритъ: *возьсти ми, его же возлюби душа моя, идѣ пасени, идѣ почиваеши въ полудне* (ст. 6). Въ 11-мъ стихѣ той же главы любящій опять представляется царемъ: „пока царь возлежитъ за столомъ своимъ, пардъ мой будетъ издавать благоговоніе“. Но въ 4-мъ стихѣ слѣдующей главы, въ продолженіи того же непрерывающагося собесѣдованія любящихся, онъ является уже виноградаремъ: „Онъ во-

днѣ меня въ домъ вина“. Тоже должно сказать и о лицѣ возлюбленной: въ 5-мъ стихѣ первой главы она стережетъ виноградъ, а въ 7-мъ стихѣ пасетъ стада. Итакъ всѣ основанія, по которымъ хотѣтъ видѣть въ книгѣ „Пѣсни пѣсней“ —разныя отдѣльныя антологическія творенія, сами собою разрушаются.

Представимъ положительныя доказательства того, что „Пѣснь пѣсней“ составляетъ одно неразрывное цѣлое. Во 1-хъ всѣ лица, какія представляются въ „Пѣсни пѣсней“, во всей книгѣ являются одни и тѣже по достоинству, по характеру, по дѣйствіямъ. Такъ, чрезъ все продолженіе „Пѣсни пѣсней“ главными дѣйствующими лицами представляются только двос—любящіеся. Одинъ изъ нихъ царь, хотя въ то же время обладаетъ виноградниками и пасетъ овецъ; названъ онъ (въ таинственномъ смыслѣ, какъ увидимъ ниже) Соломономъ: въ такомъ достоинствѣ и съ такимъ названіемъ онъ представляется въ разныхъ частяхъ книги—въ началѣ, срединѣ и на концѣ (царемъ—въ I-й гл. и въ VI, 8, съ именемъ Соломона въ III-й и VIII). По своей красотѣ и значенію своему не только для возлюбленной, но и для другихъ онъ весь сладость и желаніе; самое имя его есть разлитое муро; его знамя—любовь: эти чер-

ты указаны также въ разныхъ мѣстахъ книги (въ I-й, II, и V-й главахъ). Въ отношеніи къ возлюбленной, расположенность и дѣйствія его таковы, что онъ, по неоднократному выраженію ея самой, принадлежитъ ей и обладаетъ ею,—всѣ богатства, славу и наслажденія свои готовъ дѣлить съ нею (I, 8 — 10, II, 10 и слѣд. VI, 8 — 10), и осыпаетъ ее всякими похвалами и ласками (это во всѣхъ главахъ); но при этомъ замѣтно руководить ее, направляетъ и испытываетъ ея любовь, и въ этомъ отношеніи поступки его съ нею запечатлѣны безусловною властію надъ нею и какою-то таинственностію. То, напримѣръ, онъ зоветъ ее къ себѣ, и сейчасъ же убѣгаетъ, не откликается на ея взыванія къ нему, хотя она подвергается опасностямъ и оскорбленіямъ; то является къ ней неожиданно и во время сна или жалобъ возлюбленной, что она не находитъ друга своего, даетъ ей вдругъ ощутить свое присутствіе и слышать свой голосъ (это и въ I-й, и II-й и III-й, и въ V, и въ VIII-й главахъ). Рѣчи его вездѣ проникнуты любовью и царски-блистательны; словомъ, любящій вездѣ одинъ и тотъ же и вездѣ одинаковъ. Тоже должно сказать и о другомъ главномъ дѣйствующемъ лицѣ—возлюбленной. Это также опредѣленная личность,

одна и таже во всѣхъ частяхъ „Пѣсни пѣсней“. Она называется Суламита (VII, 1) соответственно—какъ это легко примѣтить — имени своего друга Соломона; подобно какъ души, вѣрующія во Христа, по его имени, называются христианами, (что и выражается указанными именами въ „Пѣсни пѣсней“, какъ увидимъ въ послѣдствіи).

У ней живы мать и братья, какъ это показано въ разныхъ частяхъ книги — въ началѣ, среднѣ и на концѣ (I, 6, III, 4, VIII, 8, 9). Она имѣетъ и пасетъ стада (I, 7), владѣетъ виноградникомъ и именно на Ливанѣ (I, 6, II, 15, IV, 8, VII, 13, 14, VIII, 2, 13), однако принадлежать къ высокому роду (VII, 1) и по своему Другу есть единственная между царицами (VI, 7, 8). Она дивно-прекрасна, хотя предъ тѣмъ и очернена была палящимъ солнцемъ; въ самой однако же красотѣ своей, плавняющей и улаждающей Люблящаго, она „грозна для другихъ, какъ полки со знаменами“. Такою представляется она почти непрерывно чрезъ все продолженіе „Пѣсни пѣсней“. Она вся горитъ любовію къ своему Другу и въ Немъ, въ Его присутствіи, бесѣдѣ и любви находитъ все свое блаженство; о своемъ Возлюбленномъ она всегда говоритъ съ одинаковою сердечностію, кра-

соту его изображаетъ вездѣ съ одинакимъ восторгомъ. Неоднократно въ ней выражается и та черта, что она безусловно и даже съ благоговѣніемъ предана Возлюбленному: такъ, оставленная имъ въ жертву жестокости стражей городскихъ, она сѣтуетъ только о томъ, что не находитъ его, но не жалуется на него и при свиданіи не выговариваетъ ему, а выражаетъ одинъ только восторгъ; она даже какъ будто не смѣетъ слишкомъ многословить, въ глазахъ его, похвалами ему, за то тѣмъ болѣе изливается похвалами ему заочно, предъ дѣвицами Іерусалима; а за всѣ свои угожденія ему желала бы, чтобы онъ училъ ее: „повела бы я тебя, говоритъ она, привела бы тебя въ домъ матери своей. Ты меня училъ бы, а я попла бы тебя ароматичными винами, сокомъ ароматныхъ яблонь“. Итакъ во всѣхъ отдѣленіяхъ книги рисуется только живой и плѣнительный образъ одной возлюбленной, также какъ и единственнаго ея Друга, — Божественно-прекраснаго. Вообще же мысль и воображеніе обоихъ любящихъ всегда носятъ около однихъ предметовъ; главное желаніе одного и другой всегда одинаково; они всегда говорятъ однимъ языкомъ любви, и ежели каждое сердце должно чувствовать собственнымъ образомъ, то чув-

ствованія, разлитыя въ „Пѣсни пѣсней“ не могутъ принадлежать разнымъ лицамъ. Это благовонное дыханіе излилось только изъ двухъ небесныхъ сердець, живущихъ одно въ другомъ.

Что касается до другихъ, второстепенныхъ лицъ, представляемыхъ въ книгѣ „Пѣсни пѣсней“, — братья возлюбленной въ началѣ и въ концѣ книги, (въ I-й и послѣдней главѣ) являются строгими къ ней и довольно самовластно распоряжаются судьбою ея. Мать ея и мать его только указываются или упоминаются въ разныхъ мѣстахъ, съ выраженіемъ увѣренности въ материнской ихъ любви, и соучастія въ положеніи сына или дочери, но не видно ни одного ихъ явленія. Есть еще въ „Пѣсни песней“ хоръ дѣвицъ, говорящихъ и дѣйствующихъ: онѣ всегда однѣ и тѣже дѣвицы Иерусалимскія. Въ началѣ, средиѣ и на концѣ пѣсни, онѣ являются съ сочувствіемъ къ возлюбленной и приглашаются отъ ея друга къ одному и тому же, и притомъ одними словами: „заклинаю васъ дщери Иерусалимскія, — не тревожьте возлюбленную“ и проч...

Такая единичность и опредѣленность всѣхъ, представленныхъ въ книгѣ „Пѣсни пѣсней“, лицъ, неизмѣнныхъ въ своихъ существенныхъ чертахъ и несмѣняющихся другими чрезъ все про-

долженіе пѣсни, — ясно показываетъ, что „Пѣснь пѣсней“ есть одно цѣлое, а отнюдь не составлена изъ разныхъ (антологическихъ) творений, неимѣющихъ между собою внутренней и необходимой связи.

Тоже самое и столько же, и даже болѣе рѣшительно доказывается, во вторыхъ, единствомъ главнаго предмета, раскрывающагося во всей книгѣ, непрерывною внутреннею связію всѣхъ ея частей и строго-размѣреннымъ, послѣдовательнымъ теченіемъ всей пѣсни. Для опредѣленія предмета этой книги мало сказать, что въ ней воспѣвается взаимная любовь двухъ таинственныхъ лицъ. Это будетъ слишкомъ общо! Предметъ этой высокой пѣсни можно опредѣлить болѣе обстоятельно. При внимательномъ чтеніи „Пѣсни пѣсней“ видно въ ней не только то, что любящіеся выражаютъ другъ другу пламенную любовь, но съ этимъ именно то еще, что Возлюбленный болѣе и болѣе усовершенствуетъ, возвышаетъ и укрѣпляетъ любовь своей подруги, проводя ее чрезъ разные испытанія (напр. III, 1, 2. V, 6, 7) и радуя ее живѣйшими изъявленіями собственной любви (напр. IV вся глава VI, 3—8), пока она, сначала незнакомая и мѣста пастбищъ своего Друга (I, 7), наконецъ желаетъ и даже требуетъ быть неразлучною отъ него, „какъ

печать у его сердца, какъ перстень на его рукѣ“ и выражаетъ любовь свою къ нему „крѣпкую, какъ смерть“, сознательно ощущая въ любви своей „пламень Іеговы“ (VIII, 6). Вотъ главный предметъ »Пѣсни пѣсней«, послѣдовательно раскрывающійся чрезъ все ея продолженіе, опредѣляющій все ея теченіе и конечный исходъ!—Посему-то собственно она и есть одно прекрасное цѣлое,—однѣй чуждый и неразрывный вѣнокъ небесной любви, сплѣтенный Бого-данною премудростію Соломона.

Довольно о цѣлостномъ составѣ и неразрывномъ единствѣ книги »Пѣсни пѣсней«! Перейдемъ къ другому вопросу—о таинственномъ ея значеніи, перетолкованіе котораго родило мысль — и о раздробленіи состава книги.

Значеніе или смыслъ книги можетъ быть познанъ и изъ разсмотрѣнія самой книги и изъ свидѣтельствъ. Въ самой книгѣ »Пѣсни пѣсней« намъ слѣдуетъ только, не останавливаясь на наружной сторонѣ личностей возлюбленного и возлюбленной, проникнуть въ самую силу и существо связующей ихъ любви:—и мы увидимъ, что эта любовь вся небесная и Божественная, или, по выраженію самой книги, „пламень Іеговы“ и что потому, находящіеся въ союзѣ такой любви имѣютъ духовную и Божественную

знаменательность, а не суть простая чувственная личности. Изображаемая въ книгѣ взаимная ихъ любовь безконечна по своей силѣ, никогда не перестаетъ, ни чѣмъ неодолима и превышаетъ земныя сокровища: „любовь люта, какъ смерть“, — такъ говоритъ сама возлюбленная, — ея жаръ свирѣпъ, какъ пренеподлая, стрѣлы ея — стрѣлы огненные: *вода многа не можетъ угасити любви, и рѣки не потопятъ ея: аще дастъ мужъ все имѣніе свое за любовь, уничиженіемъ уничижатъ его* (VIII, 6, 7). И въ то же время это есть любовь безстрастная, основывающаяся единственно (*) на достоинствѣ любимого, и въ блаженство наслажденія возлюбленнымъ съ радостію готовая ввести всѣхъ: это именно видно въ воспѣваемой сестрѣ — невѣстѣ. *Миро изліянное—иля Твое*, говоритъ она Возлюбленному, *отроковицы возлюбивша Тя*. Влеки меня за собою, — мы готовы бѣжать... мы тобою восхищаемся и радуемся... по справедливости любить тебя (I, 3, 4). Такъ возвышается эта любовь надъ самолюбіемъ и пристрастіемъ, обыкновенно сопутствующимъ всякой земной любви! — Далѣе,

(*) И притомъ не по отвлеченному, представленію, а по непосредственному, таинственному ощущенію.

воспѣваемая въ пѣснѣ любовь составляетъ самую живую связь взаимно-любящихся: *Братъ мой лишь и азъ Емю*, такъ неоднократно говоритъ подруга (II, 16, VI, 2); *плодъ его сладокъ въ гортани моему... Шуйца его подъ главою моею, и десница его обниметъ мя* (II, 3, 6, VIII, 2, 3). И въ тоже время эта любовь благоухаетъ чистотою и непорочностію: *вертоградъ заключенъ сестра моя не-вѣста*, говоритъ Возлюбленный, *вертоградъ заключенъ, источникъ запечатльнъ* (IV, 12); самое возжелѣнное для возлюбленной — наслаждаться ученіемъ своего Друга: „о если бы ты былъ мнѣ братъ... тогда я.... привела бы тебя въ домъ матери моея. Ты меня учишь бы (VIII, 2)“. Потомъ, движенія и проявленія этой любви ощутительны, но духовны, — открыты и вмѣстѣ таинственны: такъ, оба они видятся, бесѣдуютъ другъ съ другомъ обыкновеннымъ и открытымъ образомъ, но и при самой тихой ихъ бесѣдѣ бываетъ то, что любящая, сама же заговоривъ объ успокоеніи своемъ вмѣстѣ съ Другомъ, по этому одному сейчасъ же является уже покоящаяся подъ его охраненіемъ (II, III, VIII, гл.); или, напротивъ, во время сна, сердцемъ слышитъ и видитъ она своего Друга, и вслѣдствіе этого сейчасъ же сонъ смѣняется дѣйствительностію,

дѣйствительнымъ свиданіемъ и бесѣдою ея съ Другомъ (V гл.); или же иногда, разговаривая съ подругами объ отсутствующемъ Возлюбленномъ, она мысленно обращается къ Нему, какъ бы въ Его присутствіи,—и этимъ самымъ начинается уже бесѣда ея съ Нимъ самимъ,—и бесѣда такая, какъ будто и до этого Онъ, и притомъ Онъ одинъ, былъ съ нею (I и VI гл.). Словомъ: воспѣваемая въ книгѣ „Пѣсни пѣсней“ любовь въ своихъ проявленіяхъ не подлежитъ условіямъ нашей земной дѣйствительности, но открываетъ такое зрѣлище, въ которомъ дѣйствія идутъ по однимъ движеніямъ мысли и сердца,—зрѣлище изъ міра мысленнаго, духовнаго, или даже изъ области Божественной, не стѣсняемой условіями пространства и времени.—Кромѣ того, есть существенное различіе между любовью Друга и Его сестры—невѣсты; и свойства любви Того и другой также показываютъ, что эта любовь не земная, а Божественная. Онъ, весь преданный и принадлежащій своей подругѣ, въ то же время являетъ въ самой своей любви величіе власти, руководящей, покровительствующей, снисходящей въ отношеніи къ ней, и, съ этой стороны, она доходитъ до какой-то непостижимости въ поступкахъ съ нею: для удостовѣренія въ этомъ довольно взять во вниманіе, какъ Онъ,

самъ же вызвавъ къ себѣ возлюбленную, внезапно скрывался отъ нея, былъ невнимателенъ къ ея воплямъ, оставлялъ ее жестокости городскихъ стражей (V, 2—7.). Она выражаетъ свою любовь въ стремленіе къ Нему, какъ высочайшему своему благу, часто въ вопляхъ и мольбахъ, въ безусловной покорности, довѣріи и даже вѣрѣ: вотъ городскіе стражи „били ее, изранили ее, сняли съ нея верхнюю одежду“, — а это единственно потому, что ея Возлюбленный, самъ же нарушивъ ея ночной покой, вдругъ оставилъ ее одну; но, не смотря на то, она тутъ же, послѣ самыхъ восторженныхъ ему похвалъ, говоритъ своимъ подругамъ о Немъ, что „уста Его сладость и весь Онъ желаніе“ (V, 7, 16.). Онъ собственно болѣе и болѣе возбуждаетъ и питаетъ въ ней стремленіе къ Себѣ: „встань подруга моя, прекрасная моя, и приди (II, 10.). . . . ко мнѣ съ Ливана, невѣста, ко мнѣ иди съ Ливана, спѣши“ (IV, 8); для этого онъ и ласкаетъ ее, и является къ ней, и скрывается отъ нея. Она, съ своей стороны, видя въ Немъ все возжелѣнное и безцѣнное для себя, домогается только того, чтобы быть при немъ и покониться въ его любви, — чтобы онъ не оставлялъ ее, а „положилъ, какъ печать, къ сердцу своему, какъ перстень на руку свою“ (VIII,

6). Любовь ея есть такое ощущение блаженства въ Немъ одномъ и ничѣмъ ненаполняемой пустоты безъ Него, что вся душа у ней выходитъ, когда Онъ заговорить (V, 6); а въ Немъ любовь есть полнота радости и счастья, открытая для возлюбленной и влекущая къ себѣ вмѣстѣ съ нею и другихъ: „влеки меня... мы побѣдимъ за Тобою... Тобою мы восхищаемся и радуемся“... (I, 4.). Наконецъ, сестра—невѣста предана исключительно ему: — единственно для него, по ея выраженію, „сберегаетъ она у себя и новыя и старыя превосходныя плоды“ (VII, 14.), „прямо къ другу течетъ отличное ея вино“ (VII, 11), и по самой такой преданности она восхищается любовію къ нему и другихъ: „по справедливости любятъ Тебя“ (I, 4, 6). А Возлюбленный, привлекаемый къ ней ея красотою и вѣрностію, заботится о достойномъ ея убранствѣ (I, 8 — 10.) и невозмутимомъ покоѣ (II, 7. III, 5), своими ласками возвышаетъ и прославляетъ ее до величія единственной между всѣми ему преданными (VI, 7) и Самъ лично служить для нея опорой (VIII, 5). И такимъ образомъ любовь ея оказывается сладчайшею ея обязанностію, а любовь Его неистощимою щедростію и благодатію для нея; Онъ имѣетъ назначеніе всеобщаго блага, а назна-

ченіе ея — видѣть въ Немъ единственное свое благо. И при всемъ этомъ, — нужно замѣтить, — въ любви Друга нѣтъ ни тѣни чего либо восточно-деспотическаго надъ женщиною, напротивъ въ каждомъ свиданіи и бесѣдѣ Онъ является олицетвореніемъ пѣжнѣйшей любви и своими привѣтами даетъ возлюбленной живо сознавать собственное ея достоинство, ублажаемое даже царицами (VI, 8); также какъ и въ ея любви нѣтъ ни одной черты рабской, напротивъ все въ ней свободно и благородно въ высшей степени; она вполне понимаетъ безпримѣрное достоинство любви своей (VIII, 1, 7). „Я принадлежу Другу моему, и Другъ мой мнѣ“: вотъ общій характеръ любви Того и другой. Теперь, — если въ отдѣльности каждая указанная черта взаимной любви, воспѣваемой въ „Пѣсни пѣсней“, свидѣтельствуешь, что это есть любовь неземная: то всѣ онѣ въ совокупности составляютъ тѣмъ болѣе открытый и поразительный образъ любви небесной и Божественной, которую нельзя и назвать лучше и точнѣе, какъ она названа въ самой книгѣ: „пламень Іеговы“ (VIII, 6, съ еврейскаго). Возлюбленный, связуемый такою любовію съ своею возлюбленною, полонъ благодати и истины и всю эту полноту раскрываетъ для возлюбленной; а послѣдняя только и живетъ

и хочет жить своимъ Возлюбленнымъ, Его любовью, Его благодатию и истиною. Первый, очевидно, есть Самъ и одинъ Христосъ Господь, а послѣднею обязана быть каждая вѣрующая душа и тѣмъ болѣе, соединяющая всѣхъ вѣрующихъ въ одно живое цѣлое, церковь. При этомъ разсмотрѣніи содержанія самой „Пѣсни пѣсней“, не опустимъ изъ вниманія, что, если понимать ее въ буквальномъ смыслѣ, въ смыслъ простой чувственной дѣйствительности, то не будетъ въ ней никакой общей мысли,—всѣ ея части, и въ отношеніи одна къ другой и каждая сама по себѣ, распадутся не просто на несвязные отрывки, но какъ бы на бездушные члены разлагающагося организма. И именно, относительно общаго состава ея содержанія замѣчается слѣдующее: любящіяся другъ другу преданы, одинъ призываетъ другую къ себѣ, эта послѣдняя мучится всякою разлукою съ своимъ Другомъ; отъ нея пренятетвія къ союзу нѣтъ ни одного; тѣмъ не менѣе однако они не соединены навсегда, — любящая страдаетъ и подвергается опасностямъ, стремясь къ Возлюбленному, — Онъ самъ и приходитъ къ ней и сейчасъ же безпричинно бѣгаетъ отъ нея, какъ бы жестоко издѣваясь надъ ея привязанностію. Таково общее содержаніе „Пѣсни пѣсней“, если понимать ее въ

смыслъ чувственной дѣйствительности. Какой же смыслъ въ этомъ противорѣчащемъ самому себѣ содержаніи?!.. Въ грубо-буквальномъ смыслѣ и каждая, взятая въ отдѣльности часть, или картина „Пѣсни пѣсней“ показываетъ такое же отсутствіе связи и мысли. Дѣйствія и событія идутъ (какъ выше было указано) вовсе не по условіямъ и порядку нашей земной дѣйствительности, но по одному движенію мыслей и чувствъ. При духовномъ разумѣніи книги это естественно и понятно; а при буквальномъ пониманіи всякой разъ, когда нить изображаемыхъ событій и дѣйствій отступаетъ отъ чувственного порядка вещей, необходимо представлять новую отдѣльную картину, сродную съ предыдущимъ, но уже, такъ сказать, несочлененную съ нимъ и съ общимъ составомъ содержанія. И построеніе или начертаніе одной за другою этихъ малыхъ картинъ, изъ которыхъ каждая, при явномъ своемъ сродствѣ съ другими, стояла бы только сама по себѣ, хотя бы, по своей безсвязности съ предыдущимъ и послѣдующимъ, иногда была не обширнѣе одного стиха (напр. см. въ III гл. 5 ст.), будетъ совсѣмъ неизъяснимо. Главная причина, почему нѣкоторые стали понимать книгу „Пѣснь пѣсней“ за собраніе разныхъ отдѣльныхъ пѣсней, вопреки явному ихъ сродству, и есть именно

ложный взглядъ на ея содержаніе, какъ имѣющее смыслъ грубо-буквальный; ибо съ точки зрѣнія на „Пѣснь пѣсней“, какъ на таинственное изображеніе,—все въ ней стройно, связно и цѣлостно, соединено глубокою мыслию, постепенно или послѣдовательно раскрывающеюся. Въ общемъ это мы уже выше объяснили; при обзорѣ содержанія книги далѣе, раскроется тоже съ полною и особенною обстоятельностью.

Отъ признаковъ въ самой книгѣ, показывающихъ таинственный духовный ея смыслъ, обратимся къ внѣшнимъ свидѣтельствамъ о ея значеніи. Уже то самое, что эта книга помѣщена въ священномъ канонѣ, есть свидѣтельство и священныхъ собирателей канона и церкви іудейской, хранившей этотъ канонъ, и христіанской, принявшей и употреблявшей его въ значеніи слова Божія,—свидѣтельство именно о духовномъ значеніи книги. Ибо описаніе земной чувственной любви какимъ бы образомъ могло быть и введено въ составъ книгъ священныхъ, и принято въ этотъ составъ, и терпимо, и употребляемо, притомъ людьми наиболѣе тонкаго и чистаго духовнаго чувства? Это просто не естественно. Не говоримъ уже: что же послѣ того была бы церковь? Гдѣ благодать ее охраняющая? Гдѣ истина, утверждающая святую церковь и обратно

имѣющая ее столпомъ и утвержденіемъ своимъ? Не остапавляясь уже на этомъ, вдуваемся въ одно то, доступное сужденію каждаго мыслящаго, явленіе: какъ люди столь чистаго и тонкаго нравственнаго чувства, каковы безпрекословно для всѣхъ—святые богоносные отцы, могли не только терпѣть, но и какбы прикрыть совѣмъ отъ своей прощательности и даже употреблять въ пищу и руководство своего духовнаго, цѣлому-дреннаго совершенства книгу чувственнаго и страстнаго содержанія? это именно не мыслимо. Такимъ образомъ все священное и разумное для насъ утверждаетъ духовное значеніе „Пѣсни пѣсней“. Въ Сирскомъ переводѣ священнаго писанія самое заглавіе книги указываетъ на ея таинственное значеніе: „Премудрость премудростей“ (*sapientia sapientiarum*).

О духовно-таинственномъ значеніи „Пѣсни пѣсней“ есть частныя свидѣтельства, а) Іудеевъ, б) въ новозавѣтныхъ священныхъ книгахъ, с) въ писаніяхъ отцевъ и учителей церкви, и наконецъ d) свидѣтельства позднѣйшихъ толкователей, людей даже западно-европейскаго образованія.

У древнихъ Іудеевъ была такая увѣренность въ духовномъ значеніи „Пѣсни пѣсней“ и вообще столь высокое о ней понятіе, что, по свидѣтельству Іерошима, ранѣе возраста священническаго

служенія, т. е. тридцатаго года, не позволялось никому и читать эту книгу, подобно какъ начало книги Бытія и нѣкоторыя части книги Іезекіиля Пророка (начало и конецъ) Hieron. præf. in Ez. V, 3). Въ Таргумѣ въ самой древней его части, какая только сохранилась у Іудеевъ, „Пѣснь пѣсней“ признается книгою таинственною (см. введ. Scholz'a въ эту книгу). Халдейскій парафрастъ излагаетъ эту книгу въ таинственномъ смыслѣ. За тѣмъ іудейскіе ученые писали таинственныя истолкованія книги „Пѣсни пѣсней“, какъ то: Абенъ-Езра, Раввинъ Соломонъ, Маймонидъ, Кимхи и проч. При чемъ прямо выражали, что отнюдь не въ буквальномъ смыслѣ должно понимать эту книгу, такъ Абенъ-Езра: „да не будетъ того, чтобы понимать „Пѣснь пѣсней“ о чувственной любви; напротивъ въ ней все должно понимать аллегорически; послѣку еслибы не имѣла она этого преимущества, то не была бы принята въ собраніе священныхъ книгъ, объ чемъ нѣтъ разногласія въ мнѣніяхъ“ (Præf. Comm. in Cant. cant.). Несогласныхъ съ этимъ опровергали; такъ, именно Кимхи опровергаетъ одного изъ такихъ противниковъ, не называя впрочемъ его по имени (in Comm.). И всякія сомнѣнія о духовномъ смыслѣ „Пѣсни пѣсней“ отражали твердо и рѣшительно; такъ—Раввинъ

Акиба на разные толки нѣкоторыхъ отвѣтилъ: „весь міръ не стоить того дня, въ который эта пѣснь дана Израилю: ибо все агіографы святы, а эта Пѣснь есть святое изъ святыхъ“ (Tr. Jadaim. fol. 157. 1). Само собою разумѣется, что Іудеи, имѣя покрывало на сердце, не въ состояніи примѣнить всей чистоты и свѣта таинственного смысла книги; такъ, подъ возлюбленною они разумѣютъ собственно и исключительно плотскихъ чадъ Авраама — *Израильтянъ*, въ Любящемъ едва примѣчаютъ общія черты *Бога* и если возвышаются до мысли собственно о *Мессіи*, то обезображиваютъ ее многими страшностями (напр. Халдейскій Парафрастъ говоритъ о двухъ Мессіяхъ—одного изъ Давидова дома, другаго изъ колѣна Ефремова). Но для насъ важно и то, что эти слѣпцы, по крайней мѣрѣ въ общемъ, хотя не довольно точномъ видѣ, прозрѣваютъ духовное значеніе „Пѣсни пѣсней“; такого разумѣнія ихъ ни изъ чего иного нельзя объяснить, какъ изъ священнаго преданія, идущаго отъ лучшихъ ветхозавѣтныхъ временъ.

Въ Новомъ Завѣтѣ раскрывается духовное значеніе книги во всей чистотѣ, опредѣленности и ясности. Въ священныхъ новозавѣтныхъ книгахъ встрѣчаются поразительные образы, заимствованные изъ книги „Пѣсни пѣсней“ для означенія ду-

ховнаго союза Христа съ церковію, и приводится изъ этой книги свидѣтельство о благодатной любви, связующей душу вѣрующаго съ Господомъ. Къ мѣстамъ перваго рода относятся въ Новомъ Завѣтѣ слѣдующія слова Іоанна Крестителя (Іоан. III, 29): *и нѣяй невѣсту женихъ есть: а друзи жениховъ, стоя и послушная Ему, радостію радуется за гласъ жениховъ*. Картина, изображающая Христа пришедшаго къ Своей церкви, какъ къ невѣстѣ, во всѣхъ своихъ чертахъ взята изъ книги „Пѣсни пѣсней“: здѣсь чрезъ всю книгу идетъ изображеніе Жениха, имѣющаго невѣсту; слышится гласъ бесѣды Его съ сестрою—невѣстою, и видны друзья Жениховы, приглашаемые Имъ *радостію радоваться* вмѣстѣ съ Имъ: „*ядите ближніе, и пійте, и упійтесъ братія*“ (V, 1), говоритъ торжествующій Женихъ Своимъ друзьямъ, между Своей бесѣды съ невѣстою. Такое рѣзкое сродство новозавѣтнаго представленія съ изображеніями „Пѣсни пѣсней“ ведетъ къ тому заключенію, что первое взято изъ послѣдней. Другое мѣсто (Еф. V гл.): *мужіе любите своя жены*, говоритъ Апостолъ, *якоже и Христосъ возлюби церковь, и потомъ: да представитъ ю себѣ славну церковь, не имущу скверны или порока или ничто отъ таковыхъ*. Здѣсь

представляется любовь Христа къ церкви подобною любви мужа къ женѣ, и церковь является въ значеніи или съ назначеніемъ—быть *не илущою порока* или недостатка. Въ книгѣ „Пѣсни пѣсней“ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изображаются любящіеся, какъ уже имѣющіе одно ложе, или какъ мужъ и жена: *руцѣя Ею подѣ главою моею и десница Ею обниметъ мя* (II, 6. VIII, 3), и любящій говоритъ возлюбленной: *вся добра еси близняя моя и порока нѣсть въ тебѣ* (IV, 7). Опять рѣзкое сходство, даже буквально, въ словахъ: *порока нѣсть въ тебѣ, не илущая порока*. Отсюда открывается, что, при написаніи Апостоломъ приведеннаго мѣста, предносился ему образъ таинственныхъ лицъ, изображенныхъ въ „Пѣсни пѣсней“. Таково же мѣсто: *ревную по васъ Божіею ревностію: обручихъ бо васъ единому мужу дѣву чисту представить Христу* (2 Кор. XI, 2). Братья невѣсты, воспѣваемой въ „Пѣсни пѣсней“, также ревнуютъ о ея чести и вѣрности,—они же дѣлаютъ, по видимому, и брачный договоръ съ любящимъ, вручая ему невѣсту дѣвою чистою (VIII гл.). Сюда же относится слѣдующее мѣсто изъ Апокалипсиса: *Азъ Іоаннъ видѣхъ градъ святой, Іерусалимъ новъ сходящъ отъ Бога съ небесе, приотрованъ, яко невѣсту, укра-*

жену мужу своему (Ап. XXI, 2). И еще: „наступилъ бракъ Агнца и жена Его приготовила себе. И дапо ей облечься въ виссонъ чистый и свѣтлый, виссонъ есть праведность святыхъ“ (Апок. XIX, 7, 8). Это просто есть не что иное, какъ истолкованіе образа представленій „Пѣсни пѣсней“. Есть мѣсто въ Новомъ Завѣтѣ, гдѣ изъ книги „Пѣсни пѣсней“ приведено свидѣтельство о Божественной любви, излившейся въ сердца вѣрующихъ во Христа: *или лините*, говоритъ Апостолъ Іаковъ (IV, 5), *яко всуе Писаніе млаголетѣ: кѣ зависти желаетѣ Духѣ, уже вселися въ ны*, т. е. „до ревности любить Духъ, живущій въ насъ“. Уже по самому выраженію: *Духѣ, уже вселися въ ны*, понятно, что Апостолъ цитуетъ ветхозавѣтное мѣсто не буквально; ибо выраженіе, по своему характеру, приличествуетъ новозавѣтному времени. И дѣйствительно приведеннаго изрѣченія буквально не находится нигдѣ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Апостолъ Іаковъ въ этомъ мѣстѣ беретъ изъ ветхозавѣтнаго писанія мысль, не заботясь о буквальной точности, какъ это дѣлаютъ св. писатели иногда и въ другихъ случаяхъ. Гдѣ же въ Ветхомъ Завѣтѣ выражена мысль объ одушевляющей вѣрныхъ Божественной любви? Она ясно и поразительно выражена въ „Пѣсни пѣсней“: *крѣпка*

яко смерть любви, жестока яко адъ ревность (VIII, 6), говоритъ таинственная невѣста, сама въ себѣ, ощущая такую любовь. Слѣдовательно это мѣсто, безъ буквальной впрочемъ точности, и цитуетъ Апостоль, какъ мѣсто св. писанія.

Соотвѣтственно такимъ указаніямъ слова Божія на таинственное значеніе „Пѣсни пѣсней“—отцы и учителя церкви или прямо отзываются о ней и изъясняютъ содержаніе ея въ таинственномъ смыслѣ—о Христѣ и душѣ вѣрующей или вообще церкви, или же берутъ изъ нея разные образы и краски духовныя для изображенія таинственнаго союза любви между Христомъ и вѣрующими.

Вотъ свидѣтельства перваго рода: еще Оригенъ писалъ таинственное изъясненіе „Пѣсни пѣсней“, по частямъ только сохранившееся (см. 128 стр. введенія August Scholz. 1848). Василій великій такъ говоритъ о содержаніи „Пѣсни пѣсней“: „Пѣснь пѣсней“ показываетъ способъ душевнаго усовершенія; потому что изображаетъ согласіе невѣсты и жениха, т. е. близость души съ Богомъ—Словомъ“ (Твор. св. отц. ч. IV. стр. 194). Григорій Богословъ, говоря о святой Іустинѣ, духовную ея красоту изображаетъ словами „Пѣсни пѣсней“: „это была истинная не-

вѣста Христова. . . . *вертоградъ заключенъ, источникъ запечатанъ* (да воспоетъ нѣчто и Соломонъ), источникъ соблюдаемый единому Христу“ (Твор. св. отц. ч. I. стр. 252). Следовательно, онъ разумѣетъ „Пѣснь пѣсней“ о Христѣ и душѣ истинно вѣрующей. Блаженный Иеронимъ говоритъ о книгѣ „Пѣснь пѣсней“: „она представляетъ союзъ (*jungit*, соединяетъ) Христа съ церковію и воспѣваетъ сладостную брачную пѣснь этого святаго брака (Ер. ad Paulin. Opp. 1 p. 79). Блаженный Августинъ отзывается (*in Speculo opp. III. p. 942*): вся эта книга, образною (*figurata*) рѣчью, представляетъ и съ пророческою высотой провозвѣщаетъ святыя движенія любви (*sanctas amores*) Христа и церкви“. Онъ же говоритъ: „мы признаемъ „Пѣснь пѣсней“ святою пѣснью любви,—пѣснью святою, пѣснью святаго желанія, святой любви, святаго наслажденія“ (*Liber de pastor. c. 15. Том. IX. opp. p. 1070*). И въ другомъ мѣстѣ: „Пѣснь пѣсней“ есть нѣкоторое духовное наслажденіе святыхъ душъ, (состоящее) въ брачномъ союзѣ того Царя и царствующаго града, который есть Христосъ и церковь. Но это наслажденіе (*voluptas*) сокрыто подъ аллегорическими рѣченіями (*terminos*), чтобы тѣмъ блаженнѣе оно вождѣвалось и сладостнѣе открывалось, и явны были бы,

именно, такой Женихъ, которому въ той же пѣснѣ сказано: *правость возлюби Тя*, — и такая невѣста, которая тамъ слышитъ: *любовь въ сладостяхъ твоихъ*“. Блаженный Θεодоритъ свидѣтельствуешь, что многіе изъ древнихъ книгу „Пѣснь пѣсней“ изъясняли (разумѣется, — въ таинственномъ смыслѣ), а не сдѣлавшіе этого украшали свои творенія мѣстами изъ этой книги: — „и не только Евсевій въ Палестинѣ, — продолжаетъ Θεодоритъ, — Оригенъ въ Египтѣ, Кипріанъ Карфагенскій, украшенный вѣнцемъ мученичества, и древнѣйшіе ихъ, ближайшіе къ Апостоламъ, но и прославившіеся въ церквахъ послѣ нихъ признали эту книгу за духовную, какъ-то: Василій Великій въ изъясненіи начала Притчей, оба Григорія, одинъ соединенный съ нимъ родствомъ (Нисскій), другой дружбой (Богословъ), Діодоръ славный подвижникъ благочестія, Іоаннъ, который и до сего дня потоками своего ученія орошаетъ вселенную (Златоустъ), и за ними, сказать кратко, всѣ“. Самъ блаженный Θεодоритъ писалъ изъясненіе „Пѣснѣ пѣсней“, въ которомъ подробно и съ особенною живостію мысли и чувства раскрывалъ духовное ея значеніе (*). У святыхъ отцевъ много встрѣчается

(*) Изъ древнихъ, правда, извѣстенъ, превратно пони-

мѣстъ, въ которыхъ они благодатныя отношенія вѣрующихъ ко Христу и благодатныя ихъ состоянія изображаютъ чертами и красками, очевидно заимствованными изъ „Пѣсни пѣсней“. Таково, напр., слѣдующее мѣсто Григорія Богослова о дѣвствѣ: „ты, дѣвство, заботься о томъ, чтобы оградиться тебѣ отъсюду и хорошо утвердиться въ Богѣ, стать . . . голубицей между пернатыми, маслиной между деревьями, лиліей въ поляхъ“ (это имена, которыми, какъ цвѣтами, осыпаетъ Любящій свою возлюбленную въ „Пѣсни пѣсней“). Ты, дѣва, презрѣвъ весь міръ и всѣ пріятности жизни, стань подлѣ свѣтозарнаго Христа, и, взявшись рука въ руку, введи Его въ свой брачный чертогъ, исполненный утѣхъ, вѣющей сладостями и благоухающей: къ небеснымъ мурамъ примѣшай свое собственное муро; къ изліяннымъ здѣсь не изглаженнымъ желаніямъ любви присоедини и свою любовь, къ красотѣ присовокуни красоту,—къ сокровенной сокровенную, къ свѣтозарной свѣтозарную, чтобы Христосъ сталъ благимъ люби-

мавшій сію книгу и даже дерзавшій исключить ее изъ священныхъ, Θεодоръ Монсуетскій; но онъ, какъ еретикъ, осужденъ на 2-мъ константинопольскомъ соборѣ (V вселенскомъ).

телемъ славнаго твоего образа, чтобы Христосъ сталъ твоимъ женихомъ, чтобы Христосъ, открывъ покрывало, съ радостію увидѣлъ достойную по красотѣ невѣсту. . . чтобы Христосъ тебя, исполненную радости, ввелъ въ свои обители. . . увѣнчалъ главу твою вѣчно цвѣтущими пріятностями, поставилъ тебѣ чашу сладкоухающаго вина, показалъ тебѣ тайну премудрости “ и т. д. (ч. V, стр. 104). Все это есть не что иное, какъ самая сущность содержанія и картинъ „Пѣсни пѣсней“. Св. Макарій Египетскій, описывая разныя благодатныя состоянія, между прочимъ говоритъ: „возбуждаемые благодатию иногда подобно невѣстѣ, наслаждающейся съ женихомъ своимъ, наслаждаются Божественною сладостію“ (Бесѣд. VIII.). Это самое и представлено въ „Пѣсни пѣсней“. Такъ отъ святыхъ душъ самымъ опытомъ дознается или въ нихъ осуществляется таинственное содержаніе „Пѣсни пѣсней“!

Замѣтимъ притомъ наконецъ, что встрѣчаются у отцевъ и въ церковныхъ пѣсняхъ приложенія нѣкоторыхъ мѣстъ „Пѣсни пѣсней“ къ лицу Божіей Матери. Это согласно съ общимъ разумѣніемъ этой книги о духовномъ союзѣ Христа съ душами вѣрующими или съ церковію: ибо въ отношеніи къ благодатному союзу со Христомъ

Пресвятая Дѣва есть истинная и полная представительница всей церкви и совершенный образецъ всѣхъ душъ вѣрующихъ. Слѣдовательно, къ лицу ея имѣетъ „Пѣснь пѣсней“ самое полное и самое точное приложеніе, какъ идеаль къ своему дѣйствительному и совершенному осуществленію. Такъ точно и 44-й псаломъ прилагается и къ св. церкви и къ Матери Божіей: *предста Царица одесную тебе* и проч. Церковь возраждающая вѣрныхъ въ сообщеніе жизни Господней, и Богоматерь, родившая Господа для усвоенія вѣрующимъ, имѣютъ, очевидно, внутреннее между собою соотношеніе и сродство.

Не только св. отцы, но и нѣкоторые позднѣйшіе, именно даже западные толкователи оставили самые убѣдительные отзывы о духовномъ значеніи разсматриваемой книги. Таковъ напр. слѣдующій отзывъ о книгѣ: „впечатлѣніе этой пѣсни и дѣйствіе таинственной (аллегорической) ея рѣчи постигнѣ таково, что, если кто читаетъ эту книгу съ благочестивою и святою мыслию, то чувствуетъ себя восхищеннымъ, движимымъ внутреннимъ стремленіемъ сердца ко Христу и высочайшею духовною радостію;—онъ весь предается Божественной благодати, и ничѣмъ не насыщается кромѣ единенія съ Богомъ и наслажденія благодатію“ (Hulfius. Specimen Theolog.

Hypothet. Disp. XIX pag. 464). Свидѣтельство замѣчательное и важное особенно въ психологическомъ отношеніи! Обыкновенно и извѣстно, что чѣмъ настроеннѣе къ благочестію и святости душа, тѣмъ живѣе она отвращается отъ всего, дышащаго чувственностію, тѣмъ она чувствительнѣе и неперпѣливѣе въ отношеніи даже и къ тонкой нечистотѣ какой нибудь книги или бесѣды. Въ отношеніи къ книгѣ „Пѣсни пѣсней“ открывается, что чѣмъ чище и благоустроеннѣе душа, тѣмъ живѣе ощущаетъ духовную сладость и назидательность этой книги, тѣмъ съ большею любовію, утѣшеніемъ и понятливостію вникаетъ въ святое содержаніе книги. Эту мысль и выражаетъ приведенное свидѣтельство. Это самое можетъ быть доступно и опыту cadaго. Подобный отзывъ другаго ученаго изъ позднѣйшихъ (Mercerus. Præfatio ad h. I. p. 604): „я полагаю, что Соломонъ, когда писалъ, находился въ такомъ состояніи и настроеніи, что и не помышлялъ о земномъ бракѣ, но мыслилъ все о горнемъ, таинственномъ, духовномъ и небесномъ“. Напротивъ, что мудренаго, если толкователи, настроенные не благоговѣніемъ, а чувственнымъ и плотскимъ мудрованіемъ, не только внутренно не ощущаютъ въ „Пѣсни пѣсней“ благоуханія благодатной любви, но и не хотятъ замѣтить ни-

какихъ, и отъяв примѣтныхъ, признаковъ благо-
датно-таинственного значенія книги, не хотятъ
дать никакого вѣса свидѣтельствамъ св. преданія
и писанія и наилучшихъ въ родѣ человѣческомъ
мудрецовъ — св. отцевъ и учителей и рѣшительно
кромѣ себя никому другому? Это естественно.
Ибо въ такихъ людяхъ невѣріемъ закрытъ или
извращенъ органъ духовнаго разумѣнія. Они
вѣрятъ только себѣ самимъ или своему само-
увѣренному эгоизму; и потому, заключенные въ
себѣ самихъ и слѣдовательно остающіеся при
одной своей растлѣнности, они при разсмотрѣ-
ніи „Пѣсни пѣсней“ и могутъ обонять только
смадь, отъ нихъ самихъ исходящій, и одно это
ощущеніе, какъ принадлежащее собственно имъ
самимъ, принять за само-истиное. *Душевенъ че-
ловѣкъ не пріемлетъ яже Духа Божія, и не
можетъ разумѣти* (1 Кор. II, 14.). Самая
упорность отрицанія подобными людьми благо-
датно-духовнаго смысла „Пѣсни пѣсней“ служить
болѣе къ подтвержденію, нежели ослабленію ду-
ховнаго разумѣнія книги: въ ней, видно, есть
дѣйствительно живая благодатная сила и духъ,
когда упорно и противятся этой ея силѣ и духу.

По какимъ потребностямъ церкви и въ какихъ личныхъ обстоятельствахъ Соломона написана имъ „Пльнь пльней“ ?

Теперь приступимъ къ разсмотрѣнію какъ самыхъ потребностей церкви, по которымъ дано было ей чрезъ Соломона откровеніе Таинъ Божественной любви, представленныхъ въ образъ взаимныхъ отношеній двухъ любящихся лицъ разныхъ половъ, такъ и личныхъ обстоятельствъ Соломона, въ которыхъ душа его была открыта для принятія такого откровенія. Для выясненія общей церковной потребности и пріемлемости къ такому высокому и радостотворному откровенію, надо вникнуть въ самое основаніе и движеніе, въ Ветхомъ Завѣтѣ, представленія Таинъ Божественной любви въ образъ брачныхъ отношеній.

Основаніе для этого образнаго представленія, какъ и вообще для преобразованій, надобно искать еще въ самомъ твореніи и въ первобытномъ состояніи людей. Книга Бытія говоритъ о сотвореніи человѣка: *и сотвори Богъ человека, по образу Божію сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ* (I, 27.) Это значитъ, что существенный образъ Божій, каковъ есть Единородный или Богъ Слово, по благодати Своей

творчески отпечатѣлъ въ чловѣкахъ собственныя Свои черты, сколько то вмѣстимо для этихъ твореній. Будучи создано по образу Божію, чловѣческое естество съ самымъ такимъ бытіемъ своимъ получило пріемлемость или сообщимость и съ благодатію Св. Духа, неотлучно почіющаго на существенномъ Образѣ Божіемъ: такъ, *Самъ Богъ вдуну въ лице его дыханіе жизни, и бысть чловѣкъ въ душу живу* (Быт. II, 7), а Божественное дуновеніе указываетъ на движеніе или дѣйствіе Духа Божія, Духа Святаго. Когда же первозданная чловѣческая природа носила въ себѣ чистое и свѣтлое отпечатлѣніе образа Божія, оживляемое дыханіемъ отъ Божественнаго вдуновенія или отъ благодати Св. Духа; то Адамъ, сказавъ о ново-созданной женѣ: *кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моея* (Быт. II, 23), и тѣмъ выразивъ мысль о женѣ своей, какъ о тѣлѣ своемъ, а слѣдовательно и о себѣ самомъ, какъ ея главѣ,—разумѣлъ здѣсь отношенія къ себѣ жены своей и свои къ ней, конечно, не по низшей только или животной сторонѣ чловѣческаго естества. Вѣдь, и въ настоящемъ состояніи природы чловѣческой, смотрѣть на отношенія мужа и жены только съ этой низшей точки зрѣнія значитъ унижать чловѣческую природу до ското-

подобія. Высшая, отзывающаяся чѣмъ-то таинственнымъ, сила благозаконной и чистой половой любви и союза и донынѣ еще слышится и дѣйствуетъ въ человѣчествѣ непрерываемо даже и для слишкомъ чувственныхъ людей. А въ первобытномъ состояніи, въ первоначальной стройности человѣческой природы, физическая жизнь человека была въ такомъ внутреннемъ согласіи и соответствіи съ духовно-благодатною, что въ движеніяхъ первой открывалось проявленіе и другой: „дыханіе въ поздрахъ“ было проявленіемъ духа жизни, одушевленнаго Духомъ Божіимъ или вдохнутаго отъ Самаго Бога, какъ видно изъ словъ бытописанія, точно взятыхъ съ еврейскаго текста: *„и вдунулъ Богъ въ поздри его (т. е. человека) дыханіе жизни“*. Итакъ первобытное отношеніе мужа и жены, выраженное въ словахъ Адамовыхъ: *се нынѣ кость отъ костей моихъ, и плоть отъ плоти моея*, было такое, что жена должна была сознать или ощущать въ мужѣ главу для себя, сіяющую благодатнымъ отсвѣтомъ существеннаго образа Божія—Самаго Единороднаго Сына Божія, а мужъ признавать въ своей женѣ собственное тѣло, также красующееся свѣтлою сообразностію образу Сына Божія и оживляемое благодатію Духа Божія. Сказать другими словами: въ пер-

возданной супружеской четѣ мужъ былъ живымъ и свѣтлымъ образомъ Единороднаго (котораго мы именуемъ Господомъ Іисусомъ Христомъ), какъ глава, а жена была такимъ же живымъ и свѣтлымъ отображеніемъ Единороднаго, какъ тѣло. Единородный же является главою, имѣющимъ тѣло, живущее Его жизнію и съ Нимъ сообразующееся, въ отношеніи именно къ церкви, какъ это со всею точностію раскрыто и уяснено въ Новомъ Завѣтѣ. Такъ уже въ первозданной четѣ супруговъ открыта была тайна союза Единороднаго съ церковію, какъ Главы съ Своимъ тѣломъ. Потому и взаимная любовь первозданныхъ супруговъ, дышащихъ дыханіемъ, пріятнымъ изъ устъ Божіихъ, проявляла въ себѣ живой образъ Божественной любви, соединяющей Господа съ Его церковію, и одушевлялась Духомъ этой Божественной любви. Это изъ всѣхъ высокихъ и сладостныхъ принадлежностей райской жизни первыхъ людей было самою высокою и сладостною принадлежностію. Пока они были вѣрны благодати Божіей, воззавшей ихъ къ бытію по образу Божію и къ жизни, одушевляемой Духомъ Божіимъ, каждый ихъ взглядъ другъ на друга, каждое ихъ слово другъ другу освѣщались и согрѣвались отъ «пламени Іеговы», какъ въ „Пѣсни пѣсней“ названа Божественная

любовь, связующая съ Господомъ преданную Ему душу и всю церковь. Взаимныя райскія отношенія первыхъ людей такъ свѣтло и живо, по дѣйствию Св. Духа, изображали въ себѣ союзъ небесной любви между Господомъ и живущими Имъ однимъ свободными, разумными созданіями, какъ свѣтло и живо было въ нихъ общее отображеніе или отпечатлѣніе образа Божія, одушевляемое благодатію Духа Божія. Такой отсвѣтъ въ первобытной человѣческой четѣ Божественной любви между Господомъ и Его церковію, какъ и вообще образъ въ человѣкѣ Единороднаго, омрачился-было чрезъ грѣхопаденіе человѣковъ; но обѣтованіе о Сѣмени жены, побѣдитель змія—Искупитель, прояснило снова духовный смыслъ и выраженіе супружества первозданныхъ, какъ отображенія союза Христа съ церковію. Это видно изъ того, что мужъ, и по осужденіи своемъ на смерть, созерцалъ въ женѣ всеобщую жизнь, какъ это онъ и выразилъ въ самомъ имени *Еввы*, которое значить *жизнь*, *яко* (такъ сказано въ книгѣ Бытія въ изъясненіе этого имени) *та мати всѣхъ живущихъ* (Быт. III, 20).

Конечно, и этотъ образъ,—какъ и вообще ветхозавѣтное образное устройство церкви, — долженъ былъ съ продолженіемъ времени затемняться, какъ основанный на принадлежностяхъ

естества, уже растлѣваемаго грѣхомъ. Однако при Авраамѣ въ Саррѣ, его супругѣ и матери Исаака, раздѣлявшей вѣру отца вѣрующихъ, еще свѣтло отобразился видъ *благодатно-свободной матери всѣхъ насъ*, какъ то выразилъ изъяснившій это Апостолъ Павелъ, разумѣя подъ этимъ названіемъ духовный Іерусалимъ или Христову церковь (Гал.). Такъ Іаковъ, одушевляясь духомъ вѣры въ данное ему обѣтованіе всеблагословляющаго Сѣмени и происходящимъ отъ того желаніемъ получить залогъ этого Божественнаго Сѣмени—въ дѣтяхъ,—могъ еще въ своихъ отношеніяхъ къ соучастницѣ своей вѣры и грядущей благодати, именно къ любимой красной взоромъ зѣло (Быт. XXIX, 17—20) Рахили, испытать и проявить тайну благодатнаго созерцанія, вождельнаго и сладкаго, педающаго даже и чувствовать тягости и горести сопряженныхъ съ нимъ продолжительныхъ трудовъ. Такой смыслъ уразумѣли именно св. отцы въ отношеніяхъ Іакова къ Рахили, изображенныхъ въ книгѣ Бытія: *Рахиль бѣ добра видолѣ и красна взоролѣ зѣло. Возлюбилъ же Іаковъ Рахиль.... И работа Іаковъ за Рахиль седлъ лѣтъ: и быша предѣ нилѣ, яко малы дни, занеже любилъ ю.*

Что касается вѣка Давидова и Соломона,—то

этотъ славный вѣкъ разцвѣта ветхозавѣтныхъ возрѣній и жизни отличается тою особенностію, что силу образовъ и вообще духовныхъ предметовъ, бывшихъ и прежде въ дѣйствіи церковной жизни, по доселѣ не столь ясно опредѣляемыхъ словомъ, Боговдохновенные мужи выражали словомъ и на будущія времена. Видно, духовное самосознаніе ветхозавѣтной вѣры было въ этомъ вѣкѣ особенно яснымъ и потому воспріимчивымъ къ особенно опредѣлительнымъ откровеніямъ. Такъ, тайна страданій Христовыхъ, предъиспытанная и Авраамомъ, и Исаакомъ при готовности перваго принести въ жертву другаго, чрезъ Давида выражена, въ пророчественномъ псалмѣ, съ такою ясностію, живостію и съ такимъ внутреннимъ соучастіемъ въ этихъ страданіяхъ, какъ будто псаломъ и писанъ былъ при подножіи креста Христова. Разнообразные уроки духовной жизни, самымъ дѣломъ исполняемые патріархами, Соломонъ преподаетъ словесно въ *притчахъ*. Равно и состоянія жизни по Богу, внутреннія движенія души, стремящейся къ Богу въ силѣ Святаго Духа, изображены на всегда для церкви—въ *псалмахъ*, писанныхъ Давидомъ и вообще принадлежащихъ наиболѣе вѣку Давида и Соломона. Въ этотъ вѣкъ между псалмами явилась и *пѣснь о Возлюбленномъ* (псал.

XLIV, 1), — лицѣ не только прекраснѣйшемъ между сынами человѣческими, но и явно Божественномъ (ст. 3, 8), находящемся въ союзѣ съ дивною царицею, у которой *вся слава внутри* (10, 14); только въ этой пѣснѣ взаимныя ихъ отношенія обозначены такъ общо, что видѣтъ только ихъ союзъ, безъ раскрытія движеній и выраженій взаимной ихъ любви, а въ этомъ — самое существо дѣла.

Въ послѣдующія времена тайна союза между супругами, какъ образъ союза Христа съ церковію, до того уже затемнилась, что и не представляется въ священной исторіи лицъ, въ которыхъ бы эта тайна, въ своемъ духовно-знаменательномъ значеніи, была свѣтла и съ силою дѣйствительна. У Пророковъ встрѣчаются только изображенія Израиля, какъ возлюбленной некогда Господу дѣвы, сдѣлавшейся въ послѣдствіи блудницею. И такъ эта прекрасная сторона образнаго раскрытія Божественной любви, связующей Господа съ Его церковью, — утратила бы для церкви свою выразительность на будущія времена, если бы въ вѣкѣ Давида и Соломона не была Св. Духомъ обстоятельно раскрыта и упрочена для церкви — въ писмени. И вотъ премудрый Соломонъ и избранъ въ органъ Духа Святаго, для принятія и сообщенія церкви

обстоятельнаго откровенія о соединяющей Господа съ церковію любви, таинственно отображающейся во взаимной между женихомъ и невестою любви и супружескомъ союзѣ. Такимъ образомъ откровеніе „Пѣсни пѣсней“, составляя живое и существенно необходимое звѣно въ золотой цѣпи Божественныхъ писаній, и дано было церкви въ самое благопотребное и благоприятное для того время.

Что касается до личныхъ обстоятельствъ Соломона, въ какихъ онъ написалъ эту таинственную книгу—„Пѣснь пѣсней“, объ этомъ разными сдѣланы разныя догадки. Иные (Теодоритъ) полагаютъ, что еще Давидъ научилъ Соломона этой высокой тайнѣ, которая выражена въ „Пѣсни пѣсней“. Другіе (Иеронимъ и др.) признаютъ эту пѣснь писанною Соломономъ, уже во дни его старости, и именно (это—мнѣніе Іудеевъ) послѣ обращенія его отъ обольщенія идолопоклонства. Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ, напротивъ, относятъ написаніе книги къ юношескому возрасту Соломона и особеннымъ случаемъ къ таинственному откровенію полагаютъ бракъ его (Estius и проч.). Не допуская произвольности, мы можемъ довольствоваться слѣдующимъ соображеніемъ о времени и другихъ обстоятельствахъ написанія этой книги Соломономъ.

Въ ней мысли, чувства, образы самые живые и разнообразные,—рѣчь роскошная и цвѣтистая въ высшей степени. Если, теперь, Духъ Божій извлекаетъ такіе или другіе звуки изъ своего избраннаго органа соотвѣтственно личному настроенію послѣдняго (въ чемъ нельзя сомнѣваться): то, по указаннымъ свойствамъ книги, основательно отнести время ея написанія къ цвѣтущему возрасту Соломона. Этому возрасту соотвѣтствуетъ и самый предметъ книги. Ибо свѣтло и чисто отразить въ образѣ взаимной любви двухъ лицъ разныхъ половъ Божескую любовь, соединяющую Христа съ церковію, — конечно — ближе и свойственнѣе чистой и невинной душѣ юноши, нежели мужу, окруженному столь многими женами и многими идолопоклонницами изъ нихъ, или старцу, горько познавшему суету и ядовитость обольстительныхъ отношеній къ женскому полу; а Божественное откровеніе той или другой тайны обыкновенно дается сообразно съ пріемлемостію того, кому оно дается.

Чтобы не допустить произвола и въ рѣшеніи того, по какому случаю и поводу дано юному Соломону воспѣть таинственную любовь Христа и церкви,—надобно и на этотъ разъ довольствоваться однимъ общимъ соображеніемъ, какое можно сдѣлать на основаніи свойства самаго

предмета Пѣсни, съ одной стороны, и историческихъ свѣденій о Соломонѣ и особенно о его юности,—съ другой.

Мы ужъ видѣли, что союзъ любви мужа и жены, жениха и невесты изъ-начала былъ и еще въ вѣкъ Соломона оставался свѣтлымъ образомъ таинственнаго союза *духовнаго* жениха и *духовной* невесты,—образомъ еще непосредственно и естественно ощутимымъ для человѣка, которому еще мерцалъ эдемскій свѣтъ, дающій видѣть духовное въ чувственномъ, небесное въ земномъ и естественномъ. О Соломонѣ же извѣстно, что, вскорѣ по воцареніи его въ самой ранней юности, — *даде Господь смыслъ и мудрость Соломону многу зѣло... И глагола о дрѣвѣхъ отъ кедра, иже въ Ливанъ, и даже до иссопа, исходящаго изъ стѣны; и глагола о скотѣхъ и о птицахъ* и проч. (3 Цар. IV гл.). Свойственно ли было такому многостороннему мудрецу, Богодвижимому въ своей юношеской любознательности, не углубиться, между прочимъ, и въ тайну Божественной любви, соединяющей самаго Господа съ преданною душою и всею церковію, — тайну, отображающуюся въ брачной любви, воспѣваемую въ его время въ священныхъ пѣснопѣніяхъ (псал. XLIV)? Книга „Пѣсни пѣсней“ даетъ примѣтить,

что и личные обстоятельства Соломона, какъ-то приближеніе или самое заключеніе собственнаго брачнаго союза, могли быть для него, и дѣйствительно были, особеннымъ случаемъ и поводомъ къ такому духовному его настроенію, которое сдѣлало его готовымъ и воспріимчивымъ къ откровенію тайнъ Божественной любви, отсвѣчающихъ въ брачномъ союзѣ. Такъ, есть прямое указаніе въ „Пѣсни пѣсней“ на *день обрученія* или, съ Еврейскаго, самаго бракосочетанія Соломона (III, 11) и на брачный его одръ (7 — 10), также на Соломоново обладаніе виноградникомъ возлюбленной (VIII, 11, 12); видно, Соломонъ, воспѣвая союзъ Божественной любви между Христомъ и церковію, входилъ и самъ, по личнымъ своимъ обстоятельствамъ, въ предощущеніе и (образно, конечно), соучастіе этой небесной любви. Такъ и вообще, открывая пророкамъ и пѣснопѣвцамъ Ветхаго Завета тайны Христовыхъ состояній и дѣйствій, Духъ Святый вводилъ ихъ и въ спасительное (разумѣется предначинательное, не совсемъ отрѣшенное отъ образности ветхозавѣтной) общеніе Христовыхъ состояній и движеній. Этотъ порядокъ или законъ подобныхъ откровеній, по отношенію къ „Пѣсни пѣсней“, тѣмъ болѣе надо намъ имѣть въ виду, что изъ него объясняется мно-

го существенно важнаго въ содержаніи этой Св. книги. Дѣло въ томъ, что Соломону—любителю и обладателю мудрости, насколько онъ Божественнымъ вдохновеніемъ вводимъ былъ въ духъ грядущаго Христа въ союзъ Его съ вѣрующею душею и вообще съ церковію, свойственно было созерцать этотъ союзъ по отношенію особенно къ истинѣ, къ знанію, къ мудрости. Это мы и увидимъ далѣе при обзорѣ содержанія „Пѣсни псней“. Вѣдь Христосъ былъ, для Соломоновой души (выразимся такъ, слѣдуя образу представленія и рѣчи „Пѣсни псней“), женихомъ именно истины и премудрости; духовная по Христу невѣста Соломонова, или невѣста духа Христова въ Соломонѣ, была именно священная любовь къ истинѣ и премудрости. Соответственные этому движенію и представленія и были внушены Св. Духомъ Соломону, по случаю приближенія или самаго заключенія брачнаго его союза. когда свѣжая, цвѣтущая дарами природы и благодати, юность, (даже и естественно возбуждающаяся къ познанію таинъ любви не иначе, какъ съ чистою и непорочностію и даже съ высшею идеальностію), способствовала Соломону возвышаться къ дѣвственно-святому ощущенію и созерцанію, въ образъ земнаго союза любви, небесныхъ таинъ Божественной любви. —

Живый и прекрасный примѣръ подобнаго, только уже согласнаго съ духовнымъ характеромъ Новаго Завѣта, возвышенія непорочною юности къ благодатнымъ видѣніямъ указываетъ святой Григорій Богословъ, въ собственной равней юности: „мнѣ представлялось, — такъ рассказываетъ онъ бывшее ему въ этой юности видѣніе, — что подлѣ меня стоятъ двѣ дѣвы въ бѣлыхъ одеждахъ, обѣ прекрасныя и одинакихъ лѣтъ. . . . Обѣихъ украшалъ прекрасный румянецъ стыдливости. . . . Уста ихъ, заключенныя молчаніемъ, уподоблялись розѣ, лежащей въ окруженныхъ розою чашечкахъ. Увидя ихъ, я очень обрадовался. . . И онѣ полюбили меня за то, что я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нихъ; какъ милаго сына цѣловали онѣ меня своими устами; а на вопросы мои, что онѣ за-женщины и откуда? отвѣчали: одна изъ насъ — чистота, а другая — цѣломудріе; мы предстоимъ Царю Христу“. Восхищеніе къ такому видѣнію, которое, и въ послѣдующій за юностію возрастъ, при одномъ воспоминаніи, воспламеняло Григорія небесною и Божественною любовію, онъ объясняетъ изъ первоначальнаго вліянія святыхъ родителей на свое вѣжное сердце. Но и Соломонъ въ своей юности былъ подѣ подобнымъ же вліяніемъ своего великаго отца (Да-

вида) и другихъ пророковъ, горѣлъ любовію къ Богу и съ дѣтства былъ возлюбленъ Богомъ (2 Цар. XII, 24, 25), въ откровеніяхъ свыше отмѣченъ свѣтлою печатію образа Христова и осѣняемъ Духомъ Божиимъ (1 Пар. XXII, 8—12). Такая юность Соломона въ тѣхъ обстоятельствахъ его жизни, когда онъ уже разцвѣталъ до способности къ брачной любви, была, при чувственно-образномъ характерѣ возрѣній ветхозавѣтной вѣры, очевидно самою прекрасною и удобною почвою къ тому, чтобы на ней пропзросъ такой дивный цвѣтъ видѣній Божественной любви, какъ „Пѣснь пѣсней“ или, по Сирскому переводу: „Премудрость премудростей“. И вотъ Духъ Божественной любви и выѣстъ премудрости исполнилъ и воодушевилъ юнаго Соломона, и онъ воспѣлъ тайну небесной, соединяющей Господа съ церковію, любви, живописуя послѣдовательное и постепенное раскрытіе ея красками брачной любви—съ удивительнѣйшимъ изяществомъ и совершенствомъ.

Само собою разумѣется, что воспѣтая Соломономъ тайна Христовой благодати, раскрытіе которой совершилось уже въ Новомъ Завѣтѣ, не могла быть вполне ясна и понятна для ветхозавѣтной вѣры, даже и для самого Соломона, какъ ни живо ощущалъ и созерцалъ онъ

эту тайну образно. По свидѣтельству слова Божія о ветхозавѣтныхъ провозвѣстникахъ благодати, „имъ открыто было, что не имъ самимъ, а намъ служило то,“ на что „указывалъ сущій въ нихъ Духъ Христовъ“ (1 Петр. I, 10 — 12). Намъ предоставлено входить своею мыслию и чувствомъ въры — и въ свѣтъ и силу „Пѣсни пѣсней“, разъясняя истину въ самомъ ея спасительномъ еуществѣ.

Главная мысль „Пѣсни пѣсней“; образъ раскрытія этой мысли; обзоръ содержанія книги по отдѣламъ.

Обстоятельства происхожденія „Пѣсни пѣсней“, раскрытыя главнымъ образомъ изъ ней же самой, служатъ взаимно къ выясненію ея содержания и внутренняго характера. Любознательнѣйшему и мудрѣйшему изъ Царей открыта тайна Божественной любви, связующей Христа съ церковію и всякою вѣрующею душою, не въ общихъ чертахъ и не съ одной какой-либо стороны, но многосторонне и глубоко. Юному Соломону дано въ силѣ Святаго Духа ощутить и изобразить въ образѣ двухъ любящихся, какъ Христосъ свою церковь и всякую вѣрующую душу, внутренно и тайно уже соединенную съ Нимъ, ведетъ къ рѣшительному и

торжественному соединенію съ Собою, какъ Онъ для этого испытаніями и утѣшеніями укрѣпляетъ и воспламеняетъ, любовь ея къ Себѣ,—какъ возлюбленная Его, наслаждаясь уже Его Божественною любовью, стремится къ совершенному успокоенію въ ней, вездѣ ищетъ Его, у всѣхъ спрашиваетъ, торжествуетъ надъ всѣми препятствіями и сторонними увлеченіями, пока наконецъ любовь ея возрастетъ до безконечной силы и совершенства и Христосъ открыто и навсегда соединяется съ нею. Все это, какъ увидимъ, раскрывается въ „Пѣсни пѣсней“ по отношенію, главнымъ образомъ, къ истинѣ и премудрости, всѣ сокровища которыхъ содержатся во Христѣ и къ которымъ всею полнотою своей любви стремится Христова невѣста.

Такъ какъ раскрыть все это надлежало по Божественному внушенію въ образѣ брачнаго союза двухъ любящихся, взятаго только въ одномъ духѣ своемъ, а не во внѣшней исторической дѣйствительности: то Боговдохновенному пѣвцу можно было свободно располагать этимъ образомъ и слѣдовательно видоизмѣнять его такъ, какъ только нужно для точнѣйшаго изображенія Божественной любви. Отсюда произошла та характеристическая особенность „Пѣсни

пѣсней“, что здѣсь лица, отношенія ихъ и вообще дѣйствія, хотя представляются въ нашемъ земномъ порядкѣ вещей, но не подлежатъ условіямъ нашей земной дѣйствительности; напротивъ все здѣсь идетъ по духовному закону небесной любви, явленія и дѣйствія зависятъ здѣсь отъ одной мысли и чувства, время не замедляетъ и пространство не преграждаетъ хода ихъ. Не имѣя этого въ виду, на каждой страницѣ въ книгѣ нашли бы мы много несообразностей и противорѣчій, — много неестественнаго (какъ то уже былъ случай замѣтить выше). На самомъ дѣлѣ — здѣсь видоизмѣненія духовной — благодатной жизни изображены, хотя подъ видами земнаго, — но такія и такъ, какія и какъ они должны быть и бываютъ по порядку духа. Душа въ благодатныхъ состояніяхъ, и дѣйствуетъ и поконится вмѣстѣ; томится, когда скрывается отъ неяблагодать, — въ томленіи ищетъ и не находитъ Христа, и вдругъ ощущаетъ себя внутренно соединенною съ Нимъ; услышитъ Его голосъ, ощутитъ Его дѣйствія, и вотъ сейчасъ же находитъ себя въ разлученіи съ Нимъ, среди непріязни враговъ и проч. Все это мы и увидимъ изъ обстоятельнаго обзора содержанія этой книги.

Чтобы выразить, какъ церковь стремится ко Христу и Христосъ ведетъ ее къ совершенному соединенію съ собою, требовалось показать взаимнодѣйствіе ихъ въ образѣ двухъ любящихся; а такое взаимнодѣйствіе выразить наглядно и вмѣстѣ духовно нельзя лучше, какъ именно чрезъ собесѣдованіе любящихся. Изъ этого объясняется другая особенность „Пѣсни пѣсней“, что она состоитъ наиболѣе изъ бесѣдъ таинственныхъ жениха и невесты и составлена, такъ сказать, духовно драмматически.

Такъ какъ задача „Пѣсни пѣсней“: изобразить возведеніе церкви къ совершенному успокоенію въ любви Господа и соединенію съ Нимъ: то священный пѣвецъ наглядно ближе и постоянноѣ видитъ предъ собою и слышитъ эту невесту Христову или жену Агичу, нежели самого Христа,—слѣдитъ наиболѣе за ея внутренними и внѣшними дѣйствіями и раскрываетъ собственно ея судьбу. Но, съ другой стороны, такъ какъ Божественный женихъ самъ ведетъ ее къ союзу съ Собою, намѣренно поставляя ее въ разныя испытательныя состоянія, — являясь къ ней и во время бодрствованія ея и соннаго покоя и притомъ по одной ея мысли и желанію, — и одинъ составляя жизнь ея сердца: то чрезъ это въ „Пѣсни пѣсней“ становится также

постоянно ощущаемымъ присутствіе Его, — не только когда Онъ бесѣдуетъ съ своею возлюбленною, но и когда послѣдняя тоскуетъ о Немъ или тщетно ищетъ Его, — присутствіе невидимое и Божественно-дѣйствешное. Въ томъ и другомъ состоятъ новыя характеристическія черты „Пѣсни пѣсней“.

Наконецъ сообразно тому, что духовная тайна Божественнаго союза между Господомъ и церковію открыта въ „Пѣсни пѣсней“ въ образѣ естественныхъ расположеній и отношеній, принадлежащихъ брачному союзу, все здѣсь живописуется образами, взятыми изъ области природы и жизни здѣшней. Такой характеръ представленія и изображенія предметовъ объясняется изъ того райскаго взгляда на предметы природы и вообще нашего міра, по которому во всемъ видимомъ ощущается осуществленная въ немъ мысль зиждительнаго Слова Отца и осѣняющая благодать Животворящаго Его Духа. Съ такимъ возрѣніемъ человекъ, наслаждаясь, напримѣръ, свѣтомъ солнечнымъ, чрезъ это и духовно просвѣщается; — вкушая пищу и питіе, принимаетъ и бессмертную пищу и питіе любви Бога Слова, осуществившей вкушаемое, и благодати осѣняющаго это Духа Святаго (*). Для такого возрѣнія

(*) Поэтому, чувственный свѣтъ, напр., свѣтъ, ду-

все живое, прекрасное и благоухающее въ природѣ даетъ ощущать и разумѣть въ себѣ духовную жизненность, красоту и благоуханіе осуществленныхъ во всемъ этомъ Творческихъ мыслей или раскрытія во всемъ томъ Творческой любви. Сколько церковь, или въ частности та или другая душа, при дѣйствіи въ ней Духа Божія, успѣваетъ своею мыслию и сердцемъ усвоить себѣ такую жизненность, красоту и благоуханіе, столько она духовно и облекается въ это чудное убранство и красоту всего живаго, прекраснаго и благоухающаго въ природѣ, а въ отношеніи къ самому Господу всё подобное составляетъ, въ своемъ основаніи и сущности, собственную Его лѣпоту. Въ этомъ состоитъ существенное характеристическое свойство „Пѣснъ пѣсней“, которое необходимо имѣть въ виду при обзорѣ таинственнаго содержанія этой книги.

Обозрѣвая содержаніе „Пѣснъ пѣсней“, можемъ различить въ немъ четыре главные отдѣла, изъ которыхъ каждый выражаетъ особое состояніе или движеніе любви цевѣсты Христовой, вызы-

ховно берется въ смыслъ просвѣщенія, вещество пиція— въ смыслъ способовъ освѣженія умственнаго и нравственнаго и такъ далѣе.

вающее и со стороны Божественнаго Жениха также особыя изъявленія или дѣйствія любви; хотя, кромѣ того, въ каждомъ изъ этихъ четырехъ отдѣловъ, раскрываются и общіе всѣмъ имъ духъ и настроеніе взаимной между Христомъ и Его сестрою—невѣстою Божественной любви. Въ первомъ отдѣлѣ (I и II гл.) стремленіе Христовой невѣсты къ своему небесному Жениху высказывается въ мольбахъ ея къ Нему, чтобы, въ стѣспенномъ ея положеніи при строгихъ къ ней братьяхъ, Онъ самъ взыскалъ ее Своею всесладостною любовію и указалъ ей путь къ Нему, а со стороны Его возвѣщается о прошествіи зимы и о наступленіи благодатной весны, насладиться которою она и призывается, призывая и Его взаимно къ себѣ. Во второмъ отдѣлѣ (гл. III и IV по 1 ст. V гл.) таинственная невѣста уже сама сильно ищетъ Божественнаго своего Жениха, а съ Его стороны уже всё готово для брачнаго союза съ нею, для наслажденія ея красотою и любовію, съ сорадованіемъ о томъ Его друзей. Въ третьемъ отдѣлѣ (со 2 ст. V гл. до 10 ст. VI гл.) невѣста, ища своего Жениха, проходитъ тяжелое испытаніе опасностей, оскорбленій и даже побоевъ съ сохраненіемъ и раскрытіемъ дивной любви и вѣрности къ своему Божественному Другу; за

то съ Его стороны она получаетъ значеніе единственной Его избранницы, всѣмъ ублажаемой. Въ четвертомъ отдѣлѣ (съ 11 ст. VI гл. до конца книги) невѣста встрѣчаетъ другое противоположное предыдущему испытаніе, именно льстивое испытаніе чужихъ восторженныхъ похвалъ ея красотѣ и достоинству, выражая по этому поводу только стремленіе, со всѣмъ своимъ, всецѣло и открыто принадлежать одному своему Возлюбленному; за то Онъ съ Своей стороны даетъ ей идти объ руку съ Нимъ или опираясь на Него, при чемъ она уже ощущаетъ въ любви своей къ Нему «пламень Божій» и сама сознаетъ всю высоту и драгоцѣнность предъ Возлюбленнымъ этого своего сокровища, съ достоинствомъ устранивъ опеку своихъ братьевъ надъ духовною ея самостоятельностью и всецѣло Ему отдаваясь. Общее всѣмъ этимъ отдѣламъ есть то, что въ каждомъ изъ нихъ поставляется на видъ внутреннее единеніе между Возлюбленнымъ и Его невѣстою или, что, по ея словамъ, Онъ принадлежитъ ей и она Ему, и это единеніе не подчиняется условіямъ пространства и времени. — Прослѣдимъ же такое содержаніе „Пѣснь пѣсней“ по ея отдѣламъ. Не будемъ входить въ изъясненіе всѣхъ подробностей содержанія, которое увлекло бы насъ далеко за

предположенную нами цѣль. Мы станемъ слѣдить, по отдѣламъ кнѣги, только самое существенное и наиболѣе служащее къ раскрытію того, что *радость Господня*, радость любви къ Нему, радость о Его любви къ намъ, есть истинно *сила наша*, для дѣла нашего духовнаго обновленія по уму и сердцу и всей жизни, соотвѣтственно духовнымъ пуждамъ нашего времени.

Сначала невѣста Христова выражаетъ живѣйшее стремленіе къ своему Возлюбленному и восхищеніе Имъ (I, 1—3), смиренно сознавая притомъ свою черноту отъ зноя солнечнаго, не отнимающую впрочемъ у ней красоты, и покаянно чувствуя, что она не устерегла ввѣреннаго ей строгими братьями виногради́ка (4—5). Въ такомъ стѣсненномъ положеніи молить она своего Божественнаго Жениха указать ей, гдѣ найти Его, чтобы не быть въ удаленіи отъ Него (6); Онъ, указавъ ей путь къ Себѣ (7), обѣщаетъ украсить ее изящнымъ убранствомъ (8—10); и послѣ взаимныхъ изліяній любви (11—16. II, 3) невѣста, находясь подъ знаменемъ любви своего небеснаго Друга и сама изнемогая отъ любви къ Нему, успокоивается подъ Его

охраненіемъ (4—6). И вотъ слышитъ отъ Него, во время покоя, радостную вѣсть о прошествіи зимы и наступленіи весны, съ призываніемъ ея вмѣстѣ съ Нимъ насладиться оживленіемъ всего въ природѣ,—отвѣчаетъ на это заботливостію о цѣлости цвѣтущихъ виноградниковъ и при всемъ ощущеніи, что она принадлежитъ своему Другу и обладаетъ Имъ, молятъ Его придти къ ней чрезъ раздѣляющія ихъ горы (9—17).

Къ выясненію существеннаго и главнаго въ этомъ начальномъ отдѣлѣ книги служитъ то состояніе или положеніе, изъ котораго таинственная невѣста устремляется къ своему небесному Жениху и Имъ приглашается насладиться благодатною весною. Судя по этому, и всѣ ласки и изліянія взаимной между ними Божественной любви выяснятся въ своемъ выраженіи и значеніи.

Состояніе свое невѣста сама такъ изображаетъ „я черна.... азъ есмь очернена, яко опали мя солнце; сыны матери моей прогнѣвались на меня, поставили меня стеречь виноградники, я не устерегла своего виноградника, какой былъ у меня.... къ чему мнѣ быть какъ бы скитающеюся (*) у стадъ друзей твоихъ“? Касательно такого

(*) Переводъ этого слова согласенъ съ Вульгатою и съ Лютеровымъ переводомъ съ подлинника. Переводъ 70

первоначальнаго состоянія невесты прежде всего замѣтимъ, что оно совсѣмъ противоположно тому состоянію, въ которомъ она является къ концу книги. Тамъ она является уже *убѣленной* (*) и опирающеюся на самаго своего Друга, а не очерненной отъ солнечнаго зноя и скитающеюся въ стѣснительномъ положеніи у стадъ друзей Возлюбленнаго (VIII, 5); она говоритъ съ братьями своими уже съ особеннымъ достоинствомъ, какъ сберегшая свой виноградникъ: «я стѣна и сосцы мои какъ башни.... Виноградникъ мой, какой есть у меня, предо мною» (10 и 12). Ясно, что первоначальное состояніе невесты, сравнительно съ окончательнымъ, есть состояніе духовнаго уничиженія и стѣсненія, недостаточества и притомъ еще какой-то небережности, какого-то отдаленія отъ Возлюбленнаго при самомъ единеніи съ Нимъ. Что это за состояніе? Не сказать ли, что невеста первоначально была очернена грѣхомъ, опазена зноемъ

толковниковъ даетъ мысль объ „обложеніи кругомъ“ или о стѣсненіи со всѣхъ сторонъ.

(*) Это по переводу 70 толковниковъ и нашему славянскому. Въ пынѣшнемъ Еврейскомъ читается: „идушая изъ пустыни“; но и въ этомъ чтеніи видна мысль о пребываніи прежде въ пустыни,—мысль близкая къ представленію очерненія отъ зноя солнечнаго.

страстей, и именно потому подлежить строгому присмотру и стѣсненію? Но на такомъ слишкомъ общемъ объясненіи не позволяетъ намъ остановиться то, что возлюбленная, и при очерненіи своемъ, живо сознаетъ свою красоту: «я черна, «но красива..... какъ скиини Соломоновы; не «смотрите на меня, что я черна; что опалило «меня солнце» (I, 5, 6); притомъ она одушевлена пламенною любовію къ своему небесному Другу и, порываясь къ Нему, о стѣснительной строгости съ нею братьевъ говоритъ, примѣтно, болѣе съ жалобою и недовольствомъ, нежели съ сознаніемъ ихъ справедливости (6 и 7). Итакъ надо внимательнѣе всмотрѣться въ начальное состояніе возлюбленной и точнѣе опредѣлить его.

Невѣста объясняетъ свою черноту тѣмъ, что опалило ее или взглянуло на нее солнце. Солнце, выражая и осуществляя въ себѣ Творческую мысль объ освѣщеніи земли, производящемъ на ней день, при усвоеніи этой мысли нашему духу или, при перенесеніи ея изъ физической области въ духовно-нравственную, выразительно указываетъ на просвѣщеніе нашего духа, выясняющее для него всякіе предметы и чрезъ это производящее умственный день. И дѣйствительно, когда Божественный Женихъ въ „Пѣсни пѣсней“ называется именемъ Соломона (III, 7, 11), пламен-

наго любителя и любимца мудрости; то видно (и мы поставляли это на видъ при объясненіи самаго происхожденія книги), что Онъ является въ „Пѣсни пѣсней“, главнымъ образомъ, въ качествѣ своей Премудрости, въ качествѣ свѣта, просвѣщающаго всякаго человѣка. Потому понятно, что и невѣста любитъ своего небеснаго Друга особенно въ этомъ свѣтоносномъ Его качествѣ, почему и въ ея имени (Суламиты) слышится отзвукъ имени мудрѣйшаго изъ царей (VII, 1). Отсюда и можетъ быть достаточно выяснено то состояніе возлюбленной, въ какомъ она является съ первоначальными порывами своими къ Возлюбленному. Она усиленно домогается свѣта истины, стремится овладѣть мудростію, которая выяснила бы ей міръ и жизнь, бытіе и его основанія: вотъ чѣмъ проникнута и чему особенно обрекла или посвятила себя неизмѣнная ея любовь къ Божественному Жениху,—вотъ чѣмъ особенно ищетъ она насладиться въ полнотѣ Его благодати и истины.

Но въ этомъ обращеніи и устремленіи къ солнечному свѣту неизбежно быть и подъ вліяніемъ солнечнаго зноя, зноя тяжелыхъ недоумѣній о многомъ, нетерпѣливыхъ и неудовлетворяемыхъ порывовъ овладѣть сущностію вещей,

спѣдающей тоски по истинѣ (*). И вотъ невѣста Христова очерняется, не теряя однако своей красоты, состоящей главнымъ образомъ въ пламенѣющей любви и стремленіи къ истинѣ, а истина — самъ Христосъ: „Я черна, но красива.... какъ скнїи Соломоновы“. Ревнующіе о ея достоинствѣ и чести, братья ея — по благодати хотѣли бы одного, чтобы невѣста Христова тщательно и просто стерегла тотъ благодатный виноградникъ, въ которомъ виноградная лоза есть самъ Христосъ, а мы — вѣтви этой лозы, т. е. чтобы она хранила благочестіе и безусловную вѣру въ Господа; но, къ неудовольствію этихъ ревнителей благочестія, слишкомъ общо разумѣющихъ въ Господѣ качество истины, она увлекается любознаниемъ и любопытаніемъ именно истины, и можетъ подвергнуться опасности не

(*) Могутъ притомъ быть, да и въ самомъ Божествѣ, откровеніи указываются особенныя времена или обстоятельства времени, когда самому *солнцу* просвѣщеніа дано *опалати челоѣки ошамъ*, вмѣсто разлитія жгивительнаго свѣта (Апок. XVI, 8). См. ниже обзорѣіе Апокалипсиса. Само собою впрочемъ разумѣется, что любопытательное стремленіе къ истинѣ можетъ войти въ характеръ невѣсты Христовой не иначе, какъ подъ условіемъ ея живой, твердой и самоотверженной вѣры въ истину, которая — Христосъ.

устеречь своего виноградника въ отношеніи къ спокойной простотѣ вѣры или, пожалуй, окажетъ готовность вмѣнить себѣ самой подобныя недостатки вѣры въ другихъ любителяхъ знанія. Такъ объясняются слѣдующія слова невесты о своемъ состояніи: „сыны матери моей (мать у невесты Христовой — вѣрующей души или всей церкви — есть благодать, которой сыны и служители здѣсь и разумѣются) сыны матери моей прогнѣвались на меня, поставили меня стеречь виноградники, я не устерегла виноградника моего. Отсюда неизбежно должно произойти и это стѣснительное положеніе или скитальчество Христовой невесты съ ея любознательными порывами, съ ея слишкомъ пытливымъ стадомъ, около водящихся простою вѣрою стадъ пастырей: къ чему мнѣ быть какъ бы скитающеюся при стадахъ друзей твоихъ“? Такимъ образомъ духъ Христовъ, и именно духъ Христовой всеобъемлющей мудрости и истины, одушевивъ Соломона, далъ ему прозрѣть такое состояніе Христовой возлюбленной невесты, или вѣрующей души и цѣлой церкви (*), насколько та или другая стали бы

(*) Такое состояніе церкви можетъ принадлежать времени возбужденія умовъ и вообще духа общественнаго къ особенной отчетливости и самостоятельности духовной

входить именно въ настроеніе неудержимой любознательности, живаго стремленія къ отчетливому и точному разумѣнію истины, къ достиженію многосторонней и, по возможности, всеобъемлющей мудрости. Это и есть состояніе нѣкотораго очерненія или духовнаго загара отъ самаго вліянія любопытательнаго знанія, какъ бы отъ солнечнаго зноя, — очерненія, впрочемъ, не чуждаго для имѣющихъ очи видѣти дивной красоты; — состояніе подъ негодованіемъ ревнителей благочестія и вѣры за небрегающую, повидимому, самую вѣрою любовь къ знанію и его поборникамъ; — состояніе стѣснительное и скитальческое сравнительно съ спокойными движеніями простой вѣры по духовнымъ пажитямъ. Тяжело это состояніе для Христовой невесты, стремящейся пріобрѣсти собственно самаго Христа, какъ всеобъемлющую истину и премудрость, — не стѣсняющую, а удовлетворяющую всѣ потребности не рабской, а нехристиански-свободной любознательности. Но радость пламенной любви къ Божественному Жениху истины и премудрости, радость и о Его безконечной любви къ невестѣ — любомудрія и истины, эта радость Гос-

Таково во многихъ отношеніяхъ наше время, которое, примѣтно, приготовляетъ подобный характеръ еще болѣе для будущаго.

подня является слою, поднимающею Христову невесту изъ тяжелаго ея состоянія и открывающею выходъ для нея изъ этого тяжелаго состоянія въ ожидающее ее впереди совершенно противоположное состояніе. Смотрите теперь, какое прекрасное глубоко-знаменательное выраженіе и значеніе получаютъ взаимныя измѣненія Божественной любви, соединяющей ихъ обоихъ, — жениха истины и невесту истиннаго знанія.

„О если бы Онъ лобзалъ меня лобзаніями устъ Своихъ“, — говоритъ невеста Христа Бога Слова всеизждительнаго и всесодержительнаго, стремясь насладиться Его любовію, по которой Онъ полноту всего истиннаго и добраго открываетъ въ Себѣ, а также на Себя же беретъ и всю тяжесть всякаго грѣховнаго невѣжества и заблужденія человѣческаго. И вотъ она во внутреннемъ общеніи этой царственной Его благодати, оживляющей и веселящей сердце, дѣйствительно, лучше всякаго вина, уже не чувствуетъ тяжести своего состоянія, а только наслаждается благоуханіемъ Св. Духа, Духа истины, которое открыто въ лицѣ Христовомъ и потому разлито въ самомъ Его имени, одушевляя и увлекая любовію къ Нему всѣ непорочныя предъ истинною и правдолюбивыя души, общія Христовой невестѣ:

Такъ, ласки любви Твоей лучше вина;
 Масти Твои пріятны для обоняній;
 Муро разлитое — имя Твое.
 Потому дѣвы любятъ Тебя.
 Влеку меня; мы побѣдимъ за Тобою;
 Царь вселъ меня во внутренніе покои Свои,
 Тобою мы восхищаемся и радуемся,
 Вспоминаемъ ласки любви Твоей, которыя лучше
 вина.

По справедливости любятъ тебя.

И только ужъ теперь невѣста Христова, невѣста мудрости и истины, обращаетъ вниманіе своихъ соучастницъ на свое тяжелое состояніе, съ бодрымъ однако сознаніемъ своего достоинства и съ трогательною, впрочемъ вовсе не взыскательною, жалобою на негодующее безучастье къ ней братьевъ ея по благодати, односторонне ревнующихъ противъ допускаемой ею иѣкоторой какъ бы небрежности сравнительно съ простотою вѣры другихъ:

Дщерь Іерусалима!
 Я черна, но красива;
 Какъ шатры Кидарскіе,
 Какъ скинии Соломоновы.
 Не смотрите на меня, что я черна,
 Что опалило меня солнце.
 Сыны матери моей прогнѣвались на меня;

Поставили меня стеречь виноградники, —

Я не устерегла своего виноградника, какой былъ
у меня.

Она въ этомъ тяжоломъ затрудненіи прибѣ-
гаетъ къ своему Возлюбленному съ любовію,
чтобы Онъ самъ раскрылъ предъ нею путь къ
полдпевному или полному Своему свѣту, въ ко-
торомъ Онъ, чрезъ разъясненіе всего Своею
истиною, успокоиваетъ Своихъ овецъ отъ вся-
кихъ недоразумѣній и заблужденій, и чтобы Онъ
не оставлялъ ея въ скитальческомъ удаленіи
отъ Себя, въ стѣсненіи со всѣхъ сторонъ, —
около стадъ, водимыхъ въ строгой простотѣ вѣры
своими руководителями:

„О Ты, котораго любить душа моя, возвѣсти мнѣ,
Гдѣ Ты пасешь, гдѣ успокоиваешь своихъ овецъ
въ полдень,
Къ чему мнѣ быть какъ бы скитающейся у стадъ
друзей твоихъ“?

Но такое раздѣленіе между стадами друзей
Возлюбленнаго и невѣстою Его, очевидно, такъ
сказать, не нормально и даже не логично: невѣ-
стѣ Христовой неприлично скитальчество у стадъ
друзей своего небеснаго Жениха, если разумѣть
подъ невѣстою даже только вѣрную Христу ду-
шу, а тѣмъ болѣе вообще церковь. Могутъ не-

вѣсту Христову несправедливо или по недоразумѣнію упрекать, стѣснять или унижать другіе: по ей самой представлять себя только скитающеюся у стадъ Христовыхъ друзей значило бы не знать своего достоинства, „не знать себя самой“. Равнымъ образомъ не вѣсть истины и мудрости не знать, гдѣ найти своего Возлюбленнаго Жениха, значитъ также „не знать себя самой,“ собственнаго своего значенія: потому что она и живетъ только Божественнымъ Женихомъ мудрости и истины. И вотъ Господь кротко даетъ понять Своей возлюбленной, что она дѣйствительно еще *не знаетъ себя самой*. И на глубокую ея тоску по Немъ въ этомъ затруднительномъ скитальчествѣ, какое она приписываетъ себѣ, объясняетъ ей, что и для ней, сгарающей стремленіемъ узнать въ Немъ полную и всеобщую истину, путь къ Нему одинъ, общій со всѣми Его овцами; этотъ путь — знать и слушать собственный Его голосъ, и, бѣгая отъ чужихъ, слѣдовать за Нимъ, своимъ единымъ пастыремъ (Іоан. X, 4, 5, 27), Который самъ же носитъ Своихъ овецъ и чрезъ благодатныхъ соучастниковъ Своего пастырства. Если любители мудрости и истины перестали бы слушать пастырскаго Его голоса, то они изъ овецъ превращались бы въ козлятъ; а если не вѣста Хри-

стова, водясь духомъ своего Жениха, полагающаго собственную душу за овецъ, дѣлающихся тоже изъ духовныхъ козлятъ, не оставляетъ и подобныхъ козлятъ, то пусть направляетъ ихъ къ дознанію и присвоенію истины и премудрости Божественнаго Его пастырства, собирающаго своихъ овецъ (*) не только въ духовномъ дворѣ Божіа издревле народа, но и въ другомъ дворѣ изъ языковъ еллинскаго и варварскаго духа.... Все это такъ выражено Возлюбленнымъ Его невѣстѣ:

„Если ты не знаешь самой себя, прекраснѣйшая изъ
женщинъ,

То иди слѣдами овецъ

И паси козлятъ своихъ подлѣ дворовъ пастушескихъ“.

Дальнѣйшія взаимныя между Божественнымъ Женихомъ и Его невѣстою изліяніи любви понимать до тонкости — предоставимъ испытавшимъ со Св. Макаріемъ египетскимъ такіа благодатныя состоянія, въ которыхъ душа радуется и наслаждается въ Господѣ, какъ бы невѣста съ женихомъ и, по участію въ Его любви, хотѣла бы

(*) Какъ уже было особенно въ началѣ христіанства и какъ можетъ духовно совершаться и нынѣ и впоследствии.

всѣхъ внутренно обнять, не различая добрыхъ отъ злыхъ и заблуждающихъ. Только выскажемъ слѣдующія общія мысли: Когда Божественный Женихъ обѣщаетъ украсить свою невѣсту изящными убранствами, то это значитъ тотъ избытокъ Его любви и благодати, что Онъ, облакая возлюбленную во внутреннее убранство Своего мудрствованія и совершенства, даетъ раскрывать духъ и силу этого облаченія изнутри даже до вѣшнихъ одеждъ и украшеній, — такъ, облакая во Христа въ крещеніи, благодать выражаетъ это и вѣшнымъ одѣяніемъ повокрещеннаго. Когда же невѣста или самъ Женихъ изображаются красками и названіями, взятыми съ предметовъ природы, то это значитъ, что благодатию дается невѣстѣ Христовой усвоить себѣ и разрѣшать въ своемъ внутреннемъ мірѣ духъ и силу Творческой любви, запечатлѣвающей самую природу, и что первообразъ и основаніе всего жизненнаго и прекраснаго въ природѣ есть самъ Богъ Слово Христосъ. Когда говорится о витаніи любящихся среди красотъ природы, и о вкушеніи невѣстою садовыхъ плодовъ, то это совершается духовно чрезъ уразумѣніе и усвоеніе невѣстою Христовою таинъ всеобъемлющей благодати Божественнаго Жениха и творческихъ Его мыслей, осуществленныхъ въ самой при-

родѣ. Выразительно обозначается это послѣднее въ слѣдующихъ словахъ невесты:

*Подѣ снѣ (тѣнь) Ею восхотѣхъ и съдохъ,
И плодѣ Ею сладокъ въ утробѣ моему.
Подкрѣпите меня пастисюю,
Освѣжите меня яблоками;
Ибо я изнемогаю отъ любви.*

Изнеможеніе отъ любви ко Христу, въ благодатномъ состояніи невесты, имѣетъ основаніемъ и первообразомъ своимъ изнеможеніе самаго Христа до смерти отъ любви къ своей невестѣ — душѣ человѣческой и всей церкви. Сообщаясь и сообразуясь съ этою любовію Божественнаго своего Жениха, невеста ощущаетъ и сознаетъ осѣненіе всего въ мірѣ и самой природѣ духомъ и силою этой любви, все истинно-жизненное и доброе источающей міру изъ себя и бремя смертельнаго мірскаго зла вынесшей на себѣ же; а потому она сознаетъ и чувствуетъ, что и всѣ сокровища премудрости и знанія сокрыты именно въ ея Возлюбленномъ (Колос. II, 3). И вотъ невеста Христова своими воззрѣніями и дѣйствіями стремится глубже и глубже соучаствовать и соотвѣтствовать такой любви своего Жениха и Господа, усиливаясь болѣе и болѣе исполняться даже и въ тѣлѣ, а

не въ одной душѣ, полнотою духа и силы Христовыхъ страданій, и однако ощущаетъ въ этомъ отношеніи все только недостатокъ въ себѣ (Кол. I, 24). Таково изнеможеніе невесты отъ любви! Само собою разумѣется, что изнеможеніе отъ любви, какъ ни было бы болѣзненно, должно быть и сладостнымъ, успокоительнымъ. Это сейчасъ же и высказываетъ невеста Возлюбленнаго въ чрезвычайно-выразительномъ и значительномъ образѣ:

„Лѣвая рука Его у меня подъ головою,
А десница Его обнимаетъ меня“.

Взявши на Себя все, что должно бы поставить насъ ошуюю Христа на судѣ, Господь этою стороною Своего дѣла — этою лѣвою своею рукою и поддерживаеъ голову успокоивающейся въ Его любви невесты, устраняя отъ нея все жестокое и тяжелое для нея. Открывая же въ Себѣ людямъ всю полноту Своего Божества и въ немъ все, что только есть истиннаго, святаго, праваго, этою стороною Своей благодати — этою правою Своею рукою обнимаетъ Свою невесту, — именно окружая пріемлющую такую благодать душу и всю церковь всѣмъ успокоительнымъ и утѣшительнымъ. И такимъ успокое-

ніемъ въ Себѣ даетъ Онъ Своей невѣстѣ наслаждаться, сколько ей самой угодно....

Не будите и не тревожьте возлюбленную, доколе
восхощетъ.

Но это успокоеніе, по видимому сонное, есть не безсознательное, не бездѣйственное. „Я спала, говоритъ невѣста Христова въ одномъ изъ нижеслѣдующихъ отдѣловъ, я спала, но сердце мое бодрствовало. Голосъ Возлюбленнаго! (V, 2)“. Такъ видно и теперь, когда она успокоивалась въ любви своего Божественнаго Друга, сердце ея бодрствовало любовію и вниманіемъ къ Нему. Вотъ что она говоритъ далѣе:

„Голосъ Возлюбленнаго моего! Вотъ Онъ идетъ, скачетъ по горамъ, прыгаетъ по холмамъ.

Возлюбленный похожъ на серну или на молодого оленя. Вотъ онъ стоитъ за стѣною нашею, выглядываетъ изъ оконъ, мелькаетъ сквозь рѣшотки“.

Такъ невѣста всеобъемлющей истины и премудрости слышитъ или видитъ своего Жениха и въ предметахъ природы, въ которой все жизненное имѣетъ Его своимъ первообразомъ и основаніемъ, и въ построеніяхъ человѣческихъ, въ которыхъ лучшее отъ Него же, а худшее отяготѣло на Немъ,—и даже въ самыхъ обык-

повенныхъ принадлежностяхъ человѣческаго быта, которыми въ своемъ вочеловѣченіи пользовался Господь и которыя потому отсвѣчиваютъ уже благодатнымъ значеніемъ. Но послушаемъ, что именно невѣста слышитъ въ голосъ своего Возлюбленнаго:

„Возлюбленный мой подаетъ голосъ и говоритъ:
 Встань подруга моя, прекрасная моя, и приди!
 Ибо вотъ зима прошла, дождь миновалъ и прошелъ;
 На землѣ показались цвѣты, время пѣнія наступило,
 И голосъ горлицы слышенъ въ нашей землѣ.
 Смоковница наполнила сокомъ свои ягоды,
 И виноградники, разцвѣтая, издають благовоніе.
 Встань подруга моя, прекрасная моя и приди,
 Голубица моя, сидящая въ ущеліи скалы подъ кровомъ утеса!
 Дай мнѣ увидѣть лице твое, дай мнѣ услышать голосъ твой;
 Ибо голосъ твой пріятенъ и лице твое прекрасно“.

Зима, останавливающая жизненность въ природѣ, по отношенію къ невѣстѣ мудрости и истины выразительно указываетъ собою на такое время, или даже рядъ времени, когда жизненность мудрости, стремящейся владѣть истинною, и даже самой истины, раскрывающей въ себѣ тайну всего, парализуется или обезспливается мертвящими направленіями. Таковы, на примѣръ, тѣ направленія, изъ которыхъ одно не доводитъ

дѣло мудрости и воззрѣніе на истину до Христа—
Бога Слова во плоти, основанія всяческихъ
и по нормальному состоянію всего, и для на-
стоящаго разстроеннаго состоянія міра; а другое,
и ревнуя за Христа, не входитъ въ самую
силу и духъ Христова спусхожденія въ міръ, и
даже до смерти и ада, также и восшествія съ
человѣчествомъ, воспріятымъ ради человѣковъ,
до сѣдѣнія одесную Отца, тогда какъ въ этомъ
духъ и силѣ и раскрывается Христово вседер-
жавіе, объемлющее и «наполняющее все» (Еф.
I, 23). Прошествіе зимы подобныхъ направленій,
останавливающихъ жизненность и дѣятельность
истины, обращающихъ мудрость или въ идоло-
поклонство своего рода противное и враждебное
истинной вѣрѣ, или въ предметъ порицанія, и
чуть не отрицанія во имя вѣры, было бы насту-
пленіемъ прекрасной и живительной благодатной
весны для Христовой невѣсты, старающей лю-
бовію къ всеобъемлющей истинѣ и мудрости—
Христу, и стремящейся раскрыть сокровенныя
во Христѣ всѣ сокровища мудрости и знанія.
Тогда-то всё земное раскроется въ цвѣтахъ
знанія не отвлеченно безжизненнаго, но живи-
тельного для всей полноты нашего духа: потому
что во всемъ будетъ познаваема мысль всезри-
тельного и вземлющаго грѣхи міра Слова,

мысль, дышащая любовью всеблагостнаго Отца въ саможивой, животворящей даже мертвое, силѣ Св. Духа. Тогда-то будутъ созрѣвать, уже не на смерть, а на жизнь для людей, плоды разнообразныхъ деревъ знанія,—отзовутся они сладостною питательностію смоквъ и веселящею живительностію винограда. Вотъ будетъ время пѣнія поэзіи, когда всѣ великіе поэты, и изъ всѣхъ другихъ временъ, услышатся въ истинномъ своемъ значеніи, или во всемъ лучшемъ. Кроткій голосъ чистоты и благодати Св. Духа будетъ слышаться и въ земныхъ средахъ. Божественный Женихъ истины и премудрости зоветъ и нынѣ ко всему этому Свою возлюбленную невѣсту:

„Встань, подруга моя, прекрасная моя и приди голубица моя, сидящая въ (сумрачномъ) ущеліи (безплодной) скалы, подъ кровомъ (голаго) утеса. Дай мнѣ увидѣть лице твое, дай мнѣ услышать голосъ твой, дай мнѣ порадоваться на тебѣ, какъ бы такъ сказано безсмертнымъ Женихомъ, когда ты раскроешься въ значеніи зрѣлой невѣсты Моей мудрости и знанія и заговоришь твердо голосомъ Моей всеобъясняющей истины“.

Вотъ что невѣста Христова слышитъ своимъ сердцемъ, озабочиваясь сама сохраненіемъ виноградниковъ истины и мудрости, которымъ, при благодатномъ ихъ разцвѣтѣ, грозятъ лисцы

хитрыхъ мудрованій и лисенята льстиваго возношенія (*):

„Ловите намъ лисицъ, меньшихъ лисенятъ, которыя портятъ виноградники, а виноградники наши въ цвѣтъ“.

Всё-же однако невѣста, какъ ни живо чувствуетъ и сознаетъ, что она обладаетъ своимъ Божественнымъ Женихомъ и сама принадлежитъ Ему, еще видитъ между собою и Имъ «горы раздѣленія», и молить Его возвратиться къ ней, по этимъ горамъ, прохладнымъ вечеромъ благодатнаго весенняго дня.

„Возлюбленный мой мнѣ принадлежитъ и я Ему пасущему между лпіями (конечно среди благоуханія непорочной чистоты). Пока день дышетъ прохладою и ложатся длинныя тѣни, возвратись, Возлюбленный мой, подобно сериѣ или молодому оленю, по горамъ раздѣленія“.

Что это за «горы раздѣленія»? Исторія довольно ужъ разъяснила, какія многовѣковыя,

(*) Что нижеслѣдующія слова принадлежатъ не голосу Жениха, слышимому сердцемъ невѣсты Его, а самой невѣстѣ, это видно изъ того, что въ этихъ словахъ слышенъ совсѣмъ другой тонъ въ сравненіи съ голосомъ Жениха, призывавшаго насладиться весною,—именно озабоченный тонъ.

почти ископныя горы стояли между Женихомъ всеобъемлющей истины и всевыясняющей мудрости, и невѣстою, стремящеюся къ усвоенію этой истины и мудрости. Были времена, когда всеобъемлющая истина или Божія премудрость предъявлялась человѣчеству образно во всѣхъ средахъ земнаго и естественнаго, предусвояясь впрочемъ только вѣрнымъ, ограничившимся закономъ сравнительно—малочисленнымъ родомъ Авраама, и отвергая непокорныхъ и враждебныхъ языковъ. Такъ въ самыхъ образныхъ откровеніяхъ истины, преподаваемыхъ исключительно одному народу, поднимались «горы раздѣленія» между большинствомъ человѣчества и избраннымъ народомъ! Это раздѣленіе для вселенской, по своему существу, церкви Христовой было еще разлученіемъ отъ Божественнаго Жениха, какъ всемірнаго Спасителя.—Пришелъ Господь къ Своей невѣстѣ, и, умерши за грѣхи равно и Божія Избранія и язычниковъ, снялъ это раздѣленіе, и церковь явилась во всей силѣ и свѣтѣ вселенскаго своего значенія. Но, съ продолженіемъ временъ, чрезъ самое отрѣшеніе духа и существа спасительной истины отъ образовъ, принадлежавшихъ земнымъ средамъ, возникало въ самомъ разумѣніи и усвоеніи этой истины рѣшительное отдѣленіе ея области отъ земныхъ

областей, такъ что, при вниманіи къ послѣднимъ, пренебрегаютъ уже первою, а отдаваясь этой первой, не хотятъ и знать или подавляютъ послѣднія. Эти одностороннія направленія раскрылись во всей силѣ, именно на неправомысленномъ Западѣ, гдѣ, во имя истины Божіей, служители ея посягнули на духовную самостоятельность чадъ Божіихъ, дѣйствующихъ въ земныхъ средахъ, и за то наконецъ въ земныхъ средахъ признается иными уже тѣмъ болѣе успѣховъ и улучшеній, чѣмъ болѣе эти среды становятся независимыми отъ служенія Божіей истинѣ (*).

Таже самая неразумная нелогичность, признающая нормальнымъ совершенное раздѣленіе между благодатною областію всеобъемлющей истины Божіей и человѣческими земными областями, довольно усилилась и во многихъ изъ православныхъ Востока. Нужды имъ нѣтъ, что это противорѣчитъ самому существу истины и благодати Христа, Который явился тихимъ свѣтомъ святой славы Отца небеснаго, именно на западѣ человѣческаго естества и грѣшнаго земнаго міра. Нужды нѣтъ, что всеобъемлемость истины Христовой насильственно урѣзывалась бы или со-

(*) Эта мысль особенно развита въ книгѣ Бокля: „Исторія цивилизаціи въ Англіи“.

кращалась чрезъ рѣшительное отдѣленіе отъ неа
 земнаго и мірскаго, а труждающіеся и обремененные въ земныхъ средахъ отлучались бы уже
 отъ Христа вопреки Его призыву къ успокоенію
 въ Немъ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ.
 Потому-то невеста всеобъемлющей истины и
 всеозаряющей и всеуспокоивающей премудрости
 Христовой, видя между своимъ Женихомъ, въ
 этомъ его качествѣ, и собою—снова *горы раз-*
дѣленія, умоляетъ Его возвратиться уже самымъ
 духомъ и существомъ своей истины и благодати
 снова въ тѣ среды земнаго и мірскаго, въ ко-
 торыхъ Онъ иѣкогда образно и сѣновно предъ-
 являлъ Себя,—возвратиться для ихъ просвѣщенія
 и оживотворенія, пока продолжается еще долго-
 терпѣливое дѣйствіе спасительнаго Его снисхож-
 денія до запада грѣшнаго человѣчества и міра.
 «Пока день дышетъ прохладою и ложатся длин-
 ныя тѣни, возвратись, Возлюбленный мой.... по
 горамъ раздѣленія»....

Этимъ и кончается первый отдѣлъ „Пѣсни пѣс-
 ней“. Въ этомъ отдѣлѣ, при взаимныхъ изліяніяхъ
 любви, со стороны невесты Христовой, стрем-
 ленія ея къ Нему, Жениху всеобъемлющей
 истины и мудрости, высказывается въ мольбѣ
 къ Нему, чтобы Онъ самъ указалъ ей путь къ
 Нему изъ стѣсненнаго ея положенія; а со сто-

роны Его возвѣщается о прошествіи зимы и наступленіи благодатной весны, насладиться которою она Имъ и призывается, умоляя притомъ и Его возвратиться къ ней чрезъ ставшія между ними «горы раздѣленія». Соображая ходъ дѣла въ началѣ и концѣ этого отдѣла, мы не можемъ не примѣтить движенія впередъ, уже начавшагося въ расположеніяхъ и дѣйствіяхъ невесты подъ руководительною любовію небеснаго Жениха. Невѣста Христова, признававшаяся сначала, что она, при всей строгости къ ней братьевъ ея, не устерегла виноградики своего, въ послѣдствіи уже заботливо побуждаетъ и другихъ ловить лисицъ и лисенятъ, портящихъ цвѣтущіе виноградники, общіе ей съ Возлюбленнымъ. Чего строгость не успѣла достигнуть, это со всею ревностію и свободнымъ усердіемъ дѣлаетъ благодатная любовь сама собою.

Во второмъ отдѣлѣ „Пѣсни пѣсней“ открывается слѣдующее: Невѣста ночью ищетъ на ложѣ своемъ небеснаго Друга своего и не находитъ, бѣжитъ по городу, ищетъ на улицахъ, на площадяхъ, спрашиваетъ у городскихъ сторожей, — но все напрасно; наконецъ внезапно нашла Его, ухватила за Него и не отпускала Его отъ себя; съ этимъ мгновенно все для нея измѣнилось, — вмѣсто безпокойства и тревоги, она уже

наслаждается покоемъ подъ Его охраненіемъ, (III, 1, 5). Послѣдствіе еще блистательнѣе: священный пѣвецъ съ восторгомъ видитъ ее входящею отъ пустыни, какъ дымъ благоухающій, — видитъ готовымъ царственно-великолѣпный одръ Соломона, или точнѣе, подъ именемъ Его, самаго Царя мудрости и истины, — видитъ и самаго Его увѣнчаннымъ и радостнымъ въ день своего бракосочетанія (6—11). И вотъ этотъ Самовозлюбленный весь изливается въ любви къ Своей возлюбленной и въ привѣтныхъ хвалахъ ея красотѣ и вѣрности, уподобляя ее особенно саду прекрасному и тщательно хранимому (IV, 15); а когда она предлагаетъ Ему благоуханія и плоды отъ своего сада, то, восхищенный этимъ, Онъ приглашаетъ и своихъ друзей сорадоваться Ему, наслаждаясь благодатными яствами и питіями до упоенія (16—V, 1).

Для выясненія сущности и хода дѣла въ настоящемъ отдѣлѣ, надо такъ же, какъ и въ первомъ, прежде всего раскрыть то состояніе и дѣйствіе возлюбленной, которому соотвѣтствуютъ и послѣдующія явленія, особенно же дѣйствія и ласки Возлюбленного. Это состояніе и дѣйствіе невѣсты состоитъ въ тоскливомъ исканіи ею своего Божественнаго Жениха. Что же значитъ это послѣднее? „Горы раздѣленія“, о которыхъ

только—что сказала сама невеста, объясняютъ и нетерпѣливую тоску, съ какою она всюду искала своего Возлюбленнаго, и вмѣстѣ тщету этихъ поисковъ любви къ Божественному Жениху всеобъемлющей истины и всеуясняющей мудрости. Войдемте въ состояніе мудролюбивой души или цѣлаго общества душъ, насколько оно возбуждено къ отчетливому усвоенію всеобъемлющей истины, насколько оно соединено и одушевлено сознательнымъ въ однихъ или инстинктивнымъ въ другихъ стремленіемъ къ Тому, въ Комъ сокровены всѣ сокровища мудрости и вѣденія. Или войдемъ въ состояніе и движеніе церкви въ живыхъ и избранныхъ ея членахъ, которые себѣ вмѣняютъ, по общенію человеколюбія Христова, съ одной стороны, самую несостоятельность и невѣрности любовѣденія во многихъ, а съ другой односторонность предубѣжденія противъ вообще знанія, неразумную ревность самой вѣры тоже во многихъ. Вотъ, эта невеста Христова сознаетъ и чувствуетъ, что она, удовлетворяясь и успокоиваясь только простою, или чуждою любопытательности, вѣрою въ Него, стала бы отчуждаться отъ Него же въ Его качествахъ всеобъемлющей истины и всеуясняющей мудрости, а, дорожа и овладѣвая собственно областію знаній во всемъ ихъ разнообразіи и

многосторонности, видятъ многое, многое въ этой области отчужденнымъ отъ имени Христова. Въ томъ и другомъ отношеніи невѣста свѣта находится какъ бы въ ночномъ мракѣ, не находя у себя своего Жениха, котораго истиною и мудростію, всеобнимающею и выясняющею, хотѣла бы она овладѣть и чрезъ отчетливую мысль, и чрезъ сердечную воспріимчивость, и всею энергіею воли, вообще всею полнотою души своей. Таковъ смыслъ этихъ начальныхъ словъ невѣсты:

На ложѣ моемъ по ночамъ (не случайно и мимоходно,
по продолжительно и обыкновенно) я искала
Того, котораго любить душа моя; искала и не на-
шла Его.

Отъ себя самой невѣста Христова обращается къ разнымъ средамъ и порядкамъ жизни общественной, къ самымъ ея блюстителямъ, ища и спрашивая у всѣхъ своего Жениха, именно—допытываясь и помогаясь заправленія и настроенія всему живою Христовою истиною, всестороннею и человеколюбивою Христовою истиною. Но напрасно! Вездѣ только темная, безотвѣтная на ея поиски, ночь! Видно, повсюду въ грѣшномъ мірѣ нашемъ дѣла идутъ и совершаются или совсѣмъ помимо Христа, или : боже или менѣе подъ личиною Его имени, но не вполнѣ

въ живомъ, правомъ и челоуѣколюбивомъ Его духѣ. Самые блюстители общественной жизни укараулили, не опустили изъ своего подозрительнаго наблюденія ищущую Божественнаго Жениха, но на ея спросы были глухи или не нашлись, что отвѣчать.

„Встану я и поиду по городу; на улицахъ и площадяхъ поищу Того, Котораго любить душа моя.

Я искала Его и не нашла Его.

Нашли меня стражи, ходящiе по городу:

Того, Котораго любить душа моя, видѣли ли вы?”

Видно, небеснаго Жениха истины надо искать въ духовной независимости отъ всего прочаго или сторонняго Ему; надо искать всего уже только въ Немъ и съ Нимъ; надо слѣдовать только за Нимъ, дѣйствовать такъ, какъ Онъ поступалъ среди духовныхъ мраковъ міра. — Вспомнимъ ту страшную ночь, о которой самъ Возлюбленный сказалъ пришедшимъ схватить Его для суда и смерти, — этимъ людямъ, поставленнымъ на стражбу во свѣтомъ градѣ и однако превратившимся въ поборниковъ тьмы: „теперь ваше время и власть тьмы“ (Лук. XXI, 52, 53). Въ эту ночь, духъ и сила которой простираются на всякое темное время, не только почти никто не держался Возлюбленнаго, такъ что и

самые преданные Ему оставили Его, но и самъ Онъ былъ взятъ, какъ подлежащій казни злодѣй. Но что же? Тѣмъ самымъ, что Онъ, самосушій и просвѣтительный свѣтъ, дозволилъ власти тьмы овладѣніе и Имъ самимъ до низведенія Его во мракъ смерти, Онъ и захватилъ всю область и державу тьмы во власть Своей человеколюбивой и свѣтоносной благодати, упрямительной для темной смертоносной державы съ самымъ ея міродержателемъ (Евр. II, 17). Итакъ невѣстѣ Возлюбленнаго, въ поискахъ Его всюду сръ-тающей только ночной мракъ заблужденій или невѣденія, слѣдуетъ въ тѣхъ же темныхъ сре-дахъ, оставивъ допытываться о Немъ у невѣ-дающихъ Его въ истинной Его силѣ и духѣ, войти самой въ тотъ Его духъ или въ то Его человеколюбивое расположеніе (*), по которому Онъ, какъ Агнецъ Божій, взявшій темные грѣхи и заблужденія міра, предалъ самого себя убійственному тиранству „власти тьмы“. И тогда возлюбленная, и въ мракахъ ночныхъ и въ тем-ныхъ средахъ, найдетъ своего Возлюбленнаго, свѣтящаго и во тьмѣ невѣденія, недоразумѣній, противорѣчій, сомнѣній, заблужденій и этою тьмою

(*) Въдѣ воли Божія о нашемъ спасеніи такова, чтобы мы сіе мудрствовали, елико и во Христѣ Іисусѣ.

не объемлемаго, не стѣсняемаго (*). Тогда-то неvěста Христова, въ отношеніи къ какимъ бы ни было предметамъ, вопросамъ и средамъ, только бы неотступно держалась своего Возлюбленнаго, своею мыслию и сердцемъ проводя свѣтъ Его во все человѣческое для упраздненія грѣха и заблужденій; она (одна ли это будетъ душа, или вообще церковь,) успокоится съ своихъ тревогъ и тревоженій, успокоится съ Нимъ самимъ, въ Его всеобъемлющей истинѣ и благодати, какъ у своей матери. И Онъ не дозволитъ смущать покоя ея, сколько бы ни захотѣла она имъ наслаждаться. Все это, какъ испытываемое на самомъ дѣлѣ, и высказываетъ сама неvěста.

„Не много отошла отъ нихъ, (стражей городскихъ, ничего не сказавшихъ на спросъ о ея Возлюбленномъ), какъ и пошла Того, Кого любить душа моя;

Ухватила за Него, и не отпустила Его,
Доколѣ не ввела въ домъ матери моеѣ и въ покои
родительницы моеѣ“.

Возлюбленная сейчасъ и успокоилась подъ охраненіемъ небеснаго своего Друга, какъ Онъ самъ говоритъ:

(*) Вѣрно слово и всякаго пріятія достойно: и Свѣтъ во тьмѣ свѣтится и тьма его не обьятъ (Іоан. I, 5).

„Заклинаю васъ, дщери Іерусалимскія ... не будите и не тревожьте возлюбленную, доколѣ восхощетъ“!

Теперь понятны и всѣ дальнѣйшія прекрасныя послѣдствія тоскливаго исканія и радостнаго обрѣтенія невѣстою мудрости и истины—своего Божественнаго Жениха. И во первыхъ, она является, по созерцанію Боговдохновеннаго пѣвца, идущаго отъ чуждыхъ Христа и Его человѣколюбиваго духа и потому духовно запустѣвшихъ областей, — идущею не только въ благоуханіяхъ Христовой истины и благодати, но и подобною восходящему отъ земли къ небу самому обильному и сильному куренію благоуханій. Это отъ того, что она, нашедши своего Возлюбленнаго среди почнаго мрака и въ темныхъ средахъ городского жительствова, или вообще въ средахъ земнаго и мірскаго (*), возгорается всеблагоуханною Его любовію, простертою на все человѣческое, кромѣ грѣха, и самыя вины грѣховъ и заблужденій выжигающею на себѣ же; не затрудняясь небеснымъ свѣтомъ Христовой истины и любви озарять всѣ земныя

(*) Гдѣ прежде тщетно искала Его и гдѣ, безъ сомнѣнія, никогда не найти Его, если имѣть въ виду только темную пустоту міра, во злѣ лежащаго, а не человѣколюбіе Вземлющаго грѣхи міра.

и мірскія среды (*), она въ этомъ самомъ находитъ самое вѣрное условіе и для собственнаго своего усовершенія, или возвышенія отъ земнаго къ небесному, отъ мірской пустоты къ любви Отца небеснаго, открытой во Христѣ міру. Все это сосредоточенно выражается въ этихъ словахъ созерцателя пѣвца:

„Кто сія, восходящая отъ пустыни, напоенная отъ смиренны и ливана, отъ всякихъ порошковъ продающаго муро„?

Во вторыхъ, для Божественнаго Царя мудрости и истины, созерцаемаго и исповѣщемъ въ образѣ и подѣ именемъ Соломона, т. е. предощаемаго Соломономъ въ себѣ самомъ, открывается твердо огражденный, Имъ самимъ устроенный, великолѣпный одръ для возлежанія и возсѣданія. Это значитъ, что Христова истина и премудрость, по означенному выше направленію вѣры и любви въ Христовой невѣстѣ, находятъ полное удобство и мѣсто къ своему торжественному раскрытію, благодатно ограждаемое отъ страховъ почной тьмы невѣденія и заблужденій:

(*) Въ исполненіе этихъ словъ радостныхъ для любви ко свѣту истины и добра: *тьма мимо ходитъ и свѣтъ истинный сей уже сіяетъ* (1 Іоан. I, 8).

„Вотъ одръ Соломоновъ: вокругъ его шестьдесятъ
храбрыхъ изъ храбрыхъ Израилевыхъ.
Всѣ они держатъ по мечу для охраненія отъ ужаса
по ночамъ.

Царь Соломонъ сдѣлалъ себѣ носильный одръ изъ
дерева Ливанскихъ. . . . (одръ для брачнаго
торжества, какъ видно изъ послѣдующаго.)
Внутренность его устлана Возлюбленною изъ дочерей
Іерусалима“.

И въ третьихъ, самъ Божественный Царь
мудрости и истины является, чрезъ раскрытіе
всеобъемлющей Его истины и чрезъ общеніе
невѣсты Его въ самоотверженной любви Его къ
гниющему міру, торжествующимъ свой небес-
ный бракъ. И именно мать Его, первая за-
ступница и споручница грѣшныхъ и заблуждаю-
щихъ, увѣличиваетъ это торжество Его сердца:

„Дщери Сіона! подите и посмотрите на царя Соло-
мона въ вѣщѣ, которымъ вѣнчала Его мать его,
въ день бракосочетанія Его и въ день веселія
сердца Его“.

Замѣтимъ здѣсь, что въ Новомъ Завѣтѣ бракъ
Христовъ представляется именно, какъ бракъ
Агничій (Апок. XIX, 7), вводящій вѣру въ обще-
ніе Агничей Его любви, взяющей грѣхи міра.
И вотъ Онъ въ этотъ день веселія сердца
своего, когда Его любовь, простертая на грѣш-

ный погибающій міръ и въ области смерти насаждающая жизнь и изъ мраковъ возсіявающая своимъ свѣтомъ, раздѣляется съ Нимъ возлюбленною Его (когда, потому, раскрывается и усвоется людьми истина Его въ своей всеобъемлющей всесторонности и правда Его въ своемъ, заглаждающемъ наши неправды, духѣ человеколюбія), — Онъ изливается весь въ выраженіяхъ любви о красотѣ, вообще безупречномъ совершенствѣ своей возлюбленной. Не будемъ входить здѣсь въ самыя подробности прекрасныхъ и живыхъ образовъ, соединенныхъ въ одно цѣлое изображеніе невесты — жены Агнчей (Апок. XXI, 9); тайны и дары благодати, украшающей Христову невесту, неудобноизъяснимы. Основная мысль или сущность дѣла въ этомъ изображеніи такова, что Христосъ — какъ „возлюбилъ церковь (и каждую душу) и предалъ Себя за нее, чтобы освятить ее... , чтобы представить Себѣ ее славною, неимѣющею пятна или порока или чего-либо подобнаго, но чтобы она была свята и непорочна“ (Ефес. V, 25 — 27), такъ, по общенію этой, Своей невесты въ самоотверженной любви Его къ ней, и находитъ ее неимѣющею никакого пятна, но славною, святою и безпорочною.

„О какъ ты прекрасна, подруга моя, какъ ты пре-
красна!

.

Вся ты прекрасна, подруга моя и нѣтъ пятна въ
тебѣ!

Дальнѣйшее раскрытіе этой главной мысли Возлюбленнаго показываетъ, что духъ и сила всего живаго и прекраснаго въ природѣ и искусствѣ, состоя именно въ проявленіяхъ и отраженіяхъ Творческой любви, усвояются Христовою невѣстою и разрѣшаются въ духовную ея красоту, а эта красота невѣсты—жены Агичей, обосновываясь собственно въ ея духѣ, въ ея свѣтлыхъ и живыхъ мысляхъ, святыхъ и чистыхъ расположеніяхъ и движеніяхъ, высокихъ свойствахъ и добродѣтеляхъ, изъ внутренней духовности проявляется у ней и во внѣ въ самой видимой тѣлесности и даже одеждѣ. Таковъ общій смыслъ слѣдующихъ и подобныхъ выраженій:

Очи твои голубиныя выглядываютъ изъ подъ по-
крывала твоего.

.

Зубы твои, какъ стадо овецъ, ровно остриженныхъ,
выходящихъ изъ купальни.

Губы твои какъ алая нить. . . .

.

Шея твоя, какъ столбъ Давидовъ, сооруженный для
вѣшанія оружія.

.

Плѣнила ты сердце мое однимъ изъ глазъ твоихъ.

Однимъ ожерельемъ, что на шеѣ твоей,“ и проч. и
проч.

Въ особенности знаменательно то, какъ Царь премудрости и истины, восхищаясь красотою возлюбленной, высказываетъ собственное движеніе любви къ ней, — какъ и ее зоветъ съ собою, — какъ, сравнительно съ первоначальнымъ ея состояніемъ, высоко уже ставитъ ее въ отношеніи къ бдительности надъ самой собою и къ духовной ея развитости. Изъ всего этого можно видѣть, насколько ужъ подвинулось впередъ таинственное дѣйствіе, изображаемое въ „Пѣсни пѣсней“.

Собственное движеніе къ возлюбленной Царь истины выражаетъ такъ, что въ этомъ, примѣтно, исполняетъ мольбу ея о возвращеніи Его къ ней, высказанную прежде (въ предъидущемъ отдѣленіи). Она умоляла Его возвратиться къ ней „по горамъ раздѣленія“, раскрыть снова уже самое существо и духъ своей истины и благодати въ тѣхъ земныхъ средахъ, въ которыхъ Онъ предъявлялъ себя нѣкогда образно, и чрезъ это уничтожить раздѣленіе между духовнымъ

направленіемъ отрѣшенности отъ земнаго и стремленіемъ къ истинѣ, соединяющей въ Христѣ съ небеснымъ и земное (Еф. I, 10). Пока еще день дышетъ прохладою и ложатся длинныя тѣни, „пока благодать снисхожденія Божественнаго свѣта къ западу нашего человѣческаго естества еще дѣйствуетъ своимъ животельнымъ долготерпѣніемъ, — такъ вопіяла Христова невѣста къ своему Жениху, — „возвратись, Возлюбленный мой“ (II, 17). . . . Теперь Онъ исполняетъ эту мольбу, находя въѣсто „горъ раздѣленія“ ужъ саму Возлюбленную горою, дышащею человѣколюбивымъ духомъ смерти его за грѣшный погибающій міръ и благоухающею ливаномъ молитвеннаго воззрѣнія во всемъ къ вседержавной Его любви:

Пока еще день дышетъ прохладою и ложатся длинныя тѣни,
 Пойду я на гору, дышащую смирною, и на холмъ.
 благоухающій ливаномъ (*).

(*) *Смирна*, употребляемая на востокѣ при погребеніи и намащеніи умершихъ, употребленная и при погребеніи Спасителя (Іоан. XIX, 39, 40), есть допытный символъ силы его смерти, а *ливанъ* или ладанъ, воскуряемый при богослуженіи, выразительно обозначаетъ молитвенный духъ.

Въ призываніи же Царя истины къ своей возлюбленной, чтобы она шла къ Нему или даже съ Нимъ, замѣчательно въ особенности то, что Онъ воззываетъ ее, между прочимъ, именно отъ „львиныхъ логовищъ, отъ барсовыхъ горъ“. Такъ! Сгарающей стремленіемъ къ истинѣ мысли и душѣ въ то время, когда усиливалось во многихъ одностороннее направленіе — держаться имени Христа, но не въ духѣ Его человеколюбиваго самопожертвованія за заблуждающихъ грѣшниковъ, или искать выяспяющей истины, но не во Христѣ, — естественно было очутиться въ „львиныхъ логовищахъ, въ барсовыхъ горахъ“, или среди движеній львообразнаго самовозношенія и барсовой обольстительности противохристіанскихъ, лживыхъ направленій умственныхъ и нравственныхъ (*). Теперь прошло это ужасное время, — какъ бы такъ говорить Своей возлюбленной Божественный Царь мудрости и истины, — все, во всѣхъ средахъ жизни и во всей совокупности бытія, должно быть и будетъ любовію

(*) Образы *льва* и *барса*, въ соединенномъ видѣ, берутся откровеніемъ въ знаменованіи противоблагодатныхъ областей и направленій (Апок. XIII гл. слѣд. Дан. VII гл.). См. ниже обзоръ Апокалипсиса, пятый отдѣлъ.

къ истинѣ выясняемо и употребляемо или исполняемо не иначе, какъ въ свѣтъ моей истины и въ человѣколюбивомъ Духѣ моей благодати, ходатайствующемъ за спасеніе и просвѣщеніе міра воздыханіями неизглаголаемыми — этимъ благоуханіемъ Ливанскимъ.

„Со мной съ Ливана, невѣста! сомной иди съ Ливана!
Прямо шествуй. . . . Отъ львиныхъ логовищъ, отъ
барсовыхъ горъ“.

Наконецъ въ прямую уже противоположность тому, что возлюбленная прежде признавала свое состояніе, какъ неустерегшая своего виноградики, теперь небесный ея Другъ представляетъ ее чудно-сбереженнымъ садомъ, плодовитымъ и благоухающимъ (конечно, святынею, чистотою, любовію, благородствомъ, любознательностію), освѣжаемымъ водами благодатными:

Сестра моя невѣста — запертый садъ,
Замкнутый колодезь, запечатанный источникъ,
Отрасли твои — увеселительный садъ,
Гдѣ гранаты съ превосходными плодами,
Киперы съ нардами, со всѣми благоухающими де-
ревьями.

. со всякими отличными ароматами.

Въ саду источникъ, колодезь воды живої (*).

И потоки съ Ливана.“

(*) Вода живая — въ смыслѣ благодати Св. Духа (Іоан. VII; 38, 39).

На всѣ эти привѣты любви, свидѣтельствующей о томъ, какъ состояніе и достоинство Христовой невѣсты усовершенствуется и возвышается, она отвѣчаетъ своему Возлюбленному, что все изъ ея внутренняго сада принадлежитъ и со всею готовностію любви предлагается именно Ему; въ чемъ, замѣтимъ, и состоитъ тайна ея самосохраненія и усовершенія:

Воспряни вѣтеръ сѣверный, и принесись южный—

(т. е. подвигнись, живое направленіе, какъ съ полдневной стороны полноты свѣта или живаго просвѣщенія, такъ и съ полуночной стороны борьбы съ заблужденіями, побѣждающей ихъ не жесткими упреками, а самопожертвованіемъ любви)—

„Повѣй въ садъ мой и полюются ароматы его,
Да придетъ Возлюбленный мой въ садъ Свой.
И да вкушаетъ плоды его превосходные“.

И Божественный Женихъ поспѣшаетъ на зовъ къ Своей возлюбленной, именно какъ въ Свой благодатный садъ для наслажденія ея вѣрою и любовію, усвояющею Его же благодать и истину, входящею въ соучастіе Его же самоотверженной до смерти любви:

Иду въ садъ мой, сестра моя невѣста;
Нарву смирны моей съ ароматами моими.

Буду ѣсть сотъ мой съ медомъ моимъ,
Вина моего съ молокомъ моимъ“.

И друзья Возлюбленного, къ которымъ принадлежатъ и недовольные прежде Его невѣстою и стѣснявшіе ея положеніе братья ея (I, 5, 6, слѣд. VIII, 13. 8 — 10), теперь призываются отъ него на этотъ духовный пиръ взаимной любви Божественнаго Жениха и его невѣсты:

„Ядите други, пейте до упоенія возлюбленные“!

Его любовь есть любовь всеобъемлющая и вседержительная, полная всего лучшаго для человечества и всего міра, и берущая на Себя же все худшее человеческое, всѣ грѣхи міра; а ея любовь есть усвоеніе Его любви, усвоеніе и мыслию и сердцемъ и дѣломъ. Есть, чего вкушать на этомъ благодатномъ пирѣ, въ этомъ Божественномъ саду. . . .

Такъ заканчивается второй отдѣлъ „Пѣсни пѣсней“, въ которомъ взаимныя отношенія Агнца Божія и Его невѣсты, проявляя человѣколюбивую силу брака *Анчаго*, раскрылись уже до того, что онъ является возвратившимся самою Своею истиною и благодатію въ среды ветхозавѣтнаго ихъ предъизображенія и потому снова свѣтящимъ во все земное, а она оказывается прекраснымъ, плодоноснымъ, вполне сохранив-

шимся садомъ всеобъемлющей Его истины и на все простертой благодати. Недовольные прежде невѣстою истины и мудрости, какъ будто она не сохранила своего виноградника, и потому стѣснявшіе ее на духовныхъ пастбищахъ, сами теперь наслаждаются плодами отъ благодатнаго ея сада, на брачной вечери Агнчей.

Далѣе изображается въ »Пѣсни пѣсней« слѣдующее: Во время почнаго покоя невѣста (*) слышитъ голосъ своего Возлюбленнаго, который стучался въ ея двери; — послѣ нѣкотораго раздумья, разсѣяннаго особеннымъ движеніемъ руки Его, она съ живостью встаетъ отворить двери, — отворяетъ, но Божественнаго Друга своего ужъ не находитъ. Она устремляется за Нимъ, ищетъ Его, вопіетъ къ Нему; сторожа городскіе, встрѣтивъ ее, на этотъ разъ избили ее до ранъ и сняли съ нея верхнюю одежду. Не смотря на то, она занята только заботою найти своего Возлюбленнаго,

(*) Выше было указано и на бракосочетаніе ея съ Возлюбленнымъ. Но по небесной чистотѣ, конечно, духовнаго этого союза церковь и въ Новомъ Завѣтѣ называется безразлично *невѣстою* — *женою Агнца* для *невѣстою, уготованною мужу своему* (Ап. XXI).

обращается къ подругамъ своимъ съ заклинаніемъ, чтобы хотъ опѣ, найдя Его, сказали Ему о ея болѣзни отъ любви; на вопросъ ихъ о Немъ осыпаетъ Его восторженными хвалами предъ своими подругами, которыя и рѣшаются съ нею искать Его, — какъ вдругъ она ощущаетъ себя обладающею и обладаемою Имъ и слышитъ отъ Него, между другими восхитительными привѣтами, названіе единственной не только въ безчисленномъ множествѣ дѣвицъ, но и между царицами (V, 2 — VI, 9)... Исканіе невѣстою своего Возлюбленнаго изображается и здѣсь, какъ въ предыдущемъ отдѣлѣ „Пѣсни пѣсней“; но здѣсь это исканіе отъ начальныхъ и послѣдующихъ своихъ обстоятельствъ получаетъ совершенно новый смыслъ, съ объясненіемъ котораго будетъ понятенъ въ своемъ значеніи и весь ходъ дѣла въ настоящемъ отдѣлѣ.

Исканіе произошло здѣсь не вслѣдствіе той тоски любви, по которой прежде и ночью возлюбленная не имѣла покоя безъ своего небеснаго Друга. Теперь, напротивъ, она покоилась спомъ, — спомъ не безпечности или бездѣйственнаго духовнаго усыпленія; это было успокоеніе мирнаго и удовлетвореннаго духа, соединенное съ неусыпною бдительностію любящаго

сердца. »Я спала, говоритъ она, но сердце мое бодрствовало».

И вотъ она своимъ бодрствующимъ сердцемъ слышитъ ночью:

„Голосъ Возлюбленнаго моего. . . . стучится.

Отвори мнѣ, сестра моя,

Подруга моя, голубица моя, чистая моя.

Ибо голова моя вся покрыта росой,

Кудри мои — каплями росы“.

Такъ ясно сознаетъ и живо ощущаетъ невеста истины и мудрости, что ея Возлюбленный, этотъ Женихъ истины и мудрости, свѣтитъ человѣчеству и въ ночной тьмѣ невѣдѣнія, заблужденій и грѣховъ человѣческихъ, возбуждая и свою возлюбленную къ дальнѣйшему соучастію въ такомъ его человѣколюбіи, негнушающемся гибнущими людьми. Къ сознанію и ощущенію этого она получила уже направленіе и прежде (какъ мы видѣли именно въ предъидущемъ отдѣлѣ). Чтоже? Не смотря на свое человѣколюбивое настроеніе, она по самой бдительности надъ собственною чистотою и непорочною и по мирнымъ своимъ расположеніямъ, впала въ раздумье и опасеніе (*),

(*) Видно, невеста еще не вполне раскрыла для себя и въ себѣ Христово человѣколюбивое настроеніе, въ которое она была введена въ предъидущемъ отдѣлѣ „Пѣ-

какъ бы не лишиться мирнаго своего устроенія, не замарать себя, слишкомъ скороспѣшно принимая къ себѣ своего Божественнаго Друга въ такомъ Его человеколюбіи, которое проявляется не только въ *днѣ* правды и святости людей, а и въ *ночи* ихъ неправдъ и заблужденій, не гнушаясь взыскивать и врачевать людей, погружающихся въ грѣховныхъ нечистотахъ и покрытыхъ отвратительными струпамн зла и лжи. Вотъ ея раздумье и опасенія:

„Я скинула съ себя хитонъ мой (очевидно для
удобства успокоенія);

Такъ неужели мнѣ надѣвать его?

Я вымыла ноги мои;

Такъ неужели мнѣ марать ихъ?

Въ такомъ коснѣніи или медленіи возлюбленной принять своего Друга, человеколюбиваго до смерти, (коснѣніи, замѣтимъ, прямо характеризующемъ современное намъ настроеніе благочестія), обнаружилось, что любовь ея къ Нему еще не совсѣмъ научилась знать свой покой и свою чистоту только въ принятіи и усвоеніи себѣ Божественнаго Человеколюбца, съ каки-

снн лѣсней“. Она вѣдь постепенно возводится своимъ Божественнымъ Женихомъ отъ низшаго къ высшему, отъ недостаточнаго или менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному состоянію.

ми бы кажущимися опасностями для самой чистоты и духовнаго покоя ни было это сопряжено. И вотъ Возлюбленный, возводя любовь своей подруги на эту высшую степень совершенства, коснулся ея сердца и сейчасъ же скрылся отъ нея, заставивъ ее искать себя съ крайними опасностями и усилями любви; и любовь ея на этотъ разъ уже не смотритъ на свои безпокойства и опасности, сгарающая только желаніемъ и стремленіемъ найти своего Возлюбленнаго и въ Немъ одномъ весь свой покой и всю свою правду. Таковъ общій смыслъ настоящаго исканія невѣстою своего Вседержавнаго и человеколюбиваго до смерти Возлюбленнаго! Отсюда объясняется и весь ходъ и исходъ этого исканія.

Прежде всего открывается предъ нами, что въ возлюбленной, произшедшее отъ боязни за свою духовную чистоту и спокойствіе, раздумье, коспящее принять пришедшаго ночью Возлюбленнаго, разсѣялось сейчасъ же, какъ Онъ движеніемъ Своей благодати затронулъ въ Своей сестрѣ-невѣстѣ любовь къ Нему, соучаствующую въ Его страданіяхъ и смерти за погибающихъ грѣшниковъ. Тутъ ужъ вся душа ея готова выйти на срѣтеніе и принятіе своего Божественнаго Друга, по одному Его слову.

Только теперь Онъ уже скрылся отъ нея, къ ея сокрушительной тоскѣ, съ какою она и стала Его искать. . . . Все это и изображено такъ:

„Возлюбленный мой простеръ руку свою сквозь скважину.

И вся внутренность моя взволновалась отъ него.

Я встала, чтобы отворить Возлюбленному моему;

И съ рукъ моихъ капала смирна.

И съ перстовъ моихъ смирна самоточная на ручки замка.

Отворила я Возлюбленному моему;

Но Возлюбленный мой ускользнулъ, ушелъ.

Душа у меня вышла, когда онъ заговорилъ.

Я искала его и не находила его.

Звала его и онъ не отвѣтствовалъ мнѣ.“

Чтобы понять это сокрытіе Возлюбленного и безплодность исканія Его, надо взять во вниманіе, что духъ живой и оживляющій, которымъ живетъ вѣра и любовь къ Господу, осѣпляетъ или одушевляетъ только Христово или то, что мыслится съ Нимъ и по Нему, а все, что бы ни было мыслимо и совершаемо внѣ Христа, становится уже мертвешно плотскимъ, грѣховно душевнымъ, а не духовнымъ; а Христосъ именно виновность и смертоносность всего этого плотскаго и душевнаго и подъялъ на Себя. Представьте же теперь вѣру и любовь къ Нему, устремляющуюся найти и приять Его

именно какъ вземлющаго (*) на Себя эту грѣховную виновность и смертоносность всего плотскаго и душевнаго, найти и принять Его, значить, въ самыхъ темныхъ средахъ плотскаго и душевнаго. . . . Чтоже прежде всего встрѣтитъ такая вѣра и любовь къ Господу, какъ не одинъ мракъ и смрадъ этого плотскаго и душевнаго? Не смѣя отвращаться отъ грѣшныхъ и заблуждающихъ людей, за которыхъ Христосъ умеръ, или осуждать міръ, который самъ Христосъ пришелъ еще не судить, а спасти, вѣра и любовь къ Господу не могутъ, однако, закрывать для себя растлѣнности и боговраждебности мірской, богопротивности заблуждений человѣческихъ; не могутъ отрицать и ослаблять того, что все, даже кажущееся возвышеннымъ, благороднымъ и благотворнымъ, насколько мыслимо и исполняемо въ Христа, не поднимается уже выше плотскаго и душевнаго. Иначе самые опыты, горькіе и тяжелые опыты, удостовѣрятъ въ безотвѣтности всего

(*) Искупительныя страданія и смерть Спасителя совершились *единожды*, но духъ и сила ихъ дѣйствуетъ во все времена. Въ этомъ смыслѣ и молится церковь: *Вземлай грѣхъ міра помилуй насъ! Вземлай грѣхи міра, пріими молитву нашу!*

подобнаго на голосъ о Христѣ, о Его любви, истинѣ и правдѣ.

„Я искала Его и не нашла Его, звала Его и Онъ
не отвѣтствовалъ мнѣ“. . . .

Безчисленные опыты показывали, что подобные призывы и усилія вѣры и любви къ Господу, ищущей его и въ покрытыхъ ночнымъ мракомъ мірскихъ средахъ, вмѣсто соучастія и сочувствія къ себѣ признавались опасными и вредными общественному спокойствію и подвергались, какъ преступленія, строгимъ взыскамъ и извительнымъ, наглымъ толкованіямъ и преслѣдованіямъ:

„Нашли меня стражи ходящіе по городу,
Били меня, изранили меня;
Сняли съ меня верхнюю одежду мою стерегушіе
стену“.

Конечно, и среди такихъ озлобленій невѣста Христовой истины и правды найдетъ къ кому обратиться за участіемъ; не всѣ же на живой голосъ любви, тоскующей по Христовой всеобъемлющей и всеправой истинѣ, останутся безотвѣтными гробами, а найдутся и избранныя души, которыя отвѣтятъ ей, въ началѣ, по крайней мѣрѣ искреннимъ желаніемъ узвать, въ чемъ дѣло, кого и чего она ищетъ, а по-

томъ и готовностію къ соучастію и содѣйствію.
Это и изображается далѣе.

Заклинаю васъ дочери Іерусалима!

(говоритъ озлобленная людьми, но занятая только своимъ Возлюбленнымъ невеста, обращаясь къ подругамъ, собравшимся, видно, на шумъ озлобленія съ участіемъ къ ней)

Если найдете Возлюбленнаго, что же вы скажете Ему?
— что я больна отъ любви къ Нему.

Подруги эти, избранныя души—соучаствующія возлюбленной, отвѣчаютъ ей именно выраженіемъ своего желанія имѣть понятіе о сѣ Возлюбленномъ.

Чѣмъ Возлюбленный твой отличнѣе всякаго возлюбленнаго,

Прекраснѣйшая изъ женщинъ?

Чѣмъ Возлюбленный твой отличнѣе всякаго возлюбленнаго,

Что ты такъ заклинаешь насъ?

Предъ подругами возлюбленная описала безпримѣрную красоту своего небеснаго Друга, Жениха истины и премудрости, возглавляющаго въ Себѣ все небесное и земное, совмѣщающаго въ Себѣ все благое и истинное, а лживое и грѣховное вземлющаго на Себя, и притомъ раскрывшаго эту Божественную, поглощающую

всякое духовное безобразіе, красоту именно въ воспринятомъ Имъ чловѣчествѣ, въ самой даже своей плоти. Таковъ, а не иной, долженъ быть общій смыслъ чувственно-образнаго описанія Его красоты, въ существѣ своемъ духовной, выражающей въ себѣ всю силу Христовой истины и благодати,—красоты, раскрывающей полноту Божества, обитающаго во Христѣ и *тѣлеснѣ* (кол. II, 10).

„Уста Его сладость и весь Онъ красота“,—такъ заключаетъ она свое описаніе красоты Возлюбленнаго, открывающаго въ Себѣ и своемъ словѣ для всякой жизненной среды все благоволеніе Своего Отца и благоухающаго всею полнотою почивающаго въ Немъ Св. Духа.

„Вотъ кто Возлюбленный мой и вотъ кто Другъ мой, дочери Іерусалима“!

И эти дочери святаго града, града великаго Царя небеснаго, какъ, по смыслу ееоократіи, назвалъ Іерусалимъ самъ Господь (Матѹ.) »души вѣрующія, избранныя, управляемыя Всевышнимъ Царемъ,—какъ скоро дано имъ познать или почувствовать, каковъ Божественный Женихъ истины и мудрости,—сейчасъ же присоединяются къ сгарающей любви къ Нему невѣстѣ Его, чтобы вмѣстѣ съ нею искать Его,

не удерживаясь почнымъ мракомъ невѣденія и заблужденій человѣческихъ, ни опасностію жестокихъ оскорбленій и озлобленій отъ самыхъ блюстителей общественнаго спокойствія.

„Куда пошелъ Возлюбленный твой, прекраснѣйшая
изъ женщинъ?

Куда Возлюбленный твой устремилъ взоры?

И мы поищемъ Его съ тобою“.

Но возлюбленной только и недоставало сочувствія и участія другихъ въ ея любви къ небесному ея Другу, чтобы не видѣть уже отдаленія Его отъ земной и жизненной среды, прииимаемаго ею за отдаленіе Его отъ нея самой. Въсто мрачной пустоты городскихъ улицъ теперь, когда нашлись здѣсь и среди почнаго мрака, души готовыя съ нею искать Божественнаго Жениха мудрости и истины, невѣста Его уже чувствуетъ присутствіе Его въ цвѣтущемъ и благоухающемъ саду, среди милій — душъ Его любящихъ, Имъ занятыхъ, и предается живому сознанію своего обладанія Имъ и принадлежности своей Ему.

Возлюбленный мой сошелъ въ садъ свой къ цвѣт-
никамъ бальзамическимъ,

Чтобы попасть въ садахъ и собрать лиліи.

Я принадлежу Возлюбленному моему и Возлюблен-
ный мой мыъ,

Онъ пасущій между лиліями“.

Такъ возлюбленная своею любовію, не задерживаемою уже опасеніями—ни возмутить своего мира, ни замарать своей чистоты чрезъ искапіе своего Всевышняго Жениха и въ земныхъ, мірскихъ средахъ, покрытыхъ почнымъ мракомъ невѣденія и заблужденій, успѣла найти и подвинуть къ Нему и другія, чуткія къ истинѣ, души (*). И когда, такимъ образомъ, невѣста Христова встрѣтила и въ мірскихъ средахъ воспріимчивыя къ Его истинѣ и благодати души, которыя Онъ не замедлилъ обратитъ въ цвѣтники своего сада; то чрезъ это она и возводится своимъ Божественнымъ Другомъ, ею уже обрѣтеннымъ, на такую высоту:

Прекрасна ты подруга моя, какъ Оурса,
Величественна, какъ Іерусалимъ,
Грозна, какъ полки съ знаменами.

И дѣйствительно, когда Христова невѣста станетъ искать и находить своего Божественнаго Жениха и на улицахъ городскихъ или въ самыхъ житейскихъ средахъ, то она и будетъ оказываться чрезъ это открытою сокровищи-

(*) Невѣста наша сочувствующихъ ей *дщерей Іерусалимскихъ*, искавши своего Возлюбленнаго по городскимъ улицамъ ночью и въ этихъ поискахъ уже принявши жестокое оскорбленіе отъ городскихъ сторожей.

цею благодатнаго духа и силы всего истинно-прекраснаго для городской или вообще общественной жизни. И вотъ она прекрасна, какъ **Θурса**—красивѣйшій израильскій городъ. Когда, своею любовію къ Христовой истинѣ и благодати, подвигнетъ и другія вѣрующія души къ совокупному съ собою исканію Божественнаго Жениха истины и мудрости благодатной; она будетъ раскрывать въ себѣ величественный духъ и силу матери подобныхъ душъ, каковъ именно горній Іерусалимъ, (Гал. IV, 26). Когда, притомъ, не задержитъ ея никакой страхъ и озлобленіе со стороны какихъ бы ни было стражей городскихъ, находящихся опасными для общественаго спокойствія тоскливые, безнокійные поиски Христова свѣта во всемъ и для всего; то въ ней разрѣшится или раскроется духъ истинной стражи общественаго блага и спокойствія, стражи воинственно-грозной для всего разрушительнаго и губительнаго людямъ. Вотъ что даруетъ Господь Своей возлюбленной Своимъ вседѣйственнымъ словомъ, что она прекрасна, какъ красивѣйшій въ Израилѣ городъ, величественна, какъ святой городъ великаго Царя небеснаго, грозна какъ цѣлое воинство съ знаменами.

Мало этого; Господь обозначившійся воззрѣ-

пія Своей возлюбленной, (возрѣнія вѣры и любви къ Нему, какъ къ истинѣ всеобъемлющей и премудрости всеуясняющей и оживляющей—даже и среди самыхъ почныхъ мраковъ заблужденій и невѣденія людей, возрѣнія, одушевляемые и направляемые общеніемъ въ Его человеколюбивомъ самопожертвованіи за невѣдающихъ и заблуждающихъ грѣшниковъ), снабжаетъ такою чудною силою, которая непреодолимо привлекаетъ Его не только къ ней, но и ко всему по ея желанію. Онъ, напримѣръ, хотѣлъ бы праведно отвратиться отъ незнающихъ и забывающихъ Его, но очи возлюбленной обращаются къ Нему, какъ вземлющему именно грѣхи грѣшныхъ и взыскующему потому потерянное, спасающему погибшихъ, которыхъ она отстаиваетъ, по участію въ Его же любви, самой собою,—побораютъ всесвятую Его правду и влекутъ милующую любовь Его къ совершенно недостойнымъ:

„Отклони отъ меня очи твои, ибо они побираютъ
меня“....

И это однако такъ пріятно Ему, что послѣ нѣсколькихъ изображеній достоинства возлюбленной, указывающихъ на отраженіе ея красоты въ прекрасныхъ предметахъ природы, Онъ

представляет ее единственною и изъ прекрасныхъ личностей, возносимою ими самими:

“Есть шестьдесятъ царицъ

И восемьдесятъ наложницъ и дѣвицъ безчисленное
множество;

Но голубица моя, чистая моя есть единственная,
Единственная у матери своей.

Видятъ ее дѣвицы и ублажаютъ;

Царицы и наложницы и восхваляютъ ее,

Въ объясненіе этого, надо имѣть въ духовномъ соображеніи то, что насколько душа вѣрующая блюдетъ свою чистоту и безпорочность, она—дѣвица, и такихъ у Господа, вѣдущаго своихъ, безчисленное множество; а насколько сообщна она любви Его къ міру, по только въ томъ или другомъ отношеніи, въ другихъ же отношеніяхъ чуждается ея, (какова, напримѣръ, душа челоѡколюбивая въ отношеніи или только къ достойнымъ, или къ страждущимъ виѣшними только болѣзнями и скорбями, а не духовными язвами и тому под.), это еще какъ бы наложница, а не жена, которая вполнѣ раздѣляетъ со Христомъ любовь Его къ міру, любовь Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра; а насколько душа входила бы въ общеніе этого царственнаго челоѡколюбія Господня, чтобы побѣждать міръ и властвовать

имъ чрезъ понесеніе на себѣ виновности и смертопосности мятежнаго его зла, это ужъ жена—царица, — у Господа нашего довольно и этихъ двухъ родовъ душъ вѣрущихъ. Но возлюбленная, бодрствующая надъ сохраненіемъ своей непорочности, соучаствующая челоуѣколюбію своего Возлюбленнаго въ разныхъ отношеніяхъ, подвергающая себя и озлобленіямъ съ Христовымъ самопожертвованіемъ, проходившая еще такой чрезвычайный опытъ и подвигъ любви, что когда Возлюбленный самъ же вызвалъ ее отъ мирнаго успокоенія и однако скрылся отъ нея, не внимая воплямъ ея и даже оставивъ ее среди мрака на жертву оскорбленій и жестокихъ обидъ (равно и вѣншихъ и духовныхъ), не усумнилась въ Его любви, не колебалась и въ своей любви къ Нему, а напротивъ и другихъ подвигла къ соучастію и содѣйствию своей любви, ищущей Возлюбленнаго въ темныхъ и пустыхъ городскихъ улицахъ и средахъ житейскихъ, слѣдящей Его истину и премудрость и въ ночномъ мракѣ челоуѣческихъ заблужденій, невѣденія, мірской суетности и лживости. Вотъ что значитъ быть единственною у матери спасаемыхъ душъ—благодати, достоуважаемою и дѣвицами и наложницами и царицами! Вотъ къ чему ведетъ Го-

сподь свою невѣсту — святую церковь! Что касается до отдѣльныхъ личностей или душъ вѣрующихъ, есть честнѣйшая самихъ херувимовъ и славнѣйшая безъ сравненія серафимовъ—Матерь Бога нашего, единственная изъ всѣхъ праведныхъ, но во Христѣ заступница всѣхъ грѣшныхъ.

Таковъ третій отдѣлъ „Пѣсни пѣсней“. На сколько впередъ, сравнительно съ двумя прежними отдѣлами, раскрылось здѣсь дѣло любви между возлюбленною и небеснымъ ея Другомъ, — объ этомъ пѣтъ нужды и говорить, — это ясно само собою: выяснилось уже теперь безпримѣрное, единственное достоинство *невѣсты* — *жены Агнчей* (Апок. XXI, 9).

Въ послѣднемъ отдѣлѣ „Пѣсни пѣсней“ содержится слѣдующее. Возлюбленная, достойно выдержавъ предъидущее тяжелое искушеніе, является въ особенномъ свѣтѣ и величіи (VI, 10); но въ самомъ ея достоинствѣ открывается поводъ къ новому ея испытанію со стороны уже обольстительной. Она идетъ въ садъ для пріятнаго наблюденія за цвѣтущею и плодоносною растительностію (11 ст.); ей неожиданно представились колесницы знатныхъ изъ роднаго ей

народа (12). Они выражаютъ желаніе полюбоваться на ея красоту, но она возражаетъ противъ этого льстиваго желанія холоднымъ вопросомъ, что имъ смотрѣть на нее (VIII, 1). Въ отвѣтъ на это слышитъ она самыя живыя и роскошныя хвалы своей красотѣ съ желаніями насладиться благоуханными плодами и прекраснымъ виномъ этой ея красоты (2—10); но и этимъ справедливымъ и искреннимъ, но опаснымъ, привѣтомъ она противопоставляетъ свое увѣреніе, что все духовное ея вино и она сама принадлежитъ Возлюбленному. Его она и молить придти къ ней, обѣщая изъяснить Ему ласки любви своей и завѣряя въ сбереженіи для Него одного старыхъ и новыхъ плодовъ своего сада (12 — 14). При этомъ она выражаетъ желаніе свободно и открыто наслаждаться Его любовію, учиться у Него, а Его утѣшать своимъ виномъ (VIII, 1, 2); за тѣмъ и успокоивается въ благодатныхъ Его объятіяхъ и подъ Его охраненіемъ (3, 4). Такъ преобѣдила она испытаніе обольстительныхъ чужихъ похвалъ и привѣтовъ, и потому явилась окончательно убѣжденною отъ первоначальнаго очерпленія, опираясь единственно на Божественномъ своемъ Другѣ, такъ дивно ее руководящемъ (5). За то она достигла та-

кого самосознательнаго совершенства, что въ своей любви признаеть силу, разбудившую и самаго Друга ея, итѣмъ неугасимый пламень Іеговы и превышающее всякія богатства сокровище (6 — 7), и вмѣстѣ вступила въ такую самостоятельность духовную, что совсѣмъ устраняетъ опеку надъ собой братьевъ своихъ, соблюдая свой виноградникъ съ изобильною прибылью для Царя мудрости—своего Возлюбленнаго (8 — 12), который и спѣшитъ къ ней по горамъ благовопія (13, 14).

Сущность дѣла во всемъ этомъ отдѣлѣ ясна. Потому намъ довольно будетъ только обозначить эту сущность и ходъ дѣла въ прямомъ приложеніи къ невѣстѣ Христовой и Божественному Жениху. И такъ какъ здѣсь не только самъ Женихъ представляется въ образѣ и съ именемъ премудраго Соломона, но и его сестра—невѣста названа такимъ именемъ, въ которомъ слышенъ отзвукъ имени того же мудрейшаго изъ Царей: то въ Возлюбленномъ и возлюбленной намъ особенно надо имѣть въ виду черты, соотвѣтственныя истинѣ и мудрости.

Послѣ того, какъ возлюбленная среди ночнаго мрака мірскихъ заблужденій прошла путь оскорбленій и озлобленій въ исканіи скрывавшагося отъ нея Возлюбленнаго и подвигла дру-

гихъ къ совокупному съ нею исканію Его, она является именно въ раскрытомъ для нея и ею усвоенномъ свѣтѣ Христовой истины, не только разсѣвающей тьму ночную, подобно зарѣ или лунѣ, но и все всюду разъясняющей, какъ солнце, и грозной для всякой враждебной лжи и жестокаго невѣжества, подобно ополченному воинству.

„Кто это произникаетъ какъ заря, прекрасная какъ
луна,—

Свѣтлая какъ солнце, грозная, какъ полки съ
знаменами,?

Отъ того естественно, что при живомъ вниманіи такой невѣсты истины и мудрости Христовой къ развитію и разцвѣту всего свѣжаго, обѣщающаго богатые плоды въ будущемъ, она и сама привлекаетъ къ себѣ, противъ всякаго своего ожиданія и желанія, уважительное до восторженности вниманіе всѣхъ, понимающихъ прекрасное и высокоразумное,—этихъ знаменитостей въ народѣ, родномъ Христовой невѣстѣ. Это пересказываетъ сама она:

Сошла я въ орѣховый садъ,

Посмотрѣть на зелень при потокѣ,

Поглядѣть, разцвѣтастъ ли виноградная лоза,

Цвѣтутъ ли гранатовыя яблони.

И чего не ожидая, души моей представилась

Колесницы знаменитыхъ въ народѣ моихъ. . .

Оглянись, оглянись, Суламита!

Оглянись, оглянись; дай намъ посмотрѣть на тебя.

Къ подобнымъ голосамъ охотно бы склонили свой слухъ тѣ, которые любятъ и умѣютъ болѣе казаться, чѣмъ быть. Не такова невѣста, сомненная Царю истины и мудрости — своему Возлюбленному; она прекрасна красотою самой истины и мудрости, а не красотою только на показъ:

„Что вамъ смотрѣть на Суламиту

Какъ будто на хороводъ монашескій“?

Такой отказъ возлюбленной выставить себя на показъ желающимъ восхищаться ея красотою вызвалъ только новые восторженные голоса, провозглашающіе блистательную красоту ея — съ ногъ до головы. Что дальнѣйшее провозглашеніе красоты ея принадлежитъ, дѣйствительно, не самому Возлюбленному, а стороннимъ зрителямъ, очевидно изъ того, что невѣста отвѣчаетъ отрицательно или съ недовольствомъ на это провозглашеніе (10 въ Евр.), и потомъ только еще призываетъ Возлюбленнаго придти къ ней (12). Общая мысль провозглашенія или изображенія красоты невѣсты Христовой такая же, безъ сомнѣнія, какую выражаютъ въ „Пѣсни пѣсней“ и дру-

гія подобныя изображенія; изображается красота въ существѣ дѣла духовная, состоящая въ усвоеніи невѣстою Христовой правды, мудрости, любви и проч., но раскрывающаяся и во виѣ не только въ дѣлахъ, но и въ самой тѣлесности человѣческой, насколько она сообразуется соучастна тому же, ставшему плотию, Богу Слову Христу. Такъ, напримѣръ, возьмемъ во вниманіе изображеніе самыхъ ногъ невѣсты Христовой:

„О какъ прекрасны ноги твои въ сандаліяхъ, дщерь
высокородная“!

Сущность дѣла здѣсь духовная, которая, по отношенію къ ногамъ, въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ полагается въ готовности идти всюду благовѣствовать миръ Христовъ. „Какъ прекрасны ноги благовѣствующихъ миръ“, взывалъ еще Исаія (LII). „Станьте, внушаетъ христіанамъ Ап. Павелъ, станьте, обувъ ноги въ готовность благовѣствовать миръ“ (Ефес. VI, 14 — 15). Это дѣйствительная, дивная красота ногъ готовыхъ идти во всякую среду — съ словомъ Христовой благодати, дающей миръ всѣмъ, или вводящей все въ гармонію мира (*).

(*) Сколько то зависитъ отъ самой благодати. Но само собою разумѣется, что не всѣ пріемлютъ благо-

Эта красота духовная: но на нее намекаетъ вѣрѣ восхищающая иногда и цѣломудренный взглядъ красота тѣлесныхъ ногъ, съ чего и взять образъ въ настоящемъ мѣстѣ „Пѣсни пѣсней“. Да и въ самомъ дѣлѣ, простую обувь можно и прилично христіанину надѣвать на ноги и носить на этихъ тѣлесныхъ ногахъ съ мыслию и движеніемъ готовности благоговѣствовать и выдерживать со всѣми и во всемъ мирѣ Христовъ, осѣняющій все человѣческое и чуждый только мятежной враждебности грѣха, извращающаго человѣчество. Рано или поздно признаютъ всѣ истинно прекраснымъ это направление мира, не отвергающее и не пренебрегающее ничего человѣческаго, кромѣ грѣха, и обѣщающее привести христіанскій міръ къ единенію всеобщему во вселенской православной церкви. Восхищеніе такою красотою ногъ невѣсты Христовой и выражается въ этихъ словахъ:

„О какъ прекрасны ноги твои въ сандаліяхъ“!

Или вотъ еще возьмемъ изображеніе головы невѣсты, сдѣланное тѣми же, восхищенными ея красотой, зрителями:

датный міръ и потому не все входитъ въ гармонію этого мира.

Голова твоя на тебѣ, какъ Кармилъ;

И волосы на головѣ твоей, какъ пурпуръ.

Царь связанъ сими ниспадающими водопроводами.

И здѣсь сущность дѣла духовная, но раскрывается во внѣ до самой тѣлесности. Вникнемъ въ это какъ слѣдуетъ. Если глава жены мужъ, то и глава невѣсты—жены Агнчей есть самъ Агнецъ Божій Христосъ, возглавляющій въ Себѣ все небесное и земное (Ефес. I), главенствующій *всakoю властію на небеси и на земли* (Мат. XXVIII, 18) такъ боголѣпно — прекрасно, что все доброе исходитъ отъ полноты Его благодати, а все худое Имъ взято и понесено на Себѣ самомъ (*). Невѣста — жена Агнца, входя своею мыслию и сердцемъ въ такую властительную силу Его любви, чрезъ это и имѣетъ Его своею головою, дѣйствительно чудно красивою, какъ прекраснѣйшая изъ горъ святой земли (**). — Волосы на головѣ, лучеобразно исходящіе изъ нея, составляютъ самый естественный и выразительный символъ

(*) Не такъ, конечно, чтобы худое или зло перестало быть зломъ тамъ, гдѣ оно свободно и даже упорно держится людьми. Въ этомъ случаѣ благодать Христовыхъ страданій отвергается людьми до того, что ими Христосъ *второе распинается*.

(**) Кармилъ—красивѣйшая изъ Іудейскихъ горъ.

мыслей, въ которыхъ, какъ въ лучахъ своихъ, свѣтится умъ, имѣющій главное свое сѣдалище или органъ въ головѣ. Мысли невѣсты, входящей въ силу любви своего Божественнаго Жениха, главенствующаго надъ всѣмъ такою прекрасною властію, что добро во всемъ исходитъ отъ Него, а зло или грѣхъ Имъ взятъ на Себя,—истинно подобны царственному пурпуру; и такими мыслями вѣры и любви невѣсты Своей Царь благодати, Царь истины и мудрости, объемлется очевидно весь въ Своей чудной царственной власти по отношенію и къ добру и къ злу мірскому. Въ этомъ и состоитъ глубокій смыслъ этихъ словъ: „волосы на головѣ твоей какъ пурпуръ; Царь связанъ ими“. Если же, еще, эти мысли Христовой невѣсты (одну ли истинно вѣрующую душу разумѣть подъ такимъ именемъ или церковь) будутъ выражаемы въ такомъ словѣ, которое бы освѣжало и оживляло міръ подобно живой водѣ; то, служащіе символомъ такихъ мыслей, прекрасные волосы невѣсты Христовой были бы точно водопроводы, испадающіе съ высоты любви Христовой на всѣ мірскія среды: „Царь связанъ ими испадающими водопроводами“! Такая духовная красота головы съ волосами, у невѣсты Христовой, благодатно на-

знаменуется для духовнаго и чистаго взора красотою даже виѣшняго вида головы и ея волосъ. Дай, Господи, убирать намъ и самую голову и волосы съ движеніемъ вѣры, обращенной къ Божественному Жениху нашихъ душъ—Агнцу Божію, вземлющему грѣхъ міра и источающему отъ Себя все благое, истинное и прекрасное для міра. Подобное направленіе вѣры и любви къ Господу, стремящееся къ духовному совершенству святой и премудрой любви Христовой къ міру и человѣку, но выражающееся изъ внутренней глубины духа нашего до самой тѣлесности и виѣшности нашей, рано или поздно найдетъ это восторженное къ себѣ сочувствіе:

Голова твоя на тебѣ, какъ Кармилъ;

И волоса на головѣ твоей, какъ пурпуръ;—

Царь связанъ сими испадающими водопроводами“.

И до того глубоко и истинно сочувствіе къ Христовой невѣстѣ, выражаемое восторженными созерцателями ея красоты, что въ немъ, по видимому, открывается любовь самаго ея Возлюбленнаго:

„Какъ ты прекрасна и какъ привлекательна, возлюбленная, въ пріятностяхъ“!

Притомъ еще видно и то, что восхищеніе возлюбленною, ощущая духовную ея возвышен-

ность и стройность, одушевлено стремленіемъ также возвышаться при ея помощи, пользоваться ея совершенствами для своего оживленія или по крайней мѣрѣ утѣшенія:

Этимъ станомъ своимъ ты похожа на пальму

.

Я подумалъ: взошелъ бы я на пальму

.

„И отъ ноздрей твоихъ благоухало бы яблоками,

И изъ устъ твоихъ лилось бы словно вино отличное“...

Но, не смотря на все это, возлюбленная, сама прежде искавшая сочувствія и содѣйствія себѣ другихъ въ исканіи Божественнаго Жениха, теперь съ недовольствомъ и отрицательно отзывается на сочувствіе восхищающихся собственнымъ только ея достоинствомъ и красотою. Она хочетъ служить утѣшеніемъ и радостію единственно для самаго своего Божественнаго Друга, въ наслажденіи и успокоеніи взаимной ихъ любви:

„Нѣтъ! Оно (т. е. вино изъ ея устъ) потечетъ
прямо къ Возлюбленному,

Будетъ тихо вливаться въ уста спящихъ“.

Видно, что истинная невеста Христова, этотъ новый Іерусалимъ (Апок. XXI, 2, 9, 10), не походитъ на Іерусалимъ Вѣтнаго Ізраиля,

съ которымъ нѣкогда, по изображенію Пророка Іезекііля, Господь Іегова „вступилъ въ союзъ“, какъ съ Своею избранною и возлюбленною невѣстою (Іезек. XVI, 8). И вотъ что случилось съ этою избранницею, по слову Божію чрезъ того же Пророка: „и пошла по народамъ молва о красотѣ Твоей; потому что она была вполне совершенна при томъ великолѣпномъ парадѣ Моемъ, который Я возложилъ на тебя, говоритъ Господь Іегова. И ты понадѣялась на красоту свою и, восхищаясь молвою о себѣ, стала блудить со всякимъ мимопроходящимъ, какъ никогда не бываетъ“ (Тамже ст. 14, 15). Истинная Христова невѣста, осуществляя въ себѣ не глупыхъ, а мудрыхъ дѣвъ, и будучи сама сестрою—невѣстою Царя мудрости, не падѣется неразумно на красоту свою и рѣшительно не хочетъ восхищаться молвою о себѣ, восторженными привѣтами и хвалами своей красотѣ. Раскрывая въ себѣ полноту благодати и истины самаго Христа, какъ благодатное тѣло Его отъ плоти Его и отъ костей Его (Ефес. V, 30), она видитъ въ себѣ только Его собственность, воздѣльную для Него:

„Я принадлежу Возлюбленному моему,
И ко мнѣ желаніе Его“.

Слова эти имѣютъ особенную знаменательность, если сообразить ихъ съ словами Божія суда надъ первою, падшею въ грѣхъ женою. „И къ мужу твоему возсудельнѣе твое, сказано было ей, и онъ будетъ господствовать надъ тобой (III, 16). Христова благодать такова, что Онъ самъ имѣетъ „желаніе“ къ своей возлюбленной, и потому она чувствуетъ только радость и блаженство принадлежать Ему. Она потому и призываетъ Его къ себѣ, желая только съ Нимъ наслаждаться красотою и роскошью благодатно-живой духовной растительности, только съ Нимъ наблюдать, съ ласками любви своей къ Нему, процвѣтаніе и благоуханіе духовныхъ садовъ, и сберегаетъ только Ему всякіе свои превосходные плоды:

„Приди, Возлюбленный мой, выйдемъ въ поле, переночуемъ на киперахъ.

Поутру вставши пойдѣмъ къ виноградицамъ,
Посмотримъ, распускается ли виноградная лоза,
Раскрывается ли цвѣтъ ея, цвѣтутъ ли гранатовыя
яблони,

Тамъ изъявлю Тебѣ ласки любви моея.

Мандаринъ издаетъ благовоніе;

И у дверей нашихъ всякіе плоды превосходные
Новые и старые, Возлюбленный мой, я сберегла
Тебѣ“.

Выраженіе о сбереженіи для Возлюбленнаго

старыхъ и новыхъ плодовъ напоминаетъ Христовы слова о слушающихъ и понимающихъ притчи Его: „всякій книжникъ, наученный царству небесному, подобенъ хозяину, который выноситъ изъ сокровищницы своей новое и старое“ (Мат. XIII, 52). *Старое* въ приточной рѣчи—это есть ея образность, свойственная ветхозавѣтной еще пріемлемости вѣры; *новое*—это истина и благодать Новаго Завѣта, выражаемая притчами. У понимающаго Христовы притчи, какъ у умнаго хозяина, находится въ цѣлости и живомъ употребленіи и *новое*—благодатная истина и *старое*—образность притчей. Такъ видно и у невѣсты истины и мудрости Христовой, какъ у домовитой хозяйки, сбережены будутъ для Господа въ свѣжей духовной цѣлости и въ живомъ благодатномъ употребленіи плоды какъ *новые*—плоды Христовой истины и благодати, не только принимаемой и раскрываемой въ своемъ существѣ, но проводимой во все земное и воспринимаемой во всѣхъ жизненныхъ средахъ (*), такъ и *старые*—изна-

(*) Само собою разумѣется, что между этими новыми плодами главное мѣсто принадлежитъ всему благодатно-церковному, соблюдаемому и раскрываемому въ жпвой своей силѣ.

чальныя еще предъявленія и предъизображенія Христова пришествія и царства въ средахъ земныхъ, семейно-патріархальныхъ, народныхъ, гражданскихъ, въ предметахъ видимой природы, въ обстоятельствахъ и отношеніяхъ обыкновенной жизни (*). Всѣ эти предощущенія, предъявленія и предъизображенія Христа и Его благодати живо припомянутся и будутъ воспроизводимы въ самомъ своемъ существѣ—въ духѣ и истинѣ, когда во все жизненное будемъ проводить Христову истину и благодать. Это будутъ превосходные и драгоценные въ очахъ Господа плоды, какіе сберегаетъ для Него возлюбленная Его невеста—святая церковь, эта благодатная совокупность душъ святыхъ или освящаемыхъ,—какіе (плоды) должна сберегать и всякая изъ вѣрныхъ Христу душъ.

Но и на этой высотѣ любви своей не останавливается возлюбленная, но, *забывая заднее, простирается впередъ* (Филип. III, 13). Она стремится достигнуть такого совершенства любви, о которомъ сказано: „въ любви нѣтъ страха,

(*) Сюда же могутъ быть отнесены и всякія предощущенія или инстинктивныя ощущенія Христовой благодати и истины, какія найдутся и въ другихъ областяхъ—наприм. философіи, поэзіи и проч.

но совершенная любовь изгоняетъ страхъ; потому что въ страхъ есть мученіе. Боящійся не совершенъ въ любви“ (Іоан. IV, 18). Она, не склоняя своего вниманія къ чужимъ хваламъ себѣ, не хотѣла бы задерживаться и обезпокоиваться, въ самой любви къ своему Возлюбленному, никакими опасеніями, никакою боязливою мнительностію и осторожностію со стороны всякихъ чужихъ взглядовъ и толковъ:

О если бы Ты былъ мнѣ братъ

Сосавшій грудь матери моей!

Тогда я, и на улицѣ нашедши Тебя, ласкала бы Тебя,

И меня не осуждали бы...

И цѣль ея при этомъ такая, чтобы свободно, подъ материнскимъ кровомъ, конечно, самой благодати (1, 5), вразумляться отъ своего Божественнаго Друга истины и премудрости, радуя Его въ тоже время своею любовію:

„Поведу Тебя, введу Тебя

Въ домъ матери моей. Ты будешь учить Меня,

А я Тебя буду поить ароматнымъ виномъ,

Сокомъ гранатовыхъ яблокъ моихъ“.

Въ такомъ настроеніи любви своей возлюбленная и успокоивается подъ непосредственнымъ охраненіемъ своего Друга, поручающаго

беречь ея покой и подругамъ ея, соучастницамъ ея же духа:

Лѣвая рука Его у меня подъ головою,
А правая Его рука обнимаетъ меня.
Заклинаю васъ, дочери Іерусалима,
Не будите и не тревожьте возлюбленную,
Докогда не восхощетъ.

И вотъ такимъ образомъ она, сама себя сознавая сначала очерненною и вмѣстѣ находящеюся въ стѣснительномъ для нея отдаленіи отъ своего Возлюбленнаго (1, 5, 6), наконецъ является убѣленною и опирающеюся прямо на самаго своего небеснаго Брата-Друга:

„Кто это восходящая убѣленною (*),
Опирающаяся на Возлюбленнаго своего“?

Близна ея въ противоположность выносимому ею прежде очерненію отъ солнечнаго зноя зна-

(*) Съ Еврейск. „отъ пустыни“, подобно какъ выше (III, 6). Но по сличенію съ начальнымъ состояніемъ не-вѣсты, какъ очерненной (I, 5), въ настоящемъ уже окончательномъ ея изображеніи представляется болѣе точнымъ чтеніе, какому слѣдовали 70 толковниковъ: „убѣленная“. — Примѣчательно, что и въ другихъ чертахъ настоящее состояніе возлюбленной противопоставляется отчасти первоначальному ея состоянію.

ній, чуждающихся Христа или односторонней нечеловѣколюбивой ревности по самой Христовой истинѣ, конечно, должна блистать предъ міромъ человѣколюбивою и всеобъемлющею свѣтлостію истины Христовой. Такъ неvěста Христова признаетъ, что своею неудержимою и ничѣмъ незадерживающеюся любовію къ Божественному Жениху, молитвенно и дѣятельно искавшею Его и среди почпаго мрака по пустымъ улицамъ городскимъ, при опасностяхъ и озлобленіяхъ, она успѣла возбудить истинный духъ Его, привести благодать Его въ живое движеніе, провести истину Его въ самыя низменныя среды (ибо иначе какъ она могла разбудить неусыпно надъ нами борствующаго Господа?):

„Я подъ этою яблонію разбудила Тебя“.

Очевидно, что это могло совершиться не иначе, какъ при тѣхъ материнскихъ тяжелыхъ болѣзняхъ рожденія, о которыхъ сказалъ Апостоль: „дѣти мои, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ“ (Гал. IV, 19). Эти духовныя болѣзни рожденія, — какими возбуждается и въ омертвѣлыхъ душахъ духъ Христовъ и проводится Его истина въ самыя низкія, далекія среды,

воспроизводятъ въ себѣ силу тѣхъ мукъ рожденія, при которыхъ поражаюсь всемірное спасеніе въ Христовомъ крестѣ и о которомъ самъ Отецъ, предъ Своимъ распятіемъ за міръ грѣшный, сказалъ Своимъ ученикамъ: „женщина, когда рождаетъ, терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея: но когда родитъ младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человекъ въ міръ. Такъ и вы теперь имѣете печаль“ и проч... (Іоан. XVI, 21, 22). Именно такія, а не другія материнскія муки рожденія разумѣетъ возлюбленная (ибо рождество Господа отъ Матери—Дѣвы, какъ безгрѣшное, было безболѣзненно):

Тамъ родила тебя мать Твоя,
Тамъ болѣзовала родительница Твоя.

Совершенно подобное этому изображеніе мукъ рожденія встрѣчается въ Апокалипсисѣ (*): „жена облеченная въ солнце... имѣла во чревѣ и кричала отъ мукъ и боли рожденія... и родила она младенца мужескаго пола, которому надлежитъ пасти всѣ народы жезломъ желѣзнымъ“

(*) См. ниже въ обзорѣ Апокалипсиса, въ четвертомъ отдѣлѣ. Это мѣсто откровенія слишкомъ близко примѣняется къ намъ....

(Апок. XII, 1, 2, 5). Части всѣ, даже и непокорныя, народы жезломъ желѣзнымъ принадлежатъ одному Господу. И потому материнскія боли рожденія суть тѣ скорби и подвиги любви къ Господу, чрезъ которые Онъ Своею благодатію и истинною воображается и вселяется въ людяхъ какой-бы ни было, далекой отъ Него, среды—какъ при первоначальномъ ихъ обращеніи ко Христу, такъ и при возбужденіи въ нихъ Христовой жизни въ послѣдствіи.

Сообщная духу и силѣ такой любви къ Господу, всюду Его ищущей и умѣющей всюду же обрѣтать Его, невѣста Его ощущаетъ уже совершенно безбоязненное дерзновеніе любви къ Нему и сознаетъ всю несокрушимую силу и несравненную ни съ чѣмъ безцѣнность этой любви, какъ пламени Божественнаго:

„Положи меня, какъ печать къ сердцу своему,
Какъ перстень на руку свою.
Ибо любовь люта, какъ смерть,
Жаръ ея свирѣтъ, какъ преисподняя;
Стрѣлы ея—стрѣлы огненныя; она пламень Божій.
Большія воды не могутъ потушить любви, и рѣки
не зальютъ ея.
Если бы кто давалъ все богатство дому своего за
любовь,
Его отвергли бы съ презрѣніемъ“.

Являются державшіе прежде Христову невѣсту подъ нѣкоторою духовною опекою, братья ея, которые, сберегая ее, болѣе или менѣе стѣсняли духовную ея свободу (1, 5, 6). Эти ревнители о ея чистотѣ и теперь еще, при такомъ совершенствѣ любви ея къ Господу, смотрятъ на нее какъ не на полновозрастную, и изъясняютъ готовность къ своему заботливому вмѣшательству въ ея положеніе:

„Сестра у насъ мала, и сосцевъ еще нѣтъ у ней.
Если бы она была стѣна,
Мы построили бы башню изъ сребра;
А если бы она была дверь,
Мы обложили бы ее доскою кедровою“.

Стѣна съ башнями даетъ мысль о военномъ укрѣпленіи; *дверь*, которою входятъ и выходятъ, указываетъ на мирный и спокойный ходъ жизни. Потому вмѣшательство ревнителей о благосостояніи возлюбленной таково, что они готовы ради неполновозрастной, какъ имъ кажется, ея немощи какъ подкрѣплять ее противъ всего враждебнаго, такъ и упрочивать ея мирное спокойствіе. Но въ томъ и другомъ отношеніи она уже устраиваетъ вмѣшательство духовной опеки, противопоставляя ей зрѣлую для отраженія враговъ и для наслажденія миромъ духовную свою

самостоятельность, признаваемую самимъ ея небеснымъ Другомъ:

Я стѣна и сосцы мои, какъ башни,
Такимъ образомъ и стала въ очахъ Его, какъ на-
шедшая мѣръ.

Впрочемъ, и при такомъ духовномъ совершенствѣ, она въ сердцѣ своемъ, видно, твердо держитъ слово Христово: „когда исполните все повелѣнное вамъ, говорите: мы рабы ничего не стоящiе; потому что сдѣлали, что должны были сдѣлать“ (Лук. XVII, 10). Она, сама сознававшаяся сначала, что не сберегла прежняго своего виноградника (1, 5), теперь навротивъ открыто сознаетъ цѣлость и богатую плодоносность своего настоящаго виноградника. Но, тѣмъ не менѣе, ставить себя она въ рядъ съ простыми стражами виноградника, обязанными доставлять условленную прибыль хозяину этого виноградника—Царю мудрости и истины, и даже считаетъ себя обязанною щедро расплатиться и съ содѣйствовавшими ей сберечь свой виноградникъ:

„Виноградникъ есть у Соломона.
Онъ ввѣрилъ этотъ виноградникъ стражамъ;
Каждый долженъ доставлять за плоды его тысячу
сребреениковъ.

Виноградникъ мой, какой есть у меня, предо мною;

Тебѣ, Соломонъ, тысяча,
И двѣсти стрегущимъ плоды его“.

Изъ слѣдующихъ за этимъ словъ Возлюбленнаго, что сотоварищи внимаютъ голосу возлюбленной, видно, что она здѣсь продолжала рѣчь свою къ тѣмъ братьямъ своимъ, которые готовы были бы продлить свою стѣснительную надъ нею опеку. Итакъ, устраняя ихъ вмѣшательство, она тѣмъ не менѣе считаетъ себя обязанною ими и оказывается дѣятельно благодарною предъ ними. Только ужъ не ихъ признаетъ распорядителями своего виноградника, какъ прежде (*), а себя, по довѣрію ей виноградника отъ самаго тезоименнаго мудрости Царя—именно своего Божественнаго Друга; ихъ считаетъ уже только стрегущими плоды своего виноградника. Такъ, безъ малѣйшаго ослабленія въ себѣ смиренія и любви, певѣста Христова рѣшительно не терпитъ на себѣ духовно-рабскаго ига и въ себѣ духа рабскаго, оставляя это духовное рабство жестоковѣчному ветхому Іерусалиму, по слову Писанія: „Высшій Іерусалимъ свободенъ... изгони рабу и сына ея: ибо сынъ рабы не будетъ на-

(*) Сыны матери моеѣ прогнѣвались на меня, говорила она прежде, поставили меня стеречь виноградникъ.

слѣдникомъ вмѣстѣ съ сыномъ свободной“ (Гал. IV, 25 — 31). И это твердое направленіе духовной благодатной свободы такъ безцѣнно въ глазахъ Божественнаго Жениха, цѣною собственной крови купившаго для нея эту свободу, что Онъ самъ относится къ ней уже какъ къ свободной, желая внимать свободному голосу изъ ея устъ и признавая какъ бы ея стихіей садовую свѣжесть свободно-развивающейся жизни:

„Жительница садовъ!

Сотоварищи внимаютъ твоему голосу;

Позволь и мнѣ послушать“ (Позволь: такъ обращаются даже къ властительно-свободнымъ).

И она теперь находитъ уже не горы раздѣленія между собою и своимъ Возлюбленнымъ, но горы духовныхъ ароматовъ, не раздѣляющія, а соединяющія ихъ между собою. Духовные ароматы благоухаютъ всѣмъ, „что только есть истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродѣтель и похвала“ (Филип. IV, 8), что есть *единъ духъ съ Господомъ* (1 Кор. VI, 17). По благодатнымъ возвышенностямъ этихъ ароматовъ принестись къ себѣ возлюбленная и молить своего Возлюбленнаго:

Скорѣе, Возлюбленный мой!
 Несися подобно сернѣ
 Или оленю юному
 По горамъ благовоній!
Тѣмъ и кончилась „Пѣснь пѣсней“.

Невѣста Христова! невѣста Его истины и мудрости! Въ какомъ бы отдаленіи отъ своего Божественнаго Жениха и Друга ты ни чувствовала себя въ то или другое время, какъ ни стѣсняема была бы ты иногда господствующимъ направленіемъ—или истину понимать и искать не въ твоёмъ Возлюбленномъ—не во Христѣ, или самую Христову истину разумѣть и усвоить не въ человеколюбивомъ и всеобъемлющемъ ея духѣ: только не ослабѣй въ своей мысли и стремленіи къ Царю истины и мудрости, влекущему тебя къ Себѣ. Ищи свѣта Его, свѣтящагося и въ почныхъ мракахъ невѣденія и заблужденій человѣческихъ; ищи Его по темнымъ и пустымъ жизненнымъ средамъ, хотя бы съ опасностью жестокихъ для тебя оскорбленій и озлобленій. Имѣй въ виду Его одного, вмѣняя все воѣ Его въ тщету, ни къ чему не годную; такъ какъ дѣйствительно Онъ есть живая и животельная истина всего, по отрѣшенію отъ ко-

торой все теряетъ свою существенность, оставаясь только тѣнью ея, пустотою. И уже не склоняй своего слуха и вниманія къ льстивымъ хваламъ твоему достоинству; все свое лучшее сознавая Христовымъ, Ему же одному и будь утѣшеніемъ и радостію. Такою силою неотпадающей любви къ Господу и въ Немъ къ людямъ будешь умѣть возбуждать духъ Христовъ и въ отдаленныхъ отъ Него людяхъ и средахъ, и достигнешь нестѣсняемой ничѣмъ свободы единенія съ Царемъ истины и мудрости—Господомъ, раскрывая въ Немъ для себя „всѣ сокровища премудрости и знанія“ (Кол. II, 3).

III

ОБЩІЯ СООБРАЖЕНІЯ ОБЪ АПОКАЛИПСИСЪ.

Содержаніе и духъ св. книгъ «Плача Іереміи» и «Пѣснь пѣсней» достаточно могутъ служить къ надлежащему, по слову Божію, настроенію въ насъ печали и радости по Господу, въ современномъ состояніи христіанства и міра. Для подкрѣпленія же нашего въ печали и для возбужденія въ насъ радости Господней, прибавимъ къ предшествующимъ очеркамъ сколько возможно краткій и общій обзоръ такой св. книги, которая вся есть торжественное выраженіе этого глагола Господня къ Сіону вѣры и церкви православной: „вотъ Я на рукѣ начерталъ тебя и стопы твои всегда предо Мною“ (Ис. XLIX). Эта книга—Апокалипсисъ Св. Іоанна Богослова.

Замѣчанія о происхожденіи Апокалипсиса отъ Св. Апостола Іоанна Богослова; о времени и обстоятельствахъ его происхожденія; сличеніе этого времени съ нашею современностію.

Свидѣтельства о томъ, что Апокалипсисъ принадлежитъ именно св. Апостолу Іоанну Богослову, и потому относится къ Боговдохновенному писанію, идутъ отъ времени, самаго близкаго къ Апостолу. Такъ, объ этомъ свидѣствуютъ: изъ 2-го вѣка св. Ирипей (*), очевидецъ и слушатель св. Поликарпа, бывшаго ученикомъ св. Іоанна Богослова, также св. Іустинъ мученикъ (**), бывшій тоже отчасти современникомъ мужей Апостольскихъ, потомъ Мелитонъ Сардійскій, написавшій, по свидѣтельству Евсевія и Іеронима, цѣлую книгу объ Апокалипсисѣ, да еще Климентъ Александрійскій (***), Тертуліанъ, ссылавшійся (противъ еретика Маркіона, непринимавшаго Апокалипсиса) на признаніе подлин-

(*) Haer. L. 4. c. 20. § II. L. 5. c. 26. § I.

(**) Разгов. съ Трифон.

(***) Strom. L. 6. p. 667. L. 11.

ности этой св. книги „рядомъ епископовъ, нду-
щимъ отъ начала“ (*); изъ 3-го вѣка Ори-
генъ (**), св. Кипріанъ Карѳагенскій (***),
потомъ св. Ипполитъ и Викторинъ, епископъ
Петавійскій, оба писавшіе, по свидѣтельству
Іеронима (Catol. vir. illustr. cap. 61 et 74),
толкованіе на Апокалипсисъ, Меѳодій епископъ
Патарскій, также толковавшій Апокалипсисъ,
какъ видно изъ указаній Андрея Кесарійскаго
(въ его толкованіи на Апокалипсисъ), и друг.
Въ 4-мъ вѣкѣ блж. Іеронимъ, упомянувъ о
нѣкоторыхъ своихъ современникахъ, неприни-
мавшихъ Апокалипсиса (на востокѣ), какъ и
Павлова посланія къ Евреямъ (на западѣ), за-
мѣчаетъ съ твердостію: «но мы принимаемъ ту
и другую книгу, слѣдуя не обычаю нашего вре-
мени, но авторитету древнихъ писателей“ (****).
Св. Аѳанасій великій поставяетъ Апокалипсисъ
Іоанна Богослова въ ряду несомнѣнно-подлин-
ныхъ книгъ слова Божія. Въ V вѣкѣ Кар-
ѳагенскій соборъ поставяетъ „Апокалипсисъ
Іоанна“ въ числъ *писаній Божественныхъ*

(*) Contr. Marcion. 4, 5.

(**) Comment. in Ioan. Oper. Origen. t. IV. p. 17.

(***) De Eleemoz. De bono patient

(****) Epist. ad Dardanum.

или *каноническихъ* (въ 33 прав.). А правила этого собора и Аѳанасіевъ каталогъ священ. книгъ утверждены въ послѣдствіи 6-мъ вселенскимъ (Трульскимъ) соборомъ. Такихъ свидѣтельствъ и довольно для нашего удостовѣренія въ происхожденіи Апокалипсиса отъ Боговдохновеннаго провозвѣстника слова Божія — Апостола Іоанна. А что касается до новѣйшихъ перетолковъ о происхожденіи и значеніи этой священной книги (напримѣръ, Тюбингенской школы, признающей Апокалипсисъ за что-то въ родѣ памфлета христіанъ на начавшую гнать ихъ Римскую имперію), подобные перетолки надо опровергать ужъ не иначе, какъ прямымъ раскрытіемъ въ Апокалипсисѣ явнаго свѣта слова Божія, предназначавшаго заранѣе всю исторію христіанства въ соотношеніи его съ міромъ. Новаго Савла, гонящаго Христову истину, ничѣмъ не переубѣдишь, какъ развѣ открытымъ явленіемъ ему самой истины — Христа, и то въ такомъ только случаѣ, если бы подобные люди искренно любили и добросовѣстно испытывали истину.

Обратимъ теперь вниманіе на самое время, когда дано было Іоанну Богослову откровеніе. Изъ самаго Апокалипсиса видно, что это было время заточенія Апостола на островъ Патмосъ (Апок. I, 9). Но самое заточеніе его на

этомъ островѣ различными относятся къ разному времени. Къ болѣе раннему времени относятся заточеніе св. Іоанна, и потому происхожденіе Апокалипсиса, св. Епифаній: по его мнѣнію, это было въ царствованіе Клавдія (*). Но о Клавдіѣ извѣстно изъ книги Дѣяній Апостольскихъ (XVIII, 2), что онъ только *Іудеевъ* высладе изъ Рима, а не гнаде христіанъ. Къ болѣе позднему времени относятся происхожденіе Апокалипсиса Дороей Епископъ Тирскій (**), IV вѣка, именно ко времени Траяна или Адріана. Но св. Иринеѣ, около этого времени происшедшій на свѣтъ, относится написаніе Апокалипсиса не къ своей современности, а еще къ предшествующему поколѣнію. Болѣе обычно и распространено мнѣніе то, что Іоаннъ Богословъ былъ заточенъ на Патмосъ и написалъ Апокалипсисъ при Дометіанѣ. Это мнѣніе находится прежде всѣхъ (только не всѣми одинаково понимается) у Иринея (***), за нимъ у Евсевія, у Іеронима и друг. Но свидѣтельство Иринея, послужившее основаніемъ и для мнѣній другихъ, читается такъ: „видѣнія (Апокалипсическія) были

(*) Eriphan. Haer. L. 1, 12, 33.

(**) Bibliot. max. Patr. T. VII. 122.

(***) Adver. Haer. V, 20, 32.

не въ дальнемъ времени, но почти въ нашемъ родѣ, къ концу царствованія Дометіева“ (*). Извѣстно, что именно Неронъ имѣлъ также имя Доміція или Дометія. Поэтому Принеево свидѣтельство можно и основательно понимать такъ, что Апокалипсисъ данъ къ концу царствованія Дометія Нерона. А когда такъ, то свидѣтельство за Домстіаново время другихъ учителей, которые слѣдовали собственно Принею, теряетъ свою доказательную силу и твердость. Итакъ слѣдуетъ намъ остановиться уже на такомъ мнѣніи, что Апостолъ Іоаннъ заточенъ былъ и написалъ Апокалипсисъ еще при Неронѣ. Объ этомъ рѣшительно свидѣтельствуется Сирскій переводъ, сдѣланный, какъ извѣстно, еще ко 2-му вѣку. Въ этомъ переводѣ Апокалипсисъ такъ подписывается: „Откровеніе, данное Богомъ Евангелисту Іоанну на островѣ Патмосѣ, куда былъ изгнанъ онъ Нерономъ“. Изъ позднѣйшихъ такъ же думаетъ о времени происхожденія Апокалипсиса, столько уважаемый православными въ Россіи, блаженный Теофилактъ. Изъ самаго Апокалип-

(*) Подлинныя слова: „πρὸς τὴν τέλει τῆς Δομετιανῆς ἀρχῆς“. Критики основательно замѣчаютъ, что если бы *Δομετιανῆς* было не прилагательнымъ, а существительнымъ именемъ, то надо бы такъ сказать: *τῆς τοῦ Δομετιανῆς ἀρχῆς*.

сиса видно, что во время сообщенія св. Іоанну откровенія Іудеи предавались особенно живому и гордому сознанію своего іудейства или значенія народа избраннаго (Апок. II, 9. III, 9); а это именно было во время разгара въ Іудеяхъ фанатизма, съ которымъ они возмущались противъ Римлянъ къ концу царствованія Нерона,— послѣдовавшій за тѣмъ разгромъ іудейства не давалъ ужъ мѣста самохвальной гордынѣ Іудеевъ.

Обстоятельства церкви къ концу царствованія Нерона (*) были таковы: со стороны язычниковъ выступила противъ новонасажденнаго въ мірѣ христіанства самая государственная власть, всемірной почти тогда, Римской имперіи, и притомъ въ лицѣ такого безчеловѣчнаго императора, какъ Неронъ. Со стороны Іудеевъ, имѣвшихъ у себя еще въ неприкосновенной цѣлости ветхозавѣтную святыню и предавшихся тогда фанатическимъ мечтамъ о близкой ихъ свободѣ и славѣ, ненависть противъ христіанства выражалась въ особенно гордыхъ и самовозносливыхъ отрицаніяхъ его истинности, какъ видно изъ самаго

(*) Неронъ умеръ 68 года по Р. Х. Полагая происхожденіе Апокалипсиса къ концу его царствованія годомъ ранѣе его смерти, можемъ заключать, что Апокалипсисъ данъ около 67 г. по Р. Х.

Апокалипсиса (II, 9. III, 9). Правда, этимъ хульникамъ грозили самыя скорыя и страшныя бѣдствія — разрушеніе Іерусалима и храма ихъ и конечное разсѣяніе всего народа; но и это готовило христіанству новое испытаніе вѣры. Извѣстно, что, въ Христовомъ властительномъ предреченіи о бѣдствіяхъ разрушенія Іерусалима, неразрывно съ этими событіями соединено изображеніе кончины міра. *Начинающимъ слышѣ бывати*, сказалъ Господь при этомъ, *восклонитесь и воздвигните главы ваша; зане приближается избавленіе ваше* (Лук. XXI, 28 и сл.). Но за разрушеніемъ Іерусалима для христіанъ имѣли послѣдовать новыя жесточайшія гоненія, вмѣсто рѣшительнаго избавленія.— При такихъ тяжелыхъ виѣшнихъ испытаніяхъ для вѣры, между тѣмъ, въ самую внутреннюю ея область вторгались не только упорныя іудейскія понятія съ рабскимъ жесткимъ духомъ, противъ чего до смерти боролся А. Павелъ, но и стремленія къ языческой разнузданности (см. послан. 2 Петр. и Іуд.), къ *сатанинскимъ глубинамъ* ложнаго знанія (Апок. II, 24), антихристіанское посягательство на самую тайну Боговоплощенія (Іоан. посл.), ослабленіе любви, духовная безпечность и самодовольство, разныя лжеученія, жизнь нецѣломудренная и только

по имени христiанская, и проч. подобное, въ чемъ обличаются въ Апокалипсисѣ иныя изъ малоазійскихъ церквей (см. II и III Апокал.). *Тайна беззаконiя*, столько *длiющаяся* уже и во времена Апостоловъ, должна, по ихъ прозрѣнiю, болѣе и болѣе раскрываться до полнаго своего развитiя (2 Сол.), и слѣдовательно христiанству угрожали и впереди новыя, тяжкiя испытанiя и затрудненiя. — Въ такихъ обстоятельствахъ церкви весьма благопотребно было для нея такое откровенiе, которое заранѣе представило бы вѣрѣ торжество ея надъ iудействомъ, язычествомъ и всѣми внутренними и внѣшними врагами до кончины мiра, предостерегая при этомъ вѣру отъ всякихъ неправыхъ направленiй. По такимъ потребностямъ церкви и данъ Апокалипсисъ чрезъ Иоанна Богослова предварительно, много плакавшаго о сокровенности книги судебъ церкви и мiра (Апок. V, 4 и слѣд.).

Соображая съ современными намъ обстоятельствами христiанскаго мiра трудности, опасности и нужды церкви, по которымъ данъ былъ Апокалипсисъ, мы можемъ примѣтить, что такiя же трудности, опасности и нужды, только не по внѣшности, а по духу ихъ, тяготѣютъ на христiанствѣ и въ наше время. Съ одной стороны, всевозможныя, чуждыя или чуждающiяся Христа,

идей и начала представляют новый, духовный родъ язычества или идолопоклонства, губящаго неисчислимое множество душъ въ христіанскомъ мірѣ, преслѣдующаго и томящаго разнообразно и прочія, остающіяся вѣрными Христу души. Съ другой стороны, самое соблюденіе и разумѣніе вѣры, останавливающееся у многихъ преимущественно на ея буквѣ, на вѣщности ея учрежденій, а мало входящее въ живой ея духъ — въ это существо и силу православія, и у иныхъ даже воспламеняющееся неразумною ревностію противъ человеколюбиваго направленія и духа раскрытаго въ Христовомъ крестѣ, или въ самопожертвованіи за грѣшныхъ и заблуждающихъ людей Агнца Божія, представляетъ новый, духовный родъ іудейства, горделиво цоднимающаго голову во имя учреждений и памятниковъ вѣры, Божія закона, церковности. Въ однихъ видѣтъ жестокой и низкой рабскій духъ; въ другихъ стремленіе къ разпузданности. Тамъ развивается односторонность просвѣщенія и самой разумности, знать не хотящихъ Христа, истиннаго свѣта просвѣщающаго всякаго человека, и углубляющихся потому въ глубины не Божіи, а сатанины; здѣсь упорствуеъ мраколюбіе, воюющее противъ разума и знанія, вѣрѣ же служащихъ (*), не хо-

(*) Столько же, сколько и вѣра служитъ просвѣщенію разума и утвержденію истинности знаній.

тящее также знать того, что Христосъ чрезъ свое Боговочеловѣченіе усвоилъ Себѣ самому человѣческій разумъ и умеръ за грѣхи знанія не менѣе, чѣмъ и за всякіе другіе человѣческіе грѣхи. Любовь между людьми иссушается не только отъ умноженія пороковъ, но и отъ эгонистической борьбы многоразличныхъ воззрѣній и мнѣній; печеловѣколюбивый духъ поддерживается неразуміемъ самой ревности по Богу и церкви. Безпечность, духовное самодовольство и усыпленіе, безразличное отношеніе къ правдѣ и неправдѣ въ вѣрѣ и жизни, христіанство у многихъ только по имени, безчувственное невниманіе къ грядущему суду Божию надъ міромъ, сокровенно дѣйствующему и пыль въ судьбахъ міра — въ наше время усилились едва ли не болѣе, чѣмъ въ другое время. Во всемъ этомъ явно отражаются духовныя трудности, опасности и нужды, по которымъ данъ былъ Апокалипсисъ. Это достаточно завѣряетъ насъ въ особенной потребности для нашего времени въ разъясненіи Апокалипсиса, какъ Божественнаго руководства для вѣры среди пылящихъ затрудненій и бѣдъ духовныхъ.

Конечно, истина Христова разъяснена давно уже святыми отцами и соборами вселенскими и помѣстными; но именно въ то время, когда

закончился уже періодъ вселенскихъ соборовъ, отпала отъ православія покрайней мѣрѣ цѣлая треть христіанскаго міра, составивъ свой видъ (неправославнаго) католичества — именно римское католичество, отъ котораго потомъ отпали разные виды самочинно преобразованнаго христіанства. Это распространило на весь христіанскій міръ сумракъ многихъ превратныхъ понятій и направленій. Правда, древній востокъ остался вѣренъ православію; но онъ подпалъ многовѣковому плѣну или рабству подъ магометанскимъ игомъ, стѣсняющему свободное раскрытіе христіанскаго духа и истины. Правда наконецъ, что свѣжія славянскія племена вошли въ православную церковь и между ними могущественная Россія неотступно держится православія; но духъ неправославнаго запада, духъ деспотизма папскаго, духъ самочинія и самоуправія реформатскаго, вспомошествоваемые западною развитою цивилизаціею и образованіемъ, разнообразно приражается и къ намъ, православнымъ славянскимъ племенамъ, къ ослабленію духа православія. И что всего затруднительнѣе, многое лучшее и слѣдовательно достойное православія, открывается или заподозрѣвается нами только потому, что оно идетъ съ запада; равно и многое худшее, составляющее случайный отъ об-

стоятельствъ наростъ въ духъ нѣкоторыхъ православныхъ, отстаивается ими во имя самого Православія, а другими, потому, вмѣняется въ предосужденіе Православію. Чувствуется многими потребность въ обновленіи жизненныхъ основъ; а нѣкоторыми овладѣваетъ даже дикое стремленіе разрушать существующій порядокъ вещей. Изъ такихъ запутанностей и трудностей нашего времени, къ которымъ приравнивается развѣ древній Вавилонскій плѣнъ, выйти міру и самой вѣрѣ нашей возможно ли безъ прямаго воззрѣнія къ десницѣ Вседержителя, расположившей заранѣе всѣ судьбы міра и церкви и назначившей вывести и новаго Израиля изъ отяготѣвшаго на многихъ, многихъ въ немъ Вавилонскаго плѣна?! Видна, повторимъ, особенная потребность для нашего времени въ разъясненіи Апокалипсическихъ видѣній о судьбахъ міра и церкви; а огромная сумма многовѣковыхъ событій представляетъ удобство къ этому разъясненію Апокалипсиса.

Мы, впрочемъ, представимъ здѣсь только самый краткій и общій обзоръ содержанія Апокалипсиса, выясняемаго уже самыми событіями, — ожидая еще въ будущемъ исполненія повелѣнія: „не запечатывай словъ пророчества книги сей; ибо время близко“ (Апок. XII, 10).

Обозрѣніе содержанія Апокалипсиса.

Самое существенное въ Апокалипсисѣ изображено съ достаточною ясностію. Это есть раскрытіе для міра въ Единородномъ Сынѣ Божіемъ Господѣ Иисусѣ любви Отца небеснаго, изливающейся Святымъ Духомъ въ самыя сердца вѣрующихъ, которая и располагаетъ вседержавно судьбами церкви и міра, нравственного и физическаго, при славословіи Святыхъ Ангеловъ, или вообще небожителей, и при тщетномъ противоборствѣ злыхъ духовныхъ силъ. Не ясны въ Апокалипсисѣ почти только образы и предметы, взятые изъ Ветхаго Завѣта и изъ видимой природы.

Для выясненія знанія Апокалипсическихъ предметовъ, взятыхъ изъ видимой природы, надо намъ, очевидно, стать на духовную, свойственную святому Тайнозрителю, точку зрѣнія въ отношеніи къ видимой природѣ. Надобно видѣть въ предметахъ и принадлежностяхъ видимой природы осуществленіе Божественныхъ мыслей и воли, составляющихъ основаніе и для духовно-нравственной жизни людей; и потому должно признавать разрѣшеніе существеннаго смысла видимой природы именно въ нравственномъ мірѣ

и обратно — отраженіе движеній и состояній нравственнаго міра въ явленіяхъ видимой природы (*). Если будете смотрѣть на видимую природу съ этой точки зрѣнія, то для васъ и будетъ понятно, какъ въ *Апокалипсисѣ* *море* указываетъ на подвижность и волненія жизни людской, *земля* на твердость или устойчивость нашихъ земныхъ порядковъ, *свѣтила* на область просвѣщенія, *воздухъ* на движенія общественнаго духа, *огонь* на поядающую стихію мірской жизни, какова особенно война, *рѣчная и источниковая вода* на все, освѣжающее и ободряющее умственно и нравственно, *звѣри* на звѣрообразные нравы, воззрѣнія и направленія, *саранча*, не имѣющая изъ своей среды царя или матки, но движущаяся съ строго-воинскою стройностію и истребительная для природы, указываетъ на' своевластный и губительный военный деспотизмъ, и такъ далѣе. Ветхозавѣтные же образы и предметы, употребляемые въ *Апокалипсисѣ* для обозначенія повозавѣтныхъ судебъ церкви и міра, или объяснены по своему значенію въ Ветхомъ же Завѣтѣ, или удобно изъясняются изъ духа Новаго Завѣта, который раскрылъ въ себѣ всю силу Ветхаго Завѣта. —

(*) Въ книгѣ „Пѣсни пѣсней“ мы это видѣли.

И вотъ, на такихъ общихъ и главныхъ началахъ толкованія, разъясняется, открытый въ Апокалипсисѣ и до нашей современности уже оправданный самыми событіями, — весь ходъ судебъ міра и церкви. Будемъ же слѣдить это по самому порядку Апокалипсическихъ видѣній.

Видѣнія Апокалипсическія начинаются явленіемъ Святому Іоанну самаго Господа, сообщившаго ему частныя откровенія о семи малоазійскихъ церквахъ (I, II, III). Въ этихъ откровеніяхъ Ангеламъ или пастырямъ церквей вмѣняются и добродѣтели и недостатки паствы ихъ, чѣмъ съ силою внушается церковному пастырству благодатное человеколюбивое направленіе — утѣшаться добромъ въ своихъ пасомыхъ, какъ своею дорогою собственностію, и соболѣзновать обо всемъ худомъ въ нихъ, какъ о собственной же виновности и бѣдѣ. Достойное вступленіе или предначатіе видѣній любвеобильнаго Тайнозрителя!

За тѣмъ, во первыхъ, раскрываются, съ одной стороны, духъ и благодатныя принадлежности апостольской церкви, долженствующіе навсегда въ ней остаться (IV, V) (*), а съ другой

(*) Что здѣсь изображается, дѣйствительно, норма церкви, навсегда имѣющая сохранить свою силу, дока-

казни надъ отвергшимъ Христову благодать іудействомъ, видѣнныя и изображаемыя въ чертахъ Христова властительнаго предреченія о разрушеніи Іерусалима и о губительствахъ надъ Іудеями (VI) (*). Событія показали совершеніе этого суда надъ Іудеями черезъ Римлянъ въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. Эти событія и слѣдовали одно за другимъ въ томъ самомъ порядкѣ, какой назначенъ въ Апокалипсисѣ: *побѣдоносная война Римлянъ противъ Іудеевъ (VI, 1 и 2-й), внутреннія смятенія и междоусобныя кровопролитія у Іудеевъ (3 и 4), ограниченіе у нихъ способовъ въ необходимомъ для поддержанія жизни, сначала впрочемъ довольно умеренное (5 и 6.), а потомъ адскіе ужасы смертей отъ меча, голода и проч. (7 и 8).* Апокалипсисъ притомъ прямо объясняетъ, что и *страшный судъ*

зательствомъ этого служатъ повторенія образовъ, здѣсь означенныхъ, — и въ дальнѣйшихъ видѣніяхъ.

(*) Доказательствомъ того, что видѣніе этой VI гл. относится къ суду надъ іудействомъ, служитъ именно сходство, въ характеристическихъ чертахъ, между этимъ видѣніемъ и означеннымъ Христовымъ предреченіемъ о казняхъ надъ Іудеями. Нѣкоторые слова Христовы даже буквально здѣсь повторены (Апок. VI, 16, слч. Лук. XXIII, 30).

съ кончиною міра, предсказанный Спасителемъ, какъ извѣстно изъ Евангелія, въ неразрывной связи съ казнями надъ Іудеями и съ разрушеніемъ святаго ихъ града и храма (Матѹ. XXIV, Марк. XIII, Лук. XXI гл.), отлагается только до окончательнаго дополненія числа спасаемыхъ (9—11, VI Апок.), однакожъ съ разительною силою предъявляется (*) и въ настоящемъ грозномъ отверженіи народа, избраннаго быть сокровищницею и наслѣдникомъ всемірнаго спасенія (12—17).

Во вторыхъ, въ Апокалипсисѣ представляются и притомъ съ наглядно яснымъ и прямымъ обозначеніемъ, — съ одной стороны — *остатокъ вѣрующихъ изъ 12-ти коленъ Израильскихъ* въ опредѣленномъ числѣ (**) и потомъ *неисчислимое множество* побѣдоносныхъ страдальцевъ христовыхъ, съ пальмовыми вѣтвями, *изъ всякаго народа* (VII), а съ другой (VIII и IX), *исправительныя казни* надъ враждебными церкви *идолопоклонниками* (IX,

(*) Все, означенное въ *курсивныхъ* выраженіяхъ, можно каждому самому видѣть или понять въ цитованныхъ мѣстахъ, — слѣдуетъ только внимательно прочесть ихъ въ Апокалипсисѣ.

(**) Что въ VII гл. подъ опредѣленнымъ числомъ *запечатлѣнныхъ отъ всякаго колѣна Израильскаго* разу-

20, 21) (*), послѣдовательно совершающіяся подъ Ангельскими распоряженіями, вызванными чрезъ молитвы святыхъ (VII, 1—6). Эти казни открываются (**), и надъ землею гражданскаго устройства (VIII, 7), и надъ моремъ движеній общественной жизни (8, 9), даѣе въ отравленіи горечью даже *рѣчныхъ и источниковыхъ водъ* — всего того, что должно было бы служить къ освѣженію жизни и освобожденію духа (10, 11), въ упадкѣ и самаго просвѣщенія — въ этомъ Апокалипсическомъ

мѣются не вообще вѣрующіе, а именно вѣрующіе изъ Іудеевъ, это ясно изъ прямаго даѣе указанія на безчисленное множество вѣрующихъ вообще отъ всякаго народа (ст. 4, слѣд. 9).

(*) Что *идолопоклонниковъ*, здѣсь упомянутыхъ, надо понимать въ буквальномъ смыслѣ, а не въ переносномъ о поклонникахъ порочныхъ страстей, это ясно изъ прямаго указанія на послѣднихъ въ этомъ же мѣстѣ (IX, 21 слѣд. 20).

(**) Само собою разумѣется, что читателю здѣсь и даѣе, при чтеніи этой статьи, не мѣшаетъ имѣть предъ собою самую книгу Апокалипсиса и слѣдить его содержаніе по дѣлаемымъ нами цитатамъ. Вѣдь здѣсь предлагается не подробное истолкованіе Апокалипсиса, а только слишкомъ общее обзорнѣе его содержанія; всего изъ этого содержанія обозначать въ такой статьѣ нѣтъ ни удобства, ни нужды.

затменіи *третьей части свѣта въ свѣтилахъ* (12), потомъ чрезъ вооруженную, являющую людей, *саранчу* военного мучительнаго своеправія (IX, 1—12), наконецъ чрезъ губительство страшно смертоносныхъ общественныхъ бѣдствій, составляющихъ какъ бы несмѣтное *конное войско, смертоносное для цѣлой трети всего языческаго народонаселенія* (13 — 21). Зрѣлищемъ такихъ судебъ, и въ этомъ самомъ ихъ порядкѣ, событія явили именно Греко - Римскую языческую Имперію, главную христіанъ въ продолженіи первыхъ 3-хъ вѣковъ, но за то разстроивавшуюся въ своихъ распорядкахъ и жизни общественной, отравляемую горечью общественнаго недовольства (выражавшагося особенно въ тогдашней литературѣ), упадавшую и въ просвѣщеніи, томимую военнымъ безпримѣрнымъ деспотизмомъ, и къ концу этого періода подвергавшуюся страшнымъ заразамъ и голоду, междоусобнымъ и внѣшнимъ войнамъ, отъ которыхъ погибло, по гадательному соображенію Гиббона, до половины всего человѣческаго рода. — Весьма примѣчательно, что въ Апокалипсисѣ, изображающемъ такіа казни надъ враждебнымъ церкви язычествомъ, обозначена нѣкоторая остановка этихъ казней, именно надъ *землею* поряд-

ковъ и *моремъ* жизни общественной, для удобства запечатлѣнія рабовъ Божіихъ Ангеломъ, идущимъ съ печатью Бога живаго отъ востока, т. е., вообще въ видахъ утвержденія и огражденія новонасажденного, распространявшагося отъ востока къ западу, христіанства (VII, 1 — 3). Исторія, дѣйствительно, съ удивленіемъ отмѣчаетъ необыкновенное явленіе, во второмъ вѣкѣ по Р. Х., цѣлаго ряда достойнѣйшихъ Римскихъ Императоровъ (отъ добродушнаго Нервы до мудраго Марка Аврелія), которые только личнымъ своимъ достоинствомъ успѣли остановить начавшееся еще до нихъ и съ силою продолжавшееся послѣ нихъ разложеніе Имперіи. Апокалипсисъ объясняетъ тайну этого явленія тѣмъ, что общественное спокойствіе и благоустройство нужны были тогда ради запечатлѣнія рабовъ Бога живаго.

Судьбы древняго языческаго міра, гнавшаго церковь, закончиваются, по Апокалипсису, явленіемъ могущественнаго Ангела Божія, въ *радугѣ* мира надъ головою и въ *облакѣ* славы, твердо ставшаго на *землѣ* земныхъ порядковъ и *морѣ* общественной жизни, провозгласившаго конецъ времени прежнему и *открывающаго новыя судьбы церкви и міра* (X). Смыслъ этого явленія событіями раскрытъ и оправданъ

именно чрезъ возведеніе гонимаго доселѣ христіанства въ мирное и господственное надъ міромъ значеніе при Константинѣ Великомъ, чѣмъ положенъ былъ предѣлъ для времени древняго міра и открылся новый христіанскій міръ.

Потомъ, въ третьихъ, Апостоль-тайнозритель видитъ себя среди святаго града, и пріемлетъ трость для измѣренія въ немъ храма и въ храмѣ алтаря и самага состава поклонниковъ; только внѣшній дворъ языковъ долженъ остаться безъ измѣренія (XI, 1, 2). И дѣйствительно, гражданство, съ равноапостольнымъ Константиномъ предавшись христіанству, стало представлять въ себѣ уже *святый градъ* и тогда же церковное устройство, богослуженіе и вся церковная организація начали опредѣляться вселенски-соборными, въ апостольскомъ духѣ поставляемыми, правилами; но въ христіанской имперіи оставались еще отчасти и язычники, которыхъ подчинять церковнымъ правиламъ не было возможности,—это внѣшняя сторона благочинія христіанскаго, доступная съ христіанами и язычникамъ, должна была оставаться, очевидно, внѣ измѣренія тростію апостольскою. Между тѣмъ выступаютъ на поприще дѣйствія два великіе свидѣтеля Христовы, поражавшіе враговъ своихъ и небесными и земными казнями, названные *двуля маслинами и двуля*

*свѣтильниками, стоящими предъ Богомъ земли (3 — 6). А такими образами и названіями еще въ Вѣтхомъ Завѣтѣ (Зах. IV, 23) названы „царскій и священническій санъ, благоуукрашенный Божественною благодатію“, по выраженію одного древняго учителя церкви (Теодорита Блаж., см. Твор. св. отцевъ 1857 г. кн. 3, стр. 99). Событія, дѣйствительно, показали, что начиная съ Константина, въ періодъ вселенскихъ соборовъ, и царская и священническая власть истинно, какъ свидѣтели Христовы, служили раскрытію и утвержденію его истины, поражая въ то же время враговъ своего свидѣтельства, или еретиковъ, какъ *небесными*—духовными, такъ и *земными*—гражданскими карами (*).*

Эти свидѣтели Христовы, по Апокалипсису, уже закончили свое свидѣтельство о Христѣ, какъ звѣрь бездны, открывшій на мѣсто святаго града великій городъ своего Христоубійственнаго, содомскаго и египетски-насильственнаго граждан-

(*) Строгій аскетическій духъ, особенно усиливавшійся въ церкви въ это время и бывшій могущественнымъ двигателемъ вѣры противъ ересей, также обозначенъ въ Апокалипсисѣ тѣмъ, что оба свидѣтеля Христовы вѣдѣны *облеченными во вретище*. Впрочемъ другихъ сторонъ въ значеніи этого образа мы здѣсь не касаемся по чрезвычайной сжатости очерка нашего.

ства, сразился съ ними и порази́лъ-было ихъ на смерть; но это послужило только къ общенію этихъ свидѣтелей Христа въ Его тридневной смерти, воскресеніи и даже вознесеніи на небо (7—12). Такъ и было, что вселенское свидѣтельство о Христѣ уже заканчивалось, раскрывъ и утвердивъ на вселенскихъ соборахъ всѣ существенныя стороны ученія о Немъ, именно о Его единосущіи съ Отцемъ и Св. Духомъ по Божеству, о вочеловѣченіи лично самаго Бога Слова или о единствѣ Богочеловѣческаго Его лица, о сохранившемся въ Немъ, при этомъ единствѣ личности, различіи природъ Божеской и человѣческой, о различіи даже воли и дѣятельности Его Божества и человечества, и слѣдовательно о сохраненіи лично въ Немъ всего человѣческаго въ непреложное спасеніе всего нашего человѣческаго отъ грѣха и гибели; но вотъ тогда явился этотъ *звѣрь бездны*—магометанство, успѣвшее было совсѣмъ обезсилить вселенскихъ свидѣтелей Христовыхъ, подчинивъ своему Христовраждебному, сластолюбивому владычеству три патріархата церковные (Александрійскій, Антиохійскій и Іерусалимскій), а остальные два (Константинопольскій и Римскій) и всю Греко-Римскую имперію парализовавъ страхомъ. Но это духовное умираніе свидѣтелей Христовыхъ было

только на очень короткое время, послѣ котораго православная іерархія и содѣйственная ей царская власть, на новомъ вселенскомъ соборѣ (Трульскомъ), не только возстали съ прежнею силою своего вселенскаго свидѣтельства, но и, подлинно, до небесъ возвысились съ этимъ свидѣтельствомъ своимъ, утвердивъ вѣчно живое и непреложное значеніе всѣхъ прежнихъ своихъ свидѣтельствъ о Христѣ—догматовъ и правилъ. II въ тотъ же часъ, по Апокалипсису, произошло великое землетрясеніе, потрясшее область еще нѣкотораго особаго гражданства (*) съ гибелью для многихъ; вслѣдствіе чего остальные здѣсь признали величіе Бога небеснаго (13). Около самаго этого времени, дѣйствительно, такъ и было именно въ западной Европѣ, что, вслѣдствіе кровавыхъ потрясеній вновь возникавшей Франко-германской державы, совершилось

(*) Если выше *градъ святыи* (ст. 2) означаетъ, по событіямъ, гражданство, въ которомъ водворилась св. церковь, а *великій городъ* — *Содомъ и Египетъ, идолже и Господь нашъ распятъ* (ст. 8), есть гражданство сластолюбиваго, порабощительнаго и Христовраждебнаго магометанства, то и просто *городъ*, здѣсь въ 13 ст. упоминаемый, долженъ означать также особое гражданство. Событія показали, что это еще за гражданство. См. далѣе въ самомъ текстѣ этой статьи.

безъ большого труда обращеніе въ ней къ истинному Богу Христу многихъ Германскихъ племенъ, дотолѣ упорствовавшихъ въ своемъ язычествѣ. Такъ-то довершилась та славная побѣда христіанства надъ язычествомъ (14, 15, слч. X, 7), что, по возвѣщенію небесными голосами, „царства (*αἱ βασιλείαι*) міра стали царствомъ Господа нашего и Христа Его“. Оказалась-было, также провозглашенная таинственными голосами, свирѣпость языческая противъ православія, породившись (какъ событія показали) въ гоненіи иконоборцевъ, но гнѣвъ Божій постигъ гонителей и—въ отверстомъ храмѣ небесномъ явился ковчегъ завѣта, ковчегъ Христовой истины, раскрытой и утвержденной въ своей небесной силѣ на вѣки (16—19). Вотъ и весь періодъ вселенскихъ соборовъ!

Въ четвертыхъ, когда такимъ образомъ церковь явилась во всемъ торжествѣ и славѣ своего православія, уподобляясь женѣ облеченной въ солнце, и кромѣ того находилась въ болѣзняхъ рожденія новыхъ христіанъ; тогда открылось на небѣ церковномъ сатанинское направленіе къ равнобожеской чести, внушенное нѣкогда первой женѣ древнимъ змѣемъ и изгнавшее первыхъ людей изъ рая (*), низвергшее и теперь

(*) Образъ *жены*, въ борьбѣ съ *змѣемъ*, враждующимъ

третью часть звѣздъ небесныхъ, и кромѣ того усилившееся завладѣть чревоноснымъ церковію плодомъ (XII, 1—4). Дѣйствительно, вслѣдъ за періодомъ вселенскихъ соборовъ, открылась ложь папскаго притязанія на равнобожеское церковное главенство,—ложь, которая не менѣе цѣлой трети христіанъ, имѣвшихъ жительство небесное въ самомъ Христѣ, низринула, чрезъ земное главенство простаго человека, съ благодатнаго неба на землю, усиливаясь завладѣть и новыми, возраждаемыми тогда въ христіанство, племенами, именно Славяно-Русскими. Но, по Апокалипсису, жена — православная церковь успѣла родить въ жизнь благодатную, безопасно отъ этихъ усилій жи, и притомъ родила—*сына мужеска*, имѣющаго великое назначеніе *пастився языки жезломъ жесельнымъ*; и этотъ новорожденный во Христа былъ восхищенъ отъ прочаго міра къ Богу и престолу Его (5). Исторія оправдала это тѣмъ, что Славяно-Русы, возродясь во Христа, остались въ православіи и, отдавшись небеснымъ его началамъ,

и противъ *сѣмени жены* этой, очевидно, прямо отсыла-
етъ нашу мысль къ Едему; къ искушенію здѣсь жены
змѣемъ, къ слову Господа, полагающему вражду между
змѣемъ и женою, ея сѣменемъ и его сѣменемъ.

уединились (отъ прочаго міра) въ благодатной его области; и Господь уже многообразно проявилъ въ нихъ мужественную твердость въ Своей истинѣ—въ православіи и чрезъ нихъ свою благодать—пасти языки жезломъ желѣзнымъ. Между тѣмъ сатанинское направленіе и притязаніе на равнобожеское главенство стало преслѣдовать жену—православную церковь, при брани между духовными поборниками той и другой стороны—лжи сатанинской и небесной благодатной истины, клеветническаго самовозношенія и Агичаго самопожертвованія; но поборники лжи были наконецъ низринуты съ неба церковнаго, на тяжкое горе для живущихъ на землѣ и на морѣ, а женѣ открылось вѣрное убѣжище отъ губельной лжи въ пустынь (7—14). Событія показали, какъ православная церковь была преслѣдуема лживыми притязаніями папства, какъ начѣла, и—поборники этой лжи были прогнаны съ неба православія церковными обличеніями, производимыми *Ангелами* или пастырями церквей, при содѣйствіи, конечно, и силъ безимотныхъ, какъ *земля* общественныхъ порядковъ и *море* жизни общественной подпали на западѣ жестокой тирании воспреобладавшаго надъ ними папства, а убѣжище отъ этого преобладанія для православнаго востока постепенно открывалось именно въ пу-

стынѣ,—въ средахъ магометанскаго опустошенія, принявшихъ на себя напоръ страшныхъ тогда папскихъ силъ и чрезъ то истощившихъ эти силы. Такъ произошло, что, по Апокалипсису, змѣй, этотъ духъ равнобожескихъ притязаній, пустилъ изъ пасти своей, вслѣдъ жены, воду какъ рѣку, чтобы увлечь жену рѣкою, но земля помогла женѣ, и разверзла земля уста свои и поглотила рѣку, которую пустилъ драконъ изъ пасти своей; и ему свою свирѣпость къ женѣ осталось обратить только уже противъ остатка ея сѣмени въ собственномъ его владычествѣ (15—17). Исторія раскрыла это тѣмъ неудержимымъ движеніемъ крестовыхъ походовъ, которымъ наводненъ и чуть не увлеченъ былъ весь востокъ, такъ что не только въ Святой Землѣ основалось Латинское царство, но на нѣкоторое время паписты завладѣли—было и самымъ престоломъ Константинопольскаго Императора. Но земля міра магометанскаго поглотила все это наводненіе западныхъ идей и движеній народныхъ; и ложь папства свою свирѣпую вражду къ православной церкви направила противъ остатка ея сѣмени на самомъ западѣ (въ родѣ, наприм. столь близкаго къ православію Гусса и друг.).

Вотъ и періодъ появленія папства и раздѣленія между востокомъ православнымъ и западомъ

латинскимъ, обозначенный въ Апокалипсисѣ! То самое, что папство, на сколько оно есть ложь, взято Откровеніемъ въ самомъ духѣ и корпѣ своей лжи—*зміѣ древней* или *сатанѣ*, и что остатокъ отъ сѣмени православной церкви указанъ въ самомъ одержаніи папства,—это убѣждаетъ нашу вѣру къ человѣколюбивой осторожности: обличая ложь папства, не надо намъ смѣшивать съ духомъ ея лжи самыхъ, опутавшихся болѣе или менѣе въ ней, людей, чтобы, въ противномъ случаѣ, и самимъ не потерпѣть прираженія къ себѣ духа папистическаго, а въ римскихъ католикахъ не осудить многого, составляющаго остатокъ православія и слѣдовательно принадлежность православной церкви. Равно, весьма знаменательно для насъ и то, что, обращенныя ко Христу съ появленіемъ уже папства, Славяно-Русскія племена Откровеніемъ представляются *сыномъ мужескимъ, иже имать упати вся языки жезломъ жельзнымъ*, а это существенно принадлежитъ только самому Христу: этимъ мы православные Русскіе предостерегаемся отъ всякаго духовнаго самовозношенія или отъ гордости своимъ славянствомъ, и вмѣстѣ руководимся къ человѣколюбивой ревности—раскрывать вселенскій свѣтъ и силу православія для всѣхъ народовъ, держась во всемъ самаго Хри-

ста Бога, при ходатайствѣ за насъ Матери Его — истинной и живой представительницы церкви православной, соединяемой съ нею здѣсь, по отношенію къ рожденію *сына мужеска*—*Пастыря всѣхъ языковъ*, очевидно—въ одинъ образъ.

Далѣе, въ пятыхъ, Апостолъ—тайнозритель увидѣлъ себя стоящимъ на пескѣ морскомъ, и вотъ предъ нимъ выходятъ два звѣря, одинъ изъ моря (общественной жизни), другой изъ земли (порядковъ земныхъ) (XIII, 1, 2). Заблужденія и злоупотребленія папства, дѣйствительно, вызвали-было на западѣ, съ одной стороны, духъ по видимому апостольской ревности объ истинѣ Евангелія, но этотъ энергическій противъ лжепапизма духъ — остановился у реформаторовъ (Лютера и друг.) на *пескѣ* произвольныхъ, чуждыхъ практическаго духовнаго совершенства (Матѣ. VII, 26), возрѣвій; и вотъ изъ волненій общественной жизни и изъ существующаго порядка вещей произошли новыя звѣрообразныя заблужденія и направленія. Первый звѣрь, которому *з.мій* папства передалъ престолъ преобладанія и силу обольщенія въ мірѣ, отличается горделивымъ словомъ богохульнаго невѣрія,—видомъ похожъ на красиваго между звѣрями барса, съ устами или пастью владычельнаго льва и съ ногами грубо-чувственнаго мед-

вѣдя;—одна изъ нѣсколькихъ головъ этого чудовищнаго звѣря была сначала поражена на смерть мечемъ, но эта смертельная рана исцѣлена и по всей землѣ пронесли удивленіе и, съ покло-неніемъ звѣрю, говоръ: кто подобенъ звѣрю сему? и кто можетъ сразиться съ нимъ? Этотъ звѣрь велъ побѣдоносную брань и со святыми и достигъ власти надъ всякимъ народомъ и племенемъ (1 — 8). Преемствовало папству, по обширности и силѣ обольщенія, именно направленіе отступническаго отъ Христа разума, заимствовавшего отъ папства же духъ своего самочинія и своеправнаго самовластія, —направленіе какъ горделивый барсъ обольстительное, львино-горделивое въ словѣ, потворствующее по-медвѣжьи чувственности въ поступкахъ, богохульное по своему невѣрію. Въ началѣ своего отступничества этотъ разумъ, не сообразующійся и разоб-щенный со Христомъ Богомъ и потому запечат-лѣнный уже не образомъ Божиимъ, а звѣрообра-зіемъ, признавалъ, по крайней мѣрѣ, авторитетъ слова Божія (только опредѣляя смыслъ его по своему); это и значитъ, что одно изъ началъ этого отступническаго разума было поражено на смерть духовнымъ мечемъ слова Божія. Но звѣро-образный разумъ не замедлилъ выйти изъ подъ этой, убійственной для него, зависимости отъ

Слова Божія, и тогда истинно поразилъ всю землю своею независимою силою. Казалось, кто можетъ сразиться съ нимъ? И въ самомъ дѣлѣ, чего-чего не колебалъ и не хулилъ этотъ звѣрь? Обольщеніе и духовное преобладаніе его простерлись на весь міръ, такъ что поклонниковъ его можно найти во всѣхъ народахъ. Видимый перевѣсъ и надъ самыми вѣрующими оказался въ его области, съ одной стороны по тому, что они не успѣвали слѣдить и тѣмъ болѣе отражать разносторонніе его подкопы и злохудожныя козни, а съ другой,—по тому, что ревность по вѣрѣ вдается у многихъ и сама въ фальшивую одно-сторонность: подавляетъ и стѣсняетъ духовную свободу и самый разумъ человѣческій, вмѣсто того, чтобы и ихъ силу устремлять противъ звѣро-виднаго направленія—невѣрія и отступничества. Противъ этой послѣдней крайности Апокалипсисъ прямо остерегаетъ тѣмъ, что посягать на отнятіе духовной свободы у другихъ—значить и самому лишаться ея, что поражать духовнымъ мечемъ слова Божія съ безпощадностію (бѣзъ различія между лучшимъ и худшимъ, между силою и ея злоупотребленіемъ) значить обречь и самого себя на смертельное пораженіе: „если кто ведетъ въ плѣнъ, тотъ самъ пойдетъ въ плѣнъ; если кто мечемъ убиваетъ, тому самому надлежитъ по-

гибнуть отъ меча“; а противъ жестокихъ и хитрыхъ подкоповъ и козней отступническаго разума Откровеніе также прямо указываетъ мѣсто только для подвига терпѣнія и вѣры,—терпѣнія, безъ сомнѣнія, сообщнаго Христову человеколюбивому терпѣнію, и вѣры возвышающей надъ іудейскою ревностію не по разуму: *здѣ терпѣніе и вѣра святыхъ* (9, 10).—Тогда какъ звѣрообразное направленіе отступнической раціональности вышло изъ моря, бывъ приготовлено и поражено волненіями и крайностями еще средневѣковой общественной жизни; за этимъ звѣремъ уже изъ земли, образующихся подъ его вліяніемъ, порядковъ вышелъ (11) и другой звѣрь съ рогами подобными агличимъ, но съ рѣчью дракона. Это пророкъ или провозвѣстникъ перваго звѣря, дѣйствующій властію этого перваго звѣря, дѣлающій всякія знаменія для увлеченія людей къ поклоненію первому звѣрю и къ устроенію его образа, успѣвшій потомъ одушевить этотъ образъ перваго звѣря, такъ что этотъ образъ началъ говорить и дѣйствовать, усиливаясь отнимать самую жизнь у нехотящихъ кланяться первому звѣрю, а на поклонниковъ его налагая, на чело—сѣдалище ума или на правую руку—орудіе дѣла, отпечатокъ звѣря и вообще не давая ничего ни продать, ни купить не имѣ-

ющимъ на себѣ звѣрнаго знака (11 — 17). Такимъ провозвѣстникомъ разума, отступнически независимаго отъ Христа, явилось именно антихристiанское направленіе цивилизаціи, дѣйствующее силою и властію отступническаго разума. Этотъ новый звѣрь показываетъ у себя *рога какъ будто агнчы*—гуманную терпимость и разумную самостоятельность духа, но обнаруживается въ самомъ своемъ словѣ съ *драконовскимъ* деспотизмомъ папства, гнувшимъ людей волею-неволею подъ свое ярмо. Онъ направилъ въ честь отступническаго разума чудеса всякихъ открытій и изобрѣтеній; онъ успѣлъ развить и одушевить ложную образованность, составляющую живой снимокъ невѣрнаго Христу разума, полагающую отпечатокъ его или въ образѣ мыслей или въ практическихъ правилахъ поклонниковъ его, а у нехотящихъ преклоняться предъ нимъ отнимающую всякое живое значеніе въ мірѣ и вообще предающую имъ ничего пустить въ живой ходъ въ цивилизованномъ обществѣ. Впрочемъ съ этими звѣровидными чертами и дѣйствіями антихристiанскаго направленія цивилизаціи и науки Апокалипсисъ рѣшительно не позволяетъ смѣшивать свѣта самой науки и истинныхъ успѣховъ цивилизаціи, обозначая все подобное уже именемъ *мудрости*, находящей

для себя мѣсто среди самыхъ проявленій минимума рациональнаго антихристіанскаго звѣрства: *здѣ мудрость есть!* И потому Откровеніе внушаетъ намъ крайнюю осторожность въ рѣшительномъ приложеніи вины отступничества къ кому нибудь, скрывъ самое названіе отступническаго звѣря подъ таинственнымъ числомъ (666) и предоставляя сосчитать это число съ точностію только тому, *иже имать умъ*, конечно, умъ Христовъ или сообщный Христу — *Аицу Божію, заколенному* за заблуждающихъ грѣшниковъ, въ мысли Божіей, еще *отъ сложенія міра* и, дѣйствительно, знающему всякую черту отступничества съ точностію цифры (18).

Такому преобладанію враждебныхъ христіанству направленій благодать и правда Божія противопоставили, по Апокалипсису, свои особыя мѣры. Такъ, прежде всего, избранные Божіи не оскудѣли ни по числу, ни по духовному своему совершенству (*), хотя и представляютъ по своему числу только остатокъ, подобный остатку вѣрующихъ Іудеевъ при большинствѣ пзъ нихъ невѣрующихъ (слич. VII, 4), и небесная пѣснь

(*) Такъ, напримѣръ, наша отечественная православная церковь имѣетъ уже изъ этого поздняго времени, прославленныхъ святыхъ: Дмитрія Ростовскаго, Митрофана Воронежскаго и Тихона Задонскаго.

ихъ совершенства никѣмъ не перенимается кромѣ ихъ самихъ (XIV, 1—5). Притомъ, благовѣстіе о Богѣ и о спасеніи не только не умолкало, но напротивъ громогласно раздавалось во всей вселенной (6, 7): оправданіемъ этого служатъ не только такіе проповѣдники въ самомъ Западѣ, какъ Боссюетъ, Массильонъ и друг., но и переводы Библии и распространеніе ихъ всюду черезъ Библейскія общества. За тѣмъ провозглашается приговоръ о паденіи Вавилона (8), держащаго въ плѣну Божій народъ — новаго Израиля (слич. XVIII, 4) и поддерживаемаго именно *звѣрелѣ бездны* (слич. XVII, 8), подъ образомъ котораго выше (въ XII гл.) указано нами, по самымъ уже событіямъ, именно магометанство: по этимъ чертамъ удобно узнать, въ образѣ Вавилона держащаго въ плѣну православный Востокъ—магометанскую державу, паденіе которой дѣйствительно рѣшилось-было въ прошломъ вѣкѣ (въ такъ называемомъ *Греческомъ проэктѣ*), но не совершилось, въ точное соотвѣтствіе Апокалипсису, провозгласившему въ настоящемъ мѣстѣ паденіе Вавилона, по совершеніе этого паденія изображающему еще ниже (*)

(*) Такъ-то близко къ своему сердцу (скажемъ по человѣческому образу представленія) беретъ Господь судьбы своей церкви, Ему вѣрной: самое еще только

(въ XVIII гл.). Далѣе, предъявляется цѣлый адъ губительнаго зла въ наказаніе отступниковъ, поклонниковъ звѣрообразнаго невѣрнаго Христу разума, при терпѣніи тутъ же и вѣрующихъ (9 — 19): такой адъ и открылся по исторіи въ революціонномъ террорѣ цѣлой націи французской, отрекшейся отъ Христа и убивавшей христіанъ, какъ преступниковъ. Наконецъ, послѣ предварительнаго увѣренія въ блаженствѣ и успокоеніи умирающихъ въ Господѣ отъ дальнѣйшихъ *отсель* губительствъ (13), представляются двѣ губительныя на нечестивцевъ жатвы. Первая изъ нихъ послѣдовала по распоряженію сидящаго на облакѣ и носящаго вѣнецъ, подобнаго сыну человѣческому (14 — 16): въ этой жатвѣ удобно узнать тѣ воинскіе союзы и войны, которыя воздвигнуты были противъ революціонныхъ движеній царственнымъ духомъ вѣщеносныхъ помазанниковъ. Вторая жатва совершилась по распоряженію Ангела, имѣющаго власть надъ *огнемъ* истребительныхъ явленій и силъ, и отъ этой жатвы *кровь лилась даже до устъ кон-*

предначинательное или предположительное движеніе событій къ освобожденію православнаго востока—Онъ рѣзко отмѣчаетъ въ Своемъ откровеніи. Это для вѣры, въ ся озлобленіяхъ, чрезвычайно ободрительно.

скихъ на огромное пространство (17 — 20). Въ этой кровавой жатвѣ удобно узнать ужасы и кровопролитія Наполеоновскихъ войнъ, открывшихъ кровавую дорогу отъ Парижа до Москвы и обратно отъ Москвы до Парижа.

Таковъ періодъ появленія и чрезвычайнаго усиленія въ христіанскомъ мірѣ отступнической раціональности и противопоставляемыхъ тому особенныхъ распоряженій Божественнаго промысла о церкви и о спасеніи людей!

Въ шестыхъ, между тѣмъ какъ, въ слѣдствіе вышеизображенныхъ судовъ Божіихъ, открылось мирное въ мірѣ торжество (въ эпоху реставраціи царствъ и народовъ на началахъ христіанскихъ), провозглашаемое такою пѣснью удовлетворенной строгой правды и милующей благодати: „Дивны дѣла твои Господи.... Кто не убоится Тебя? ... Открылись суды Твои“; любовь Божія и послѣ этого не находитъ для себя успокоенія въ людяхъ и обращается въ ярость противъ продолжающихъ невѣріе и отступленіе отъ Христа, проявляя при томъ свою славу въ особенномъ обиліи (XV). И вотъ, подъ распоряженіемъ небесныхъ служителей этой ярости Божіей, на *земль* общественныхъ распорядковъ люди становятся до отвратительности болѣзненными и бредливыми (XVI, 1, 2). *Море* жизни

общественной теряет всякую жизненность, становясь какъ бы кровію мертвеца (3). *Вода* всего служащаго къ освѣженію, ободренію и очищенію духа общественнаго (какъ-то напр., литература), проникается или растлѣніемъ страстей и похотей плотскихъ или безпощадною для человѣка жестокостію, становясь чрезъ то и другое кровавою въ наказаніе людей направленія (духовно-языческаго или духовно-іудейскаго), кровожадно-враждебнаго святымъ (4 — 7). *Солнце* просвѣщенія разливаетъ вліяніе зноя иссушающаго и томлящаго, а не свѣта живительнаго (8, 9). Да и все *царство* невѣрующаго Христу разума становится *мрачнымъ* (10), то отъ дикихъ практическихъ и политическихъ стремленій поклонниковъ этого звѣря, то отъ умозрительнаго ихъ сознанія, что они не владѣютъ строгою или дѣйствительною истиною, а достигаютъ только мнимой въ своей современности истины. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ ярости Божіей видны бѣдствія и страданія именно нашего времени тѣмъ болѣе плачевныя, что они не исправляютъ, а только ожесточаютъ заблуждающихъ, какъ и это указано прямо въ *Апокалипсисѣ* (11, слч. 9). Послѣдовало и еще нѣкоторое таинственное распоряженіе ярости Божіей, устраивающее, съ одной стороны, непро-

ходимыя подобно Евфрату препятствія къ открытію въ свое время царственного величія и славы царей отъ востокъ солнечныхъ (*), а съ другой—дающее царямъ, или началамъ, движимымъ отъ змѣнной лжи папства, отъ звѣрообразнаго разума и служащей ему лже-пророкомъ антихристіанской цивилизаціи, свободу собираться на Боговраждебную, по ихъ намѣренію, брань, но въ дѣйствительности только для пораженія ихъ отъ Бога Вседержителя (ст. 12—16). Это сокровенное теперь распоряженіе объяснится вполнѣ не иначе, какъ въ своихъ будущихъ послѣдствіяхъ и плодахъ (**). Наконецъ отъ изліянія

(*) То есть, началъ царственного священства, этого новаго Израиля (православно-восточнаго христіанства), какъ даетъ понять это именно 3 книга Ездры (XIII гл.). См. ниже соображенія этой книги съ Апокалипсисомъ.

(**) Существенное, по видимому непреодолимое, затрудненіе къ раскрытію духовно-царственного значенія православія и къ изложенію противоположныхъ началъ состоитъ въ закоренѣлости послѣднихъ по многовѣковому ихъ развитію и въ эгоистической жесткости духа не только ихъ поборниковъ, но и многихъ ревнителей самаго православія. Указаніе, въ настоящемъ мѣстѣ Апокалипсиса (ст. 16), на *Армагеддонъ* выясняетъ, какъ означенное затрудненіе чудно устраняется Господомъ. На этомъ *Армагеддонѣ*, по Апокалипсису, должны въ великій день Вседержителя собраться *цари* или вообще во-

ярости Божіей на *воздухъ* общественнаго духа и настроенія, *сдѣлалось* (скажемъ прямо словами Апокалипсиса) *великое землетрясеніе, какого не бывало съ тѣхъ поръ, какъ людина на земль—такое землетрясеніе, столь великое* (17. 18): въ этой язвѣ или казни ясно видны безпримѣрные въ исторіи потрясенія, колеблющія до основанія современный политическій міръ. *И Вавилонъ великій воспомянутъ предъ Богомъ, чтобы дать ему чашу вина ярости Его ильза* (19), тотъ Вавилонъ, который, какъ выше объяснено, держится *вышедшии изъ бездны звѣремъ* ма-

жди живыхъ вѣковыхъ направленій (16 сл. 13 и 14); значеніе этого можетъ бытъ объяснено изъ слѣдующихъ словъ пѣсни Деворры: „пришли цари, сразились... уводъ *Македдонскихъ*, но не получили ничего“ (Суд. V, 19). Здѣсь воспѣвается побѣда Божія народа надъ враждебными царями, совершенная подъ руководствомъ женщины—самой Деворры пророчицы и рѣшенная окончательно также женщиною—Іаилью, убившею главнаго вождя враговъ. Видно, и нывѣ къ умягченію жестокаго духа многихъ, столько необходимому для побѣды истины надъ разными началами и направленіями лжи, призывается послужить женщина, сообразующаяся, конечно, не съ праматерью грѣха—Евою, а съ Матерію нашего спасенія—человѣколюбивою заступницею грѣшныхъ Пресв. Богородицею, въ слѣдъ которой приводятся къ царю-Христу (Псал. XLIV) и другія непорочныя души.

гометанства и держитъ въ плѣну новаго Израиля. Въ этомъ также очевидно указаніе на возставшій въ наше время, такъ называемый, восточный вопросъ о судьбѣ известной магометанской державы, держащей въ плѣну православный востокъ. Само собою впрочемъ разумѣется, что Откровеніе поставляетъ на открытый видъ это вавилонское преобладаніе надъ новымъ Израилемъ собственно не съ внѣшне-политической стороны, а въ его духѣ, духѣ жестокаго стѣсненія и всяческаго оскорбленія святой вѣры. Этотъ духъ у магометанъ общій со многими, въ мірѣ христіанскомъ, и особенно съ идолопоклонниками односторонней и мнимой разумности: въ этомъ отношеніи самый взятый не въ односторонностяхъ, а въ прямомъ и полномъ своемъ достоинствѣ *умъ имѣющій мудрость* находится въ плѣннической средѣ Вавилонской, какъ это прямо указано въ Апокалипсисѣ (XVII, 9): *здѣ умъ, иже имать мудрость*, сказано среди исчисленія принадлежностей вавилонскихъ. Тѣмъ и закончивается та часть Апокалипсиса, къ выясненію которой служатъ совершившіяся уже и совершающіяся событія. Въ дальнѣйшемъ теченіи Апокалипсиса видны и понятны только общія утѣшенія и предостереженія для насъ. Именно, во первыхъ видно, что дѣло Божіе въ

судьбахъ церкви и міра идетъ къ низложенію многовѣковыхъ жестокихъ преобладаній надъ вѣрою — и магометанскаго Вавилона (XVII и XVIII), и звѣрообразнаго отступническаго разума, съ такимъ же направленіемъ цивилизаціи (XIX), драконовскаго духа папизма (XX, 1—3), такъ что за тѣмъ послѣдуетъ въ мірѣ, такъ называемое, *первое воскресеніе* всего, прежде убитаго духовнымъ звѣрствомъ (5, 6). Но при этомъ внушается новому Израилю, выходить изъ Вавилона, (безъ сомнѣнія, по силѣ Новаго Завѣта, выходить особенно изъ растлѣннаго духа Вавилонскаго), *чтобы не участвовать въ его грѣхахъ и не подвергнуться его язвѣмъ*, но, по возможности, *премѣнять и Вавилонскихъ дѣтей въ Сіонскихъ* (XVIII, 4); а побѣдить такимъ образомъ все Вавилонское можно только съ Агнцемъ, съ духомъ его челоувѣколюбія, на Себя взявшаго грѣхи міра (XVII, 14). Во вторыхъ, изъ продолженія Апокалипсиса открывается и то, что Господь, назначивъ еще при самомъ обращеніи Славяно-Русскихъ племенъ въ православіе—проявить въ нихъ Свою благодать *пастн языки жезломъ жезельнымъ* (XII, 5), далѣе является во всей силѣ и полномъ дѣйствіи этого упасенія, Самъ однако *облеченный въ обагренную кровію*

одеждѣ (XIX, 11—12). Видно, Господь исполнитъ Свою благую волю о насъ—православныхъ Славяно-Русскихъ, разумѣется впрочемъ — не иначе, какъ подѣ условіемъ соотвѣтствія Ему и съ нашей стороны. А для этого мы должны, очевидно, со всею вѣрностію и энергіею держаться Его самаго, держа у себя въ неприкосновенности, безъ ограниченій и стѣсненій, благодать твердой и грозной для всего враждебнаго Власти—этотъ царственный Христовъ желѣзный жезлъ, но при этомъ одушевляясь непремѣнно духомъ той любви Господа къ заблуждающему міру, по которой Онъ пролилъ кровь Свою за міръ, и именно чрезъ это, и въ этомъ же человеколюбивомъ духѣ, совершилъ безграничную державу Своей благодати, сокрушающую все враждебное какъ *сосуды скудельничи*. Въ третьихъ, въ заключеніе видѣній, Тайнозритель видѣлъ Іерусалимъ славы, сходящій съ новаго неба на новую землю (XXI и XXII). Это раскроется во всей силѣ еще въ будущей жизни. Но чтобы въ насъ было чему тогда раскрываться, надо намъ еще теперь предусвоить себѣ этотъ Іерусалимъ, и притомъ въ самомъ направленіи и духѣ нисхожденія этой *невѣсты—жены Агнчей* (XXI, 9) съ неба на землю: надо намъ въ настоящей жизни проводить Христовъ духъ, благодать и истину

во все наше земное, къ очищенію всего отъ зла.

Объяснять ли теперь, какъ свѣтъ обозрѣннаго нами Откровенія побуждаетъ насъ, въ нашей современности, и къ печали по Богу, сообразной „Плачу Іереміи“, и къ радости о Господѣ, изліянной въ „Пѣсни пѣсней“? Это ясно само собою. Поставимъ на видъ только слѣдующее:

Вотъ, мы, едва, можно сказать, коснулись содержанія Апокалипсенса, какъ раскрываютъ его уже самыя событія. Но и то уже имѣемъ полное право и основаніе сказать всѣмъ неправомыслящимъ не только о церкви, но и вообще объ истинѣ, это слова „велегласнаго Исаіи: *да узрятъ и уразумѣютъ, и помыслятъ, и увѣдятъ вкупѣ, яко рука Господня сотвори сія вся, и Святыи Израилевѣ покажа.... Да приближатся и возвѣстятъ вамъ* (съ Еврейск. „намъ“), *яже сбудутся, или яже прежде быша, рцыте; и приставимъ умъ и уразумѣемъ, что послѣдняя и будущая; рцыте намъ, возвѣстите намъ грядущая на послѣдокъ и увѣрны, яко бози есте“...* Кто предсказалъ это въ началѣ, чтобы мы знали, и прежде, чтобы мы сказали: правда? Никто не предсказалъ, никто не возвѣстилъ, никто не слышалъ словъ вашихъ. Я (говоритъ Господь) пер-

вый сказалъ Сіону: вотъ, вотъ оно“. .. (Ис. ХІІ, 20—27). Вѣдь Откровеніе и Исторія оказываются точно только какъ бы разноязычными изложеніями одного и того же предмета: такъ Откровеніе предначертало Исторію и эта послѣдняя оправдала первое!

Но главное въ откровеніи судебъ міра и церкви, которыхъ столько уже совершилось донынѣ, состоитъ вотъ въ чемъ: эти судьбы обоснованы существенно на подъявшемъ на Себя и тѣмъ препобѣдившемъ мірское зло Агнцѣ Божіемъ—Христѣ, Которому поэтому и далъ Отецъ не только самому въ своемъ принятѣ, за насъ, человечествѣ — *разинуть книгу* судебъ, послѣдовательно раскрывающихъ силу побѣды его надъ зломъ, но и *показать намъ илже подобаетъ* *быти* *вскорѣ* (Апок. I, 1. V, 5 и сл.), съ подтвержденіемъ не оставлять этого откровенія подъ печатію необычайной тайны (XXII, 10).

IV.

СООБРАЖЕНІЕ 3-Й КНИГИ ЕЗДРЫ СЪ СОДЕРЖАНІЕМЪ АПОКАЛИПСИСА.

Есть въ ряду Библейскихъ книгъ одна, хотя и неканоническая, книга, которая оказывается выраженіемъ вѣры, съ глубокимъ разумѣніемъ приликавшей къ таинственнымъ видѣніямъ Апокалипсиса, какъ скоро послѣдній данъ былъ церкви чрезъ св. Іоанна Богослова. Это—3-я книга Ездры, книга новозавѣтнаго происхожденія, содержащая въ себѣ новозавѣтныя воззрѣнія, и именно разъясненіе новозавѣтныхъ судебъ, открытыхъ въ Апокалипсисѣ, — только облекшая это содержаніе, подобно отчасти и Апокалипсису, въ ветхозавѣтную форму (*). Дѣло, по

(*) См. обстоятельное розысканіе объ этомъ въ особомъ моемъ сочиненіи: „Исслѣдованія о достоинствѣ, цѣлости и происхожденіи 3-й книги Ездры“. 1864 г. Москва.

Исслѣдованіямъ этой книги, оказывается вотъ въ чемъ: — въ Апокалипсисѣ есть, какъ мы выше видѣли, открытое обозначеніе *Вавилона* (XVII); но кромѣ этого открытаго во виѣ вида вавилонскаго преобладанія надъ новымъ Израилемъ, осуществленнаго во виѣшнемъ порабощеніи православнаго востока, какъ показано выше, — Апокалипсисъ представляетъ и еще другой, сокровенный видъ также вавилонскаго преобладанія надъ христіанскимъ міромъ. Въ образѣ звѣря, изображающаго антихристіанское направленіе разума (XIII), воспроизведенъ, вмѣстѣ съ другими символическими звѣрями Даниілова видѣнія (изъ VII гл. Данил.), и *левъ*, знаменующій у Данила именно вавилонское преобладаніе надъ Израилемъ. И вотъ христіанскій писатель 3-й книги Ездры настолько вошелъ въ смыслъ Апокалипсиса, что усмотрѣлъ изъ него грозившій и новому Израилю сугубый вавилонскій плѣнь — виѣшній и сокровенно-духовный (*);

(*) Намъ уже (повторимъ сказанное нами въ упомянутыхъ предыдущимъ примѣчаніемъ „Исслѣдованіяхъ“ 3-й кн. Ездры) не одинъ Апокалипсисъ, но, къ раскрытію его смысла, и исторія и современная дѣйствительность свидѣтельствуютъ о *двухъ видахъ нововави-*

углубился въ скорби и губительства этого, страшнаго для разумѣющихъ, бѣдствія; проникъ глубоко въ открытый Апокалипсисомъ выходъ новаго Израиля изъ обонхъ видовъ вавилонскаго надъ нимъ преобладанія, и потребное для этого выхода направленіе вѣры олицетворилъ въ образѣ Ездры, служеніе котораго, какъ извѣстно, состояло въ возстановленіи еео-кратическаго порядка послѣ вавилонскаго плѣна и въ очищеніи народа Божія, возвратившагося съ самимъ Ездою изъ Халдеи, отъ языческой примѣси. Такъ онъ и написалъ свою книгу отъ лица и имени Ездры (*).

Нѣтъ нужды объяснять, что такая книга какъ будто и писана прямо для нашего времени, въ духъ котораго, и съ печальной и съ радостной стороны его, заранѣе входилъ писатель этой

лонскаго плѣненія новаго Израиля — одного варужу открытаго на востокъ (разумѣемъ магометанское владычество надъ православными), другаго духовнаго на западъ (разумѣемъ плѣненіе христіанъ подъ духовною властію и суетумудріемъ западнаго неправославія).

(*) Подобнымъ образомъ писатель *книги премудрости Соломона* олицетворилъ въ образѣ Соломона истинное и глубокое разумѣніе премудрости, написавъ отъ лица Соломона эту книгу.

книги своею мыслию и чувствомъ, подъ руководствомъ откровенія Іоанна Богослова. Поэтому-то, сколько можно впрочемъ — пока короче, прослѣдимъ содержаніе 3-й книги Ездры, соображая его съ Апокалипсисомъ (*).

Въ двухъ первыхъ, вступительныхъ главахъ этой книги изображается, что Ездра отъ имени Господа обличаетъ Израиля въ невѣрности и изрекаетъ на него приговоръ отверженія, »свидѣтельствуя въ то же время о благодати будущаго Божія народа, дѣти котораго будутъ торжествовать въ радости, плотскими очами не видавъ Господа, но духомъ вѣруя тому, что Онъ сказалъ (I, 37), — »народа, идущаго съ востока“ для пріятія владительства, обѣщаннаго праотцамъ и предреченнаго Пророками (38 — 40). Тогда какъ мать невѣрнаго Израиля представляется вдовою, противъ которой призываетъ во свидѣтеля Сынъ Божій са-

(*) Чрезъ это подтвердятся вышензложенные результаты »Исслѣдованій“ о 3-й книги Ездры, а вмѣстѣ раскроется руководительное для насъ значеніе Апокалипсиса, съ подтвержденіемъ нашихъ объ немъ соображеній.

маго Своего Отца (II, 4, 5 и сл.); матери новаго Божія народа, напротивъ того, дѣлаются такія благодатныя внушенія: „обними, мать, дѣтей своихъ, воспитывай ихъ съ радостію, по-голубиному (т. е. кротко) укрѣпляй ихъ“ ноги“, при этомъ заповѣдуется ей духъ любви, посящей всяческія тяготы другихъ, какъ-то вдовъ, сиротъ, бѣдныхъ, нагихъ, изувѣченныхъ, престарѣлыхъ, малолѣтнихъ и проч. Что здѣсь имѣются въ виду тяготы не внѣшнихъ только бѣдствій и тѣлесныхъ страданій, но и внутреннихъ, духовныхъ недостатковъ и болѣзней, это ясно изъ сказанныхъ, между прочимъ, къ матери благодатнаго народа слѣдующихъ словъ: „слѣпаго приведи къ видѣнію Моего свѣта“ (II, 15 — 32), — очевидно, что здѣсь разумѣется слѣпота духовная.—Чтоже это за новый Божій народъ съ своею человеколюбивою матерью? — Таинственный Ездра даетъ понять, что это есть собираемая на мѣсто непослушнаго Израиля церковь („сіонъ“) изъ язычниковъ вѣрующихъ (33, 34 и сл.); это — народъ изъ неисчислимаго множества „крѣпко стоявшихъ за имя Господне“, которымъ всѣмъ Сынъ Божій возлагаетъ на голову вѣнцы и даетъ въ руки пальмовыя вѣтви (42 — 47).

Сличая это съ Апокалипсическими видѣніями,

не можемъ не видѣть прямаго соотвѣтствія всего, сейчасъ изложеннаго, съ начальными Апокалипсическими откровеніями о судѣ надъ Іудеями и о собраніи, на мѣсто ихъ (за исключеніемъ избранныхъ изъ ихъ остатка), нечисленнаго множества изъ всякаго народа (Апок. VI и VII); это нечисленное множество изображено въ Апокалипсисѣ, точно какъ и въ 3-й книгѣ Ездры, съ пальмовыми вѣтвями (Апок. VII, 9 и сл.). Такимъ образомъ 3-я книга Ездры свидѣтельствуетъ, что начальныя Апокалипсическія видѣнія (VI и VII), еще въ самое первое время по выходѣ Апокалипсиса, понимаемы были, согласно и съ нашимъ разумѣніемъ этихъ видѣній, именно объ отверженіи невѣрнаго Израеля и о собраніи, на мѣсто его, церкви изъ языковъ. — Но не опустимъ при этомъ изъ вида, что Ездра является, во 3-й книгѣ его имени, не ветхозавѣтнымъ, а уже христіанскимъ Ездрую, не историческимъ лицомъ, а олицетвореніемъ или воспроизведеніемъ въ христіанствѣ духа Ездрина, находящимся въ средѣ плѣненія уже новаго Израеля и служащимъ къ очищенію его отъ тяжелыхъ и болѣзненныхъ слѣдовъ плѣна, къ возстановленію или, вѣрнѣе, поставленію только на видъ—живой благодатной ееоократіи. Отсюда же слѣ-

дуетъ, что этотъ таинственный Ездра, указывая на отверженіе Израиля за его невѣрности и на собраніе новаго Божія народа изъ языковъ вѣрующихъ, чрезъ это внушаетъ плѣнному новому Израилю, что приражающійся къ нему и многими въ немъ принимаемый жестоковѣрный духъ іудейства ведетъ только къ отверженію, какъ и оказалось это въ грозномъ судѣ надъ Іудеями, — что Господь спешитъ найти и найдетъ мѣсто для Своей челоувѣколюбивой благодати и истины въ средѣ, водящейся доселѣ по большей части духомъ язычества, — въ средѣ всего мірскаго и земнаго, какъ уже нѣкогда собралъ Онъ церковь Свою изъ языковъ и воздвигъ въ ней неисчислимое множество побѣдоносныхъ мучениковъ. . . . Въ такомъ торжествѣ вѣры надъ духовнымъ іудействомъ и духовнымъ язычествомъ и состоитъ то освобожденіе новаго Израиля отъ плѣна, до мысли о которомъ Ездра доходилъ еще прежде (*) съ тяжолыми недоумѣніями и чрезъ

(*) Во вступительныхъ первыхъ главахъ Ездра представляется плѣнникомъ уже въ землю Мидской, въ царствѣ Артаксеркса царя Персидскаго, и ему дается повелѣніе возвѣстять народу, каковая и великая чудеса Господа Бога видѣлъ онъ еще прежде (II, 48, I, 3), —

ободрительныя небесныя вразумленія, — какъ это излагается въ слѣдующихъ двѣнадцати главахъ.

Получивъ повелѣніе возвѣститъ народу Божию прежнія видѣнія, таинственный Ездра рассказываетъ, какъ онъ, еще въ первую половину вавилонскаго плѣна, обуреваемъ былъ тяжелыми недоразумѣніями о судьбѣ плѣннаго Израиля (III), какъ по этому поводу вразумляемъ былъ (*) отъ Ангела, что нельзя дознать неизслѣдимаго, что у Всевышняго все въ мірѣ взвѣшено на вѣсахъ, и потому, посѣянное чрезъ Адамово грѣхопаденіе, сѣмя зла до своего пожатія и сѣмя благодатнаго добра до своего торжества раскрываются послѣдовательно,

на тридцатомъ году еще вавилонскаго преобладанія (III, 1).

(*) Мы здѣсь едва касаемся недоразумѣній Ездры и вразумленій его отъ Ангела, слѣди собственно соотношеніе 3-й книги Ездры съ Апокалипсисомъ. Глубокія новозавѣтныя воззрѣнія, развиваемыя въ собесѣдованіяхъ Ездры съ Ангеломъ, обозначены у насъ въ упомянутыхъ выше „Исслѣдованіяхъ“ о 3-й книгѣ Ездры.

строго-размѣреннымъ порядкомъ, въ которомъ ни прибавить, ни убавить ничего нельзя, — что однако болѣе уже прошло, нежели сколько остается до будущаго торжества добра (IV). За тѣмъ указаны были Ездрѣ знаменія близости этого торжества, знаменія грозныя и печальныя: „*живущіе на землю* будутъ обременены многими данями. . . . Неправда умножится болѣе той, которую ты видишь, и той, о которой ты слышалъ когда-либо. . . . Землю, . . . теперь господствующую, увидятъ опустошенною. . . . Увидишь послѣ третьей трубы, и вдругъ возсіяетъ солнце ночью и луна трижды въ день. И закаплетъ кровь съ дерева. . . и народы поколеблются. И будетъ царствовать тотъ, кого не ожидаютъ живущіе на землю. . . . И море содомское будетъ извергать рыбъ. . . и будетъ нестроеніе въ мѣстахъ многихъ, и часто будетъ огонь ниспускаться . . . и въ сладкихъ водахъ окажутся соленыя (съ Евѳіопск. „горькія“), и всѣ друзья возстанутъ другъ на друга и тогда скроется мудрость. . . . И будетъ въ то время, что люди будутъ надѣяться и не получаютъ, будутъ трудиться и не управятся ихъ путь“ (V, 1 — 15).

Случая такіа знаменія съ Апокалипсическими видѣніями, мы находимъ: во 1-хъ очевидное

сходство этихъ знаменій съ изображеннымъ въ Апокалипсисѣ, вслѣдъ за видѣніемъ неисчислимаго множества съ пальмовыми вѣтвями, судомъ надъ невѣрующими идолопоклонниками: казни этого суда совершаются по звукамъ *трубъ Ангельскихъ*, и совершаются именно надъ *землею*, на которую съ ея *деревами* низвергается, между прочимъ, *огонь съ кровью*, опустошающій эту землю, — надъ *моремъ*, въ которое низвергается пылающая гора (подобно какъ пламень низвергся на Содомъ и открылось содомское море), — надъ *водами* рѣчными и источниковыми, которыя стали отчасти *горькими*, — надъ *солнцемъ и луною* съ другими свѣтилами, — за тѣмъ, между прочимъ, мучить людей саранча съ *царемъ губителемъ* (Апок. VIII и IX); подобныя и отчасти даже буквально тождественныя казни указываются и между вышеозначенными „знаменіями“ по 3-й книгѣ Ездры (*). Во 2-хъ, можемъ примѣтить, что въ этой книгѣ „знаменія“, сходныя съ означенными сейчасъ Апокалипсическими казнями, перемежаются или перемешиваются такими, въ которыхъ загадочная чрезвычайность первыхъ разрѣшается въ болѣе простыя и обыкновен-

(*) См. выше курсивомъ напечатанное.

ныя явленія, какъ-то: обременительность общественнаго устройства по налогамъ или данямъ, народное колебаніе, нестроеніе во многихъ мѣстахъ, умноженіе неправды, сокрытіе свѣта мудрости, возстанія другъ на друга, безуспѣшность и разстройство во всемъ; а именно все подобное и означается Апокалипсическими казнями надъ языческимъ міромъ, по нашему разумѣнію (*), которое такимъ образомъ подтверждается и 3-ю книгою Ездры. Въ 3-хъ, не оставимъ и здѣсь безъ вниманія, что Ездра этой книги раздѣляетъ бѣдствія плѣна уже съ новымъ Израилемъ, со многими христіанами. А потому чрезъ указаніе этимъ повозавѣтнымъ плѣнникамъ духовнаго Вавилона на казни, опредѣленныя языческому міру и теперь уже давно совершившіяся надъ нимъ, внушается, что, какъ ни усилилась тиранія языческихъ началъ, или невѣрнаго владычества, надъ многими изъ христіанъ, — судъ и надъ этимъ язычествомъ не дремлетъ, какъ онъ былъ опредѣленъ еще древнему язычеству и уже совершился именно надъ греко-римскимъ язычествомъ.

(*) См. въ обзорѣніи содержанія Апокалипсиса — второй отдѣлъ (гл. VII и VIII).

Такое же отношеніе 3-й книги Ездры къ Апокалипсису мы видимъ и далѣе. Такъ, послѣ новыхъ недоразумѣній Ездры и послѣ вразумленія его Ангеломъ, что судьбы Божіи, раскрываясь послѣдовательно, подобны однако кругу, въ окружности котораго каждая точка въ равномъ разстояніи отъ центра и потому „ни самыя послѣднія (по времени) не опаздываютъ, ни самыя первыя не упреждаютъ“ (3 Ездр. V, 14 — 56), Ездръ торжественно возвѣщается о концѣ прежняго бѣдственнаго времени и о новомъ лучшемъ времени, слѣдующемъ за первымъ, какъ Іаковъ за Ісавомъ изъ утробы матерней; при этомъ указываются знаменія не только конца проходящаго бѣдственнаго времени, знаменія печальныя и мрачныя, сходныя и отчасти тождественныя съ означенными выше, но и свѣтлыя знаменія грядущаго лучшаго времени. Знаменія этого послѣдняго такія: „увидятъ тѣхъ, которые воспріяты (Богомъ), которые *не вкусили смерти отъ своего рожденія* (*), и сердце живущихъ измѣнится и обратится въ другое чув-

(*) Съ Евѳіопскаго еще яснѣе: „въ тотъ день увидятъ тѣхъ людей, которые возшли и не вкусили смерти отъ рожденія своего“.

ство. Ибо зло сотрется. . . *вѣра процвѣтетъ. . . покажется истина*“ и проч. (VI, 1 — 29). Въ Апокалипсисѣ, послѣ суда надъ язычествомъ, также торжественно возвѣщается, что *»времени уже не будетъ«* (Апок. X), не въ безотносительномъ смыслѣ, но времени именно языческаго преобладанія надъ церковію, дотолѣ слѣдимаго въ откровеніи; а за тѣмъ являются два великіе пророка—свидѣтели Христовы, поразительно напоминающіе своими дѣйствіями особенно *Илію, не видѣвшаго смерти* подобно Еноху (XI), — принесшіе съ собою время именно *процвѣтанія вѣры и раскрытія истины*, время всецеленскихъ соборовъ, какъ показали событія (*).

Ясно, что и это Апокалипсическое видѣніе, въ своихъ характеристическихъ принадлежностяхъ, перенесено въ 3-ю книгу Ездры и здѣсь понято, въ сущности, такъ, какъ и нами объяснено въ обзорѣнн Апокалипсиса. Для плѣнниковъ вавилонскихъ, изъ новаго Израиля, указаніе Ездры на это Апокалипсическое видѣніе имѣетъ смыслъ такого внушенія или за-вѣренія, что наконецъ пройдетъ бѣдственное

(*) См. въ обзорѣнн содержанія Апокалипсиса—третій отдѣлъ (IX и X).

время (*) какихъ бы ни было видовъ враждебнаго (духовнаго или вѣшняго) преобладанія надъ христіанами, что за этимъ Исавомъ непременно послѣдуетъ, записая его, Іаковъ — время лучшее, подобное времени процвѣтанія вѣры и раскрытія истины въ періодъ вселенскихъ соборовъ. . . .

За тѣмъ Ездра снова, уже въ третій разъ, предается тяжолымъ недоумѣніямъ о судьбѣ плѣннаго Вавилономъ Божія народа. Онъ углубляется молитвенно въ тайну міротворенія и первобытнаго состоянія человѣка, тайну, которая показываетъ, что ради Божіихъ людей, или ради вѣрнаго своему Богоподобному значенію человечества, созданъ и весь міръ (**); при-

(*) Примѣчательно, что между знаменіями этого худшаго времени здѣсь (VI) и выше (IV гл.) указаны рожденіе женщинами уродовъ и недоносковъ, которые однако останутся жить, или говоръ однолѣтнихъ младенцевъ: это, очевидно, значитъ, что враждебныя вѣрѣ заблужденія или направленія происходятъ обыкновенно отъ духовной неразвѣтости или уродливости. Другія знаменія, которыхъ выше мы не касались, даютъ мысль о совершеніи чрезъ нихъ Божія суда (*книги разгнутся*, и проч. слч. Апок. XX, 13), отражающагося и на вѣшной природѣ (3 Ездр. VI, 20 — 24): такъ и въ Апокалипсисѣ.

(**) Разъясненіе этой глубокой тайны міротворенія см. въ моемъ сочиненіи: „О міротвореніи“.

чемъ въ мірозданіи, въ которомъ такимъ образомъ завиты судьбы человѣчества, онъ по отношенію, конечно, къ этому послѣднему указываетъ въ особенности на двухъ животныхъ чудовищной величины и чрезвычайнаго назначенія, одно, принадлежащее морямъ, а другое—сушѣ или землѣ (*). (Это—3 Ездр. VI, 30—53). Послѣ вразумленія Ездры, что спасаемое человѣчество идетъ къ своему великому назначенію не иначе, какъ тѣснымъ и скорбнымъ путемъ, открывается ему слѣдующее: вотъ придетъ время, и будетъ, что, по исполненіи знаменій (вышеозначенныхъ), . . . явится не вѣста и открыто покажется земля, которая нынѣ сокрывается. . . Сынъ мой Іисусъ явится съ тѣми, которые съ Нимъ, и этотъ остатокъ будетъ наслаждаться въ продолженіи четырехъсотъ лѣтъ. И послѣ этихъ лѣтъ будетъ, — умретъ Сынъ мой Христосъ и всѣ люди, имѣющіе дыханіе. И міръ обратится въ древнее безмолвіе на семь дней, какъ было въ преж-

(*) Одно называется Левіаѳанъ, а другое Енохъ или, по другимъ чтеніямъ, Бегемотъ. Указаніе на такіа чудовищныя животныя, изображающія собственно нравственныхъ чудовищъ, есть и въ кн. Іова. См. мою монографію: „Св. Іовъ многострадаальный“.

нихъ судахъ, такъ что не останется никого. И будетъ послѣ семи дней, возбудится міръ, который еще не бодрствуетъ, и растлѣнное умретъ, и земля отдастъ свящихъ въ ней. . . . И Всевышній явится на сѣдалищѣ суда. . . . станетъ истина, вѣра получитъ силу. . . . воспрянутъ правды и не будутъ господствовать неправды“ (3 Езд. VII, 1 — 35). — Нѣтъ нужды и говорить, какъ во всемъ сказанномъ много загадочнаго до странности. Но сообразимъ все это съ Апокалипсическими видѣніями, и все окажется яснымъ и глубокознаменательнымъ.

Въ Апокалипсисѣ, при закончаніи еще періода вселенскихъ соборовъ, провозглашалось, что „царства міра содѣлались царствомъ Господа нашего и Христа Его“ (XI, 15), послѣ чего явилась жена, облеченная въ солнце, съ вѣнцемъ изъ звѣздъ и проч. (XII, 1 и сл.): такъ земля, и прежде сокровенно осѣняемая благодатію, оказалась открыто благодатною и явилась невѣста, какъ сказано въ 3-й книгѣ Ездры. Около жены, въ видѣніи Апокалипсическомъ, явился и враждебный змій, какъ то было съ первою женою еще въ первобытномъ состояніи человѣчества вскорѣ по совершеніи міротворенія; жена, по Апокалипсису, имѣла родить и родила сына, имѣющаго пасти

и сокрушать языки жезломъ желѣзнымъ: *ради насъ*, молитвенно говоритъ въ соотвѣтствіе этому Ездра, углубляющійся въ тайну міротворенія и первобытнаго состоянія нашего, *ради насъ создалъ еси вѣкъ, прочія же языки. . . рекъ еси оныя ничтоже быти*. За тѣмъ, по Апокалипсису, являются два чудовищные звѣря, одинъ изъ моря, другой изъ земли (Апок. XIII), при изображеніи которыхъ говорится объ Агнцѣ Божіемъ, закланномъ въ мысли Божіей еще отъ созданія міра (тамже ст. 8), такъ что, видно, еще при самомъ міротвореніи были уже у Создателя Бога Слова въ виду испаденія людей до чудовищнаго звѣрообразія, пріятыя Имъ тогда же на себя, какъ Агнцемъ Божіимъ: вотъ и эти два чудовищныя животныя *водъ и суши*, на которыя указываетъ Ездра, слѣдя шестидневное міротвореніе. Далѣе, по Апокалипсису, на горѣ Сіонѣ является Агнецъ со ста сорока четырьмя тысячами своихъ избранныхъ, поющихъ торжественную пѣснь (Апок. XIV, 1 и сл.); а этимъ самымъ числомъ выше въ Апокалипсисѣ означенъ избранный остатокъ вѣрующихъ Іудеевъ при первоначальномъ распространеніи христіанства, когда вмѣсто ветхозавѣтнаго Израиля, въ большинствѣ своемъ невѣрующаго, собирался и размножался

новый Божій народъ христіанъ (см. VII гл.), подобно какъ иѣкогда размножался древній Израиль во время *четырехсотлѣтняго* (Быт. XV, 13.) пребыванія своего въ Египтѣ: совокупляя все это, по внутренней связи всего этого и единству дѣйствующей во всемъ томъ Христовой благодати, въ одно благодатное явленіе, 3-я книга Ездры и говоритъ, что Господь „Исусъ явится съ тѣми, которые съ Нимъ, и этотъ остатокъ будетъ наслаждаться *четыреста лѣтъ*“, когда т. е. большинство и христіанскаго міра окажется невѣрнымъ и нужно будетъ вновь собирать и размножать благодатный Божій народъ. Потомъ, въ Апокалипсисѣ, (XV и XVI), изображается судъ Божій надъ отступническими невѣриостями міра христіанскаго, состоящій въ *семи* язвахъ, слѣдующихъ одна за другою, подобно какъ прежде въ судѣ надъ язычествомъ совершилось *семь же* послѣдовательныхъ казней (VIII и IX); такой судъ не только падаетъ на невѣрныхъ Христу, но подымается, безъ сомнѣнія, и вѣрными по сообщничеству или участію ихъ въ Агнчемъ, побѣдоносномъ надъ зломъ, самопожертвованіи до *смерти* за виноватыхъ (XVII, 14): такъ и исполняется сказанное въ 3-й книгѣ Ездры, что, послѣ наслаж-

денія со Христомъ остатка вѣрныхъ, „умретъ Христосъ и всѣ люди, имѣющіе дыханіе«, что такая сила смерти Христовой будетъ дѣйствовать, съ своею небесною тишиною, на цѣлые семь дней, подобно какъ это было въ прежнихъ судахъ. семью послѣдними язвами, по Апокалипсису, и оканчивается ярость Божія на невѣрности христіанскаго міра, такъ что далѣе слѣдуетъ изложеніе одного за другимъ многовѣковыхъ враждебныхъ преобладаній надъ вѣрою (см. Апок. XVIII — XX, 6), увѣчиваясь, такъ называемымъ, *первымъ воскресеніемъ*, или оживленіемъ въ христіанскомъ мірѣ всего, убитаго или забитаго прежде, и судомъ надъ прежними неправдами: такъ, и по 3-й книгѣ Ездры, „послѣ семи дней возбудится міръ... и земля отдастъ спящихъ въ ней... И Всевышній явится на сѣдалищѣ суда... станетъ истина, . . . и не будутъ господствовать неправды“ и проч.

Послѣ новыхъ вопросовъ Ездры и вразумленій его Ангеломъ, именно касательно судьбы и загробнаго состоянія добрыхъ и злыхъ, послѣ успокоеній любви его, до крайности болѣзнующей о погибели злыхъ людей, послѣ рѣшительнаго подтвержденія, что только вѣрою и дѣлами можно достигнуть лучшаго здѣсь и въ будущемъ, а

за невѣрности Богу неминуемо и справедливо грозитъ пагуба, при всей чрезмѣрности чело-
вѣколюбія Божія, (3 Ездр. VII, 36 и слѣд. VIII,
IX, 1—22), Ездрѣ дается знать чрезъ видѣнія,
какъ новый Израиль освободится отъ разныхъ
враждебныхъ преобладаній надъ собою. Эти
видѣнія также соотвѣтственны видѣніямъ Апо-
калипсическимъ, относящимся къ тому же пред-
мету.

Такъ, во первыхъ, въ соотвѣтствіе Апока-
липсическому видѣнію жены—православной церк-
ви, озлобляемой духомъ лжи папизма и водворив-
шейся въ пустынь магометанскаго порабащенія,
но безопасно породившей *сына мужескаго* съ
великимъ назначеніемъ пасти языкъ, Ездра по-
лучаетъ такое видѣніе (3 Ездр. IX, 23—X):
жена, уже возрастившая своего сына до его
брака, является ему среди загороднаго пустын-
наго, впрочемъ цвѣтистаго, поля въ смертель-
номъ горѣ отъ внезапной смерти сына, когда
онъ уже вошелъ въ брачный чертогъ; Ездра,
принимая ее за обыкновенную женщину, опла-
кивающую смерть сына, сталъ-было утѣшать ее
о горестяхъ Сіона, матери вѣрующихъ, о плѣ-
неніи ея дѣтей,—какъ вдругъ лице явившейся
жены заблестало, видъ ея сдѣлался грознымъ и,
восклинувъ такимъ голосомъ, отъ котораго по-

колебалась земля, превратилась она въ великолѣпный городъ, строящійся на великихъ основаніяхъ и размѣрахъ. *Нынѣ видитъ Вышній*, такъ сказано Ездръ въ изъясненіе этого видѣнія, *яко душею прискорбенъ еси и яко всльмъ сердцемъ терпиши о Іерусалимъ, яви тебѣ свѣтлость славы Его и красоту лѣноты его*. Дай, Господи, и намъ всѣмъ такое участіе въ Твоей Агнчей брачной вечери, чтобы соучаствовать Твоему человеколюбивому самопожертвованію до крестной смерти за грѣшныхъ и заблуждающихъ; и да не замедлитъ такимъ образомъ раскрыться спасительное для востока и запада христіанскаго торжество и слава православной церкви (см. Апок. XIX, 7—9)! Матерь Божія, представительница и ходатаица церкви, первообразъ жены, да подвигнетъ сообразующіяся съ Нею души къ материнской скорби объ усыпленіи и бездѣйственной для Христа мертвости нашего духа, о мертвенной чрезъ это связанности въ насъ и благодатнаго Христова духа, или о второмъ распятіи во многихъ изъ насъ Сына Ея; и да раскроется чрезъ это во всемъ величіи и красотѣ, во всей благодатной силѣ своей, православно-церковный духъ! Да падетъ, какимъ образомъ, вражда змія противъ жены—св. церкви на собственную его человеко-убій-

ственную голову, внушившую людямъ, и въ самомъ христіанствѣ, мечту о совмѣстничествѣ съ Господомъ, съ Его всемірнымъ главенствомъ!...

Во вторыхъ, въ соотвѣтствіе Апокалипсическому видѣнію о звѣрообразномъ антихристіанскомъ направленіи разума, въ образѣ котораго соединены четыре звѣря Даніилова видѣнія и съ особенною поразительностію выступаетъ на видъ Богохульное невѣріе четвертаго изъ этихъ Даніиловыхъ звѣрей (Апок. XIII, слч. Дан. VII), Ездра во снѣ видитъ орла, которому изрекается: *не ты ли еси, иже остался еси отъ четырехъ животныхъ (Даніилова видѣнія)... И четвертый грядый побѣди вся животная... И судилъ еси землю не со истиною, сокрушилъ бо еси кроткихъ, и повредилъ еси миролюбивыхъ, и возлюбилъ ложныхъ... Сего ради не являйся ты, орле... яко да прохладится вся земля, и обратится свободна отъ твоея силы, и уповаетъ на судъ и милосердіе Того, Иже сотвори ю. И за тѣмъ, Ездрѣ показана до подробностейъ вся судьба и гибель четвертаго (именно Сиро-египетскаго) преобладающаго надъ Израилемъ (см. 3 Ездр. XI и XII гл).—Такъ, видно, все предусматрѣно до подробностейъ, что касается судьбы и пагубы—*

и звѣрообразнаго преобладанія невѣрующаго Христу разума; и земля освободится отъ этого преобладанія, *судящаго не со истиною и любящаго ложныхъ*. Въ Апокалипсисѣ сказано, что этотъ звѣрь, какъ и его звѣровидный же лжепророкъ, живые будутъ схвачены въ своей лживости и брошены въ озеро огненное, какъ адская противоразумная ложь (Апок. XIX, 20).

Въ третьихъ, въ соотвѣтствіе Апокалипсическому видѣнію, а вмѣстѣ и въ подтвержденіе такого его разумѣнія, что, съ готовымъ изложеніемъ враждебныхъ и лживыхъ преобладаній надъ новымъ Израилемъ, открывается чрезъ изсушеніе Евфрата удобный путь *царямъ отъ восхода солнечнаго* или самому этому „царственному священству“—новому Израилю изъ своего плѣненія и разсѣянія (Апок. XVI, 12 и сл.),—Ездра видитъ во снѣ же, съ полученіемъ при этомъ и истолкованія Своего видѣнія: Сынъ Божій, въ человѣчествѣ Своемъ, стоитъ на верху горы Сіона, которую Онъ самъ себѣ „изваялъ безъ рукъ“ художниковъ; противъ Него отовсюду собрались неисчислимые враги, оставивъ бывшія до того взаимныя между собою брани и вражды, но Онъ на нихъ „пустилъ изъ устъ своихъ какбы дыханіе огня... и пожегъ всѣхъ, такъ что потомъ, отъ безчисленнаго

множества (враговъ), не осталось ничего кромѣ праха и дымнаго смрада“; а въ тоже время къ Нему стали собираться изъ-за Евфрата, нарочно изсушеннаго для этого, плѣнные пѣкогда и скрывшіяся для служенія своему Богу за Евфратъ, чада Израіля (3 Езд. XIII). Такъ-то, съ пораженіемъ и упраздненіемъ лживыхъ началъ враждебности противъ Христа чрезъ огненное благодатное движеніе Его Духа, возвратятся къ Нему всѣ разсѣяныя чада новаго Израіля со всѣмъ, что у нихъ, и въ странѣ ихъ плѣненія, уцѣлѣло лучшаго и живаго (слч. 3 Ездр. XIII, 42), возвратятся христіане къ торжествующему православію изъ всѣхъ видовъ неправославія или униженія православія. Таковъ *«онъй великій день Бога Вседержителя»*, названный въ Апокалипсисѣ (Апок. XVI, 14 сл. XIX, 11 и сл.). *Тако не можетъ кѣждо видѣти, сказано въ 3-й кн. Ездры, въ изъясненіи послѣдняго видѣнія, видѣти Сына Божія или тѣхъ, иже съ Нимъ суть, токмо во время дне! Да! Въ этотъ день.*

Всѣ вразумленія и распоряженія свыше, какія совершены среди плѣна вавилонскаго для Ездры и чрезъ него, завершаются тѣмъ, что, на мѣсто сожженныхъ книгъ Божія закона, дано Ездрѣ вновь написать священныя книги, и однѣ изъ

нихъ въ явь поставити для всѣхъ, достойныхъ и недостойныхъ, а другія предать только мудрымъ въ народъ (3 Ездр. XIV). Это, по отношенію къ Новому Завѣту, начертываемому Духомъ Святымъ, въ отличіе отъ каменныхъ скрижалей Ветхаго Завѣта, уже на живыхъ плотяныхъ скрижаляхъ сердца (2 Кор. III), имѣетъ весьма глубокознаменательный смыслъ. Да начертаетъ Духъ Господень въ живыхъ книгахъ умовъ и сердецъ нашихъ истинное и живое направленіе православнаго христіанства, направленіе благодатно-человѣколюбивое и объемлющее всѣхъ и все Христовою истиною и любовію, вмѣсто прежнихъ направленій — одного ревниваго по Христу, но жосткаго и нечеловѣколюбиваго, — другаго гуманнаго, но отчуждающагося отъ Христа, — направленій, отъ которыхъ въ христіанскомъ мірѣ перегорѣло много, много живыхъ книгъ! Само собою разумѣется, что истинное и живое направленіе, назначенное быть основаніемъ для будущаго духовнаго развитія людей (см. 3 Ездр. XIV, 19—22), должно быть открыто и имѣть силу для всѣхъ, входящихъ и не входящихъ въ это направленіе, достойныхъ и недостойныхъ, а раскроется вполнѣ во всей своей силѣ — только въ избранныхъ, проводящихъ это направленіе во всю глубину своего

духа и на всѣ стези своей жизни. Только въ этихъ *последнихъ* живыхъ книгахъ откроется корень разума, и премудрости источникъ, и вѣдѣнія рѣка (3 Ездр. XIV, 47, 48).

Въ заключительныхъ двухъ (XV и XVI) главахъ 3-й книги Ездры, какъ выводъ изъ всего предыдущаго, предлагаются съ одной стороны угроженія врагамъ Бога и церкви, представляемымъ въ образѣ враговъ ветхозавѣтной еиократіи, а съ другой, увѣщанія и ободренія вѣрнымъ Божиимъ людямъ. Въ угроженіяхъ видны также Апокалипсическія черты, наримѣръ: *и сразятся между собою... и будетъ кровь отъ меча даже до утробы, и иной человеческій даже до сѣдла вельблюдя* (XV, 35, 36 слч. Апок. XIV, 20); тоже въ особенности видно въ угроженіи Вавилону. Увѣщанія и ободренія вообще имѣютъ такую силу: *слышите слово людіе Мои* (такъ сказано отъ лица самаго Господа), *уготовайтесь на брань* (брань, безъ сомнѣнія, съ направленіями и началами лжи, неразумія, неправомыслія, порочности), *и въ злыхъ тако будите, якоже пришельцы земли* (идушіе къ своему Отцу небесному и въ Его любви, открытой во Христѣ Сынѣ Его и изли-

вающейся въ приѣмлющія души Святымъ Его Духомъ, не останавливающіеся рѣшительно ни на чемъ)... *Слышаше возлюбленіи Мои, рече Господь: се предъ вами суть дни скорби* (скорби отъ или объ упорствующихъ во лжи и злобѣ), *и отъ сихъ избавлю васъ. Не бойтеся, не сумнѣвайтесь, яко Богъ предводитель вашъ есть* (XVI, 41, 75, 76).

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>страни.</i>
1. Очеркъ св. книги „Плача Іереміи“	5
2. Очеркъ св. книги „Пѣсни пѣсней“	59
3. Общія соображенія объ Апокалипсисѣ	106
4. Соображеніе 3-й книги Ездры съ содержаніемъ Апокалипсиса	253

- - - -

ПРОДАЮТСЯ У МАПУХША

СОЧИНЕНІЯ А. М. БУХАРЕВА:

О СОВРЕМЕННЫХЪ ДУХОВНЫХЪ ПО- ТРЕБНОСТЯХЪ

мысли и жизни, особенно русской. Собрание разныхъ статей. М. 1865 г. ц. 2 р. 50 к.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

о достоинствѣ, цѣлости и происхожденіи 3-й книги Ездры. I Отдѣл. а) О священо-библейскомъ, неканоническомъ, достоинствѣ 3-й книги Ездры. б) О цѣлости и неповрежденности 3-й книги Ездры. II Отдѣл. а) Время происхожденія 3-й книги Ездры. б) Какъ и съ какимъ назначеніемъ произошла эта книга съ именемъ Ездры. с) Писатель 3-й книги Ездры. М. 1864 г. ц. 60.

СВ. ПРОРОКЪ ДАНИИЛЪ.

Очеркъ его вѣка, пророческаго служенія и священной книги. Содержаніе книги Пр. Даниила. I. Дѣла и откровенія Божія, простирающіяся чрезъ Израиля и на язычниковъ. II. Откровенія, данныя собственно для Іудеевъ. III. Характеръ св. книги Св. Пророка Даниила. М. 1864 г. стр. 190. ц. 80 к.

СВ. ПРОРОКЪ ІЕРЕМІЯ.

I Очеркъ его времени, жизни и пророческой книги 1. Время и обстоятельства прор. служенія Іереміи. 2. Личныя обстоят. и свойства. Пр. Іереміи. II. Содержаніе книги Св. Пророка Іереміи. 1. Характеръ книги. 2. Руководственное значеніе книги. М. 1865 г. ц. 35 к.

СВ. ПРОРОКЪ ІЕЗЕКІИЛЬ.

Очеркъ его времени, жизни и пророческой книги.

1. Пророческое служеніе и личныя особенности Іезекіиля. 2. Обзоръніе содержанія книги Пр. Іезекіиля. 3. Характеръ книги Пр. Іезекіиля. 4. Руководственное значеніе книги Іезекіиля. М. 1864 г. ц, 35 к.

СВ. ПРОРОКЪ ИСАІЯ.

Очеркъ его времени, пророческаго служенія и книги. Пророчесственныя обличенія и угрозы. Предреченія о Христвъ, Его благодати и Царствъ. Утѣшенія, увѣщанія и молитвы Пророка. Характеръ книги. Руководственное значеніе книги Пр. Исаіи. М. 1864 г. ц. 45 к.

СВ. ІОВЪ МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ.

Обзоръніе его времени и искушенія по его книгъ.

1. Общія замѣчанія о значеніи и происхожденіи книги Іова и о времени его жизни. 2. Духовныя потребности и характеръ времени Іова, задача и смыслъ его искушенія. 3. Начало и послѣдовательный ходъ искушенія Іова: бесѣда его съ друзьями, увѣщаніе искушенія бесѣдою съ Іовомъ самаго Бога и возвращеніемъ благоденствія Іовлеву. 4. Руководственное значеніе книги Іова. М. 1864 г. ц. 50 к.

О ПОДЛИННОСТИ И ЦѢЛОСТИ

Священныхъ книгъ Пророковъ: Исаіи, Іереміи, Іезекіиля и Даніила. М. 1864 г. ц. 80 к.

ПИСЬМА О БЛАГОДАТИ СВ. ТАИНСТВЪ Церкви Православно-Католической. М. 1864 г. ц. 35 к.

РЕЛИГИОЗНЫЯ СЕКТЫ

ЕВРЕЕВЪ

отъ паденія Іерусалима до нашихъ временъ и описаніе ихъ религіозныхъ обрядовъ, по Іосту. М. 1864 г. ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Введеніе: Состояніе Палестины. Религіозный законъ Іудеевъ. Ямнійская школа. Іохананъ. Его ученики: Танаили, Гамаіель, Акиба, Баръ-Кохба. Гностич. направленіе. Школа Симона—Б—Гамаіеля. Вавилонскія и Палестинскія школы до паденія послѣднихъ. Талмудъ. Іудейство въ Вавилонѣ до уничтоженія великихъ школъ. Законодательство Вавилонскихъ школъ. Антиталмудическое іудейство—караимъ. Законъ караимовъ. Богослуженіе. Богослуженіе въ праздники. Жизнь, нравы и обычаи караимовъ. Талмудическая школа—Гершомъ. Физиологія и поэзія въ Испаніи. Маймонидъ. Споръ о Мирзѣ и Мада и его печальныя послѣдствія. Побѣды философскаго направленія въ восточныхъ странахъ. Маймонидовская школа. Мистическое (кабалистическое) направленіе. Перенесеніе іудейской науки на Востокъ. Шаббате-Цви. Участъ мнимаго Мессіи-Цви. Секта Шаб.-Цви. Луцато и слѣды секты. Шассидимъ или Бештеръ. Сефардимцы и Ашкеназіицы. Отд. направ. Вессели. Движенія во французскомъ королевствѣ. Богослужебныя нововведенія. Процвѣтаніе науки. Споръ между обычаемъ и реформою. Движенія въ нѣмецкой синагогѣ. Борьба. Франкфуртскій союзъ и развитіе реформы. Бреславльскія семинарія. Еврейскіе обряды. Праздники и посты. Еврейскіе обѣды. Сговоръ, бракъ и разводъ. Погребеніе.

IV

ПОЛНЫЙ ОБРАЗЦОВЫЙ ПИСЬМОВНИКЪ

для всѣхъ классовъ общества, отпечатанный на сихъ только дняхъ 2-мъ изданіемъ, исправленный и дополненный, съ прибавленіемъ указателя существующихъ во всей Россіи ярмарокъ, новой таблицы гербовыхъ бумагъ, и бухгалтеріи; въ 3 частяхъ. Составилъ П. К. ПРОКОФЬЕВЪ. Чтобы не писать полнаго оглавленія, которое можетъ занять болѣе половины всего листа, мы ограничимся краткимъ указателемъ этой книги, въ 1-й части: титулы ко всѣмъ классамъ—формы обращеній,—письма на разные случаи общественной жизни, — письма поздравительныя, отвѣты на поздравительныя письма, — письма въ день рожденія, именинъ, и въ новый годъ, поздравительныя письма со вступленіемъ въ бракъ;—отвѣты на поздравленія, письма поздравит. по случаю беременности, —поздравит. письма съ повышеніемъ чина, съ выздоровленіемъ и по поводу разныхъ случаевъ, письма благодарственныя, извѣстительныя о помолвкахъ, разрѣш. отъ беремен. о раз. порученіяхъ, о смертныхъ случаяхъ, о дѣлахъ вообще и раз. предметахъ.—Отвѣты, письма утѣшительныя и рекомендательныя, пис. исполнительныя, пис. дѣловыя, пис. пригласительныя, пис. извинительныя, пис. дружес. сердечн. изліянія чувствъ и брачныя предложенія. Во 2-й части пятьдесятъ различныхъ Коммерческихъ писемъ—формъ къ уставу о векселяхъ девятнадцать номеровъ и раз. образцовъ, описаніе ярмарокъ. Въ 3-й части: образцы и формы судебныхъ актовъ и бумагъ. Различныя формы прошеній, заемныя письма, закладныя, купчія крѣпости, записки, договоры, вѣрющія письма или довѣренности, духовныя завѣщанія, билеты, аттестаты, росписи, табель гербовой бумаги и бухгалтеріи. М. 1864 года. Цѣна 1 р. 50 к., въ корешков. переплетѣ 1 р. 80 к., за перес. за 2 ф.

СТО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЧЕТЫРЕ

СВЯЩЕННЫЯ ИСТОРІИ

Ветхаго и Новаго Завѣта. 2 части, съ 25 картинами. М. 1865 г., ц. въ переплетъ 1 р.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ПОСОБІЕ

ДЛЯ ПРОПОВѢДНИКОВЪ

или собраніе темъ для проповѣдей и назидательныхъ мыслей, извлеченныхъ изъ Евангельскихъ чтеній на литургіяхъ въ дни воскресные, праздничные, нарочитыхъ святыхъ и при особенныхъ службахъ, совершаемыхъ въ православной російской церкви. Составлено Протоіереемъ П. Соколовымъ. 2 тома Спб. ц. съ пересыл. 2 р.

ДОМАШНЯЯ БЕСѢДА ПАСТЫРЯ

или разговоръ съ сельскимъ прихожаниномъ. ц. 75 к.

СОЧИНЕНІЯ АРХІЕПИСКОПА ФИЛАРЕТА

ЧЕРНИГОВСКАГО И ПѢЖИНСКАГО:

Православное Догматическое Богословіе. 2 тома. Черниговъ. 1864 г. ц. 2 р. 70 к., вѣс. 4 фун.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

Періоды 1, 2, 3, 4, 5, въ 2-хъ томахъ. Черниговъ. 1862 г. ц. 3 р., вѣс. 3 фун.

СЛОВА, БЕСѢДЫ И РѢЧИ

въ бол. 4-ю д. въ 4 частяхъ. Черниговъ. 1863 г. ц. 3 р. вѣс. 3 фун.

**ИСТОРИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ ОБЪ ОТЦАХЪ
ЦЕРКВИ,**

того же Филарета, 3 тома. Спб. ц. 5 р.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ПѢСНОПѢВЦЕВЪ

и пѣснопѣнія Греческой церкви. Второе изд. съ дополнен. Черниговъ. 1864 г. ц. 1 р. 50 к.

**ИСТОРИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ ОБЪ ОТЦАХЪ
ЦЕРКВИ**

(въ сокращеніи). Черниговъ. 1864 г. ц. 1 р. 50 к.

БЕСѢДЫ О СТРАДАНИЯХЪ

Господа нашего Іисуса Христа, говоренныя Филаретомъ Архіепископомъ Черниговскимъ. 2 ч. ц. 2 р. 80 к., съ пересылкою 3 р.

**РАЗМЫШЛЕНІЕ О СУЩНОСТИ ХРИСТІАН-
СКОЙ ВѢРЫ,**

соч. Гизо, перев. Священ. Сергіевскаго. М. 1865 г. ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

ДРЕВНОСТЬ И ВАЖНОСТЬ**АПОСТОЛЬСКИХЪ ПРАВИЛЪ.**

Сочин. Магистра Ив. Стратилатова съ приложеніемъ самыхъ Апостольскихъ правилъ. Спб. 1865 г. ц. 1 р., вѣс. 1 фун.

2007097180